

Michael Treister

GLEAMS OF MEMORY

VISIT TO KGB

COVER OF A PARTY-MEMBERSHIP CARD

Михаил Трейстер

ПРОБЛЕСКИ ПАМЯТИ

ВИЗИТ В КГБ

ОБЛОЖКА ПАРТБИЛЕТА

Copyright © 2011 Michael Treister All Rights Reserved.

This book has been translated into English with written permission from the author, Michael Treister, and the publisher of the first edition, The Minsk Historical Workshop, represented by Director Kuzma Kozak. The first edition *Gleams of Memory. Memoirs, Reflections, Publications* was published in 2007 in Minsk, Belarus in Russian and German. For this edition, the chapter “Gleams of Memory” was expanded, and the chapter “Cover of a Party-Membership Card” was added. This is the first English translation of the book, and the translator’s notes have been added to the English translation.

Copyright © 2011 Михаил Трейстер.

Данная книга была переведена на английский язык с разрешения ее автора Михаила Трейстера и издателя первого издания книги, Исторической Мастерской в г. Минске, представляемой ее директором г-ном Кузьмой Козаком. Первое издание книги *Проблески памяти. Воспоминания, размышления, публикации* на русском и немецком языках было осуществлено в Минске, респ. Беларусь, в 2007 году. Для настоящего издания глава «Проблески памяти» была расширена, кроме того в книгу добавлена новая глава «Обложка партбилета». Данное издание является первым переводом книги на английский язык. Текст перевода снабжен примечаниями переводчика.

Contents / Содержание

Part I	English Translation / Перевод на английский язык	4
Part II	Photographs / фотографии	89
Part III	Russian Original Text / Русский оригинал	120

Part I English Translation

Часть I Перевод на английский язык

Michael Treister

GLEAMS OF MEMORY

VISIT TO KGB

COVER OF A PARTY-MEMBERSHIP CARD

Contents

Heart's Bitter Memory.....	8
The Holocaust and the Jews' Resistance to the Nazis in Byelorussia.....	9
GLEAMS OF MEMORY	12
VISIT TO KGB.....	50
COVER OF A PARTY-MEMBERSHIP CARD	61
DOCUMENT EXTRACTS	70
Inventory of Michael Treister's Publications Used in the Book:	88

Historic consultant:
Kuzma I. Kozak

Editor:
Victor L. Lyaskovsky

Editor of English Translation:
Judy Solway

Translated from Russian by Victoria Treister

[Translator's notes are in square brackets.]

Author's notes are unbracketed.

Heart's Bitter Memory

It has been 65 years since the Minsk Ghetto was fully annihilated by Nazis. Minsk Ghetto was one of the biggest on the territory of the former USSR occupied by Nazis during World War II. This book was written by Michael Treister, who was a prisoner of this ghetto from the first day of its establishment and who was able to survive due to his courage, thirst for life, and many lucky coincidences. The book tells the reader of the Minsk Ghetto's short history and a story of the tragic destinies of its prisoners, who went through all the tortures of hell.

The author of the memoirs was not a passive victim, but a person who offered resistance to the Nazi machine of people-annihilation. He defended the Motherland with arms in his hands and avenged his relatives' and friends' deaths. That is why this book contains, besides the story of his struggle for survival in the Minsk Ghetto, his experiences in the partisan detachment.

In spite of the fact that hundreds of books have been written on the partisan warfare during the Great Patriotic War, hardly anything is known of the participation of Jews in it. The present memoirs, to some extent, fill in this gap and discredit the myth that Jews allegedly went to their death obediently, like "a herd to a slaughter-house". By the way, the considerable contribution that Jews made to the fight against the Nazis on the occupied territory could have been even greater, had the partisan command not hindered from joining partisan detachments those Jews who had managed to survive the annihilation actions and to flee from the ghettos.

By profession, Michael Treister is an electrical engineer and was head-engineer in many projects; at the same time he has an undoubted literary talent, which has enabled him to create veracious memoirs, distinguished by his passionate and precise style. Such a book cannot fail to rouse the reader's feelings, as it clearly renders the atmosphere of the place and time that left one no hope to survive.

It is necessary to reconstruct the Holocaust's truthful history in order to prevent its recurrence. And it is especially necessary now because the events that have taken place in different countries recently make it clear how tenacious the Nazi ideology is. Neo-Nazis and their accomplices are trying to "prove" that the tragedy of the Jewish people during World War II is obviously exaggerated, if not fabricated. In a number of countries neo-Fascism and anti-Semitism are breaking out with new force, while there are fewer and fewer eyewitnesses and survivors of the Holocaust in the world.

It is exactly for this reason that we must remember everything that happened to the Jews during the Second World War and must pass the memory of the Holocaust to the future generations. It is precisely this purpose that this book, written by Michael Treister, Vice-President of the International Union of Jews, serves.

*President of the International Union of Jews – Former Nazi Prisoners
Academician Efim Gologorsky*

The Holocaust and the Jews' Resistance to the Nazis in Byelorussia

The History of mankind is full of the tragedies of massacres, when a whole people was almost totally eliminated, such as the slaughter of Armenians by Turks, the so-called "social experiments" in Cambodia, the mass political murders in Indonesia and ethnic killings in Ruanda, and, those which are closer to us, Stalin's repressions and the Cultural Revolution in China. But, even compared to all these outrageous mass crimes, the Holocaust stands out and occupies a very special place in History.

The reasons for other massacres were religious hatred, territorial expansion, or fighting for "the happiness of future generations", but during the Holocaust Jews were killed only for being Jews, or in other words, just for the mere fact of their existence.

As Pope John-Paul II said: "The 20th century was a merciless attempt to annihilate the Jewish people". While doing it, the leaders and ideologists of the Third Reich did not even try to conceal or veil the real motive for the massacre. Moreover, it was declared as one of the fundamental objectives of the Nazi state.

It only remains for me to say that some European countries, including the neutral Switzerland, looked at the tragedy of the Jewish people quite indifferently and that some of them even refused to grant transit visas to Jewish refugees, which could have saved their lives.

These are the facts that define the Holocaust as an absolutely exceptional phenomenon. Its result was the annihilation of six million Jews, which equals 60% of all Jews who had lived in Europe before the war. This number does not include those Jews who served in the Allies' armies, first of all in the Red Army and partisan detachments, and were killed at war. These losses could be approximately estimated at half a million people.

As for Byelorussia, for all the unparalleled nature of the Holocaust, the destiny of Byelo-russian Jews differs from what we know of the fate of people on other territories occupied by the Nazis.

According to different sources, the loss of population in Byelorussia totalled from one-fourth to one-third of the prewar number, which included the loss of 800,000 Jews, that is, almost 97% of the total number of Jews who had lived in the Byelorussian Republic before the war. In other words, only two to three Jews, out of one hundred, survived the occupation, namely, those who managed to flee from ghettos, to reach the partisan regions, and, most important, to be admitted to partisan units. There are reasons to believe that only one out of every three to four people who escaped from the ghetto was admitted by the partisans. The rest lie in unidentified graves along the roads leading to the forests. And there are thousands of such graves.

Among those few who survived, some, mostly kids, were rescued by local people who helped Jews, risking their own lives and the lives of their families. It was heroism not less than a heroic deed on a battlefield. Nowadays, these modest heroes are awarded by the Yad Vashem Museum in Jerusalem the title of "Righteous among the Nations". In Byelorussia 700 people have been awarded this title and 50 of them still live. I am sure that there were many more of them, however, this search started in Byelorussia too late for some of them.

Another specific feature of the Holocaust in Byelorussia was that, in this republic, Jews were annihilated totally. In Transnistria, for instance, due to specific conditions of the Romanian occupation, some prisoners of the ghettos could survive the war and even in the frightful concentration camps, like Maidanek or Auschwitz, some of the prisoners lived until the liberation. But Byelorussia was declared *Judenfrei*, that is, according to the Nazi definition, "free from Jews", already in October of 1943. It was nine months before the republic was liberated.

As soon as the Nazis had occupied Byelorussia, they organized more than 200 ghettos there. Jews imprisoned in most of them already had been exterminated several months, or even weeks, later, after which the ghettos were eliminated. At the present time there are more than 500 mass graves of Holocaust victims in the republic, about a hundred of them do not have tombstones yet, and many existing ones need repairing.

Another aspect of the Holocaust in Byelorussia was the resistance movement of Jews and Jewish participation in the partisan warfare. The first underground organization was created in the Minsk Ghetto

already in August of 1941. In order to keep it secret, it consisted of separate, isolated groups of 5 to 10 people. The main tasks were to help those people who were able to fight to flee from the ghetto and to reach the partisan detachments, to gather weapons, clothes and medicine, and to organize the underground printing works. The organizers of the Minsk Ghetto underground were Smolyar, Feldman, Kirkaeshto, Pruslin, Gebelev, and others. Michael Gebelev was appointed head of the underground communist organization operating on the territory of the Minsk Ghetto in May of 1942. And in August of 1942 he was executed by the Nazis. In October of 2005 one of the streets in Minsk was named after him.

The United Minsk Underground Organization was headed by Issai Kazinets, who was also executed in 1942. He was awarded the title of Hero of the Soviet Union posthumously.

There also were underground organizations in Kopyl, Kletsk, Nesvizh, Glubokoe, Lakhva, Slonim, Mozyr, Mir, Baranovitchi, and in other ghettos on the territory of Byelorussia. In many of them Jews offered armed resistance to the Nazis. The lists of names of the Jewish participants of the partisan warfare in Byelorussia were published in the recently published book *We Stood Shoulder to Shoulder*. The lists include the names of those partisans who were identified as Jews on the partisans' documents. However, it is hardly worth mentioning that not everyone was willing to parade his nationality, because it could mean his death sentence if the document were to get into the hands of Germans.

Thus, the list of Jewish partisans who lived until Byelorussia was liberated is comprised of 7,442 names, including 92 names of the commanders of the partisan brigades, detachments, regiments, and battalions (there were also such units). The second list contains the names of those who were killed in the struggle – 1,023 people. All in all, the number of all Jewish partisans in Byelorussia totals 8,465 people. One can presume that, with the names of those who concealed their real nationality, the number would be even more impressive. One should also take into consideration that the number of people who fled from ghettos, but did not manage to find their way to partisans or were not admitted to a partisan unit, was much larger.

I am going to cite two interesting documents from the book by Professor E.G.Ioffe *Selected Pages of History of Jews in Byelorussia* (Minsk, 1996). These documents demonstrate the way our “friends” and enemies estimated Jews.

The first passage is taken from a report that P.K. Ponomarenko, First Secretary¹ of the Communist Party of Byelorussia (and starting in 1942, the general commander of the Central Headquarters of the Partisan Movement) wrote to the Central Committee of the Communist Party, to Stalin (the report is dated not later than the 12th of July 1941 and was strictly confidential until recently):

...The general attitude of the Byelorussian people is extremely patriotic. ...in the conclusion I must emphasize exceptional courage, determination and implacability towards the enemy among the peasants, unlike a certain part of “white-collar” employees in towns, who care for nothing except saving their own skin. (*I wonder what Ponomarenko himself was caring about when he left his republic, people and city alone and fled from Minsk three days before it was occupied by Germans. – E.I.*) To a certain extent, it is accounted for by the large number of Jews in the population of towns. They are seized by blind terror of Hitler, instead of fighting they flee...

(*It is clear that such reports could not improve the attitude of the “Father of All Soviet Nations”, who himself was enough of an anti-Semite. The seeds of Nazi propaganda fell on the fertile soil of Soviet “wise” national policy. As a result, Stalin, who undoubtedly knew the truth of the total elimination of Jews on the occupied territories, never raised his voice to protest against that brutality. Moreover, he did not even urge partisans or underground organizations to rescue, at minimum, the Jewish children, though it was in his power to do it. Stalin’s absolute indifference towards the people that was being annihilated, to a great extent, dominated the attitude towards Jews of the commanders of many partisan detachments and regiments. And there is no concealing this fact now.*)

¹ [The leader of the republic. The position equal to the position of a Governor of a state in the U.S.A.]

The next report shows the opinion of the role of Jews in partisan warfare, as expressed by General Commissioner in Byelorussia W. Kube (he was killed by partisans in September 1943). These words by him are taken from his letter to the State Commissioner on the 31st of July 1942:

It became clear from all the armed clashes of our units with partisans in Byelorussia that Jews in the Soviet, as well as in the former Polish parts of the district, are one of the main sources of inspiration for the partisan movement, along with the Polish Resistance Movement in the West and the Red Army in the East.

When I visited the German exhibition *Wehrmacht's Crimes* in 2002, I found there another illustration of the role of Jews in partisan warfare. One of the sections of the exhibition was called "Jew Means Partisan, Partisan Means Jew". That's how it was.

In conclusion, I would like to mention an interesting detail. Not long ago I listened to an interview given by the ex-Mayor of Moscow, Gavriil Popov, to the *Liberty* Radio station. In it, Mr. Popov quoted a neighbor of his, Panteleimon Kondratyevitch Ponomarenko, who had once said to him, "Every tenth partisan in Byelorussia was a Jew". He was obviously exaggerating; however, I wonder what made that old Stalinist change his mind in such a radical way.

The three stories combined in the book are not connected with one plot, but in each of them the author considers, not only the genocide of the Jews during the war, but also some sore questions of the history of the 20th century, including the Stalin repressions and eternal anti-Semitism, both of which flourish profusely as soon as it becomes clear that "something is rotten in the state of Denmark".

The appendix contains documents issued in Byelorussia during the Nazi occupation in years 1941–1944.

Finally, I can only add that, without knowledge of the past, it is impossible to understand the present and to foresee the future.

Michael Treister,

Vice-President of the International Union of Jews – Former Prisoners of Nazism

GLEAMS OF MEMORY

(Autobiographical Story)

There is no way to describe the war, the ghetto, the Holocaust. These topics are too vast, even from the distance of sixty years, to make them manageable. It is only through scattered gleams of memory that one can try to reconstruct, at least partly, the picture of what happened then. And this picture will differ from man to man.

I dedicate this story to my mother, Rachel Treister (Pasternak), my dearest person, to whom my debt of gratitude is too great to be ever repaid.

Back to My Roots

During my 45 years of working as an electrical engineer and doing numerous hiking and mountaineering tours, I have travelled all over the Soviet Union, from Kaliningrad in the West to Kamtchatka in the Far East and from the Lake of Issyk-Kul in the South to the White Sea in the North, to say nothing of my home country – Belarus. But for some reason I had never managed to visit the place whence my family came – the native land, the birthplace of my parents. Somehow, I always waited for a special occasion to go there. And one day it came and I got an opportunity to do this “pilgrimage”.

In 1992 I was sent on a business trip to Verhnedvinsk. My task was to participate in selecting a site for the construction of a huge pulp and paper mill. Thank heavens, that ecological crime was called off later, so one of the last clean corners in Byelorussia had the great luck to remain unpolluted. I also had good luck because Verhnedvinsk, a town on the Dvina's steep bank, is the very same Drissa – my father's birthplace.

My mother was born near the Dvina River too, in Druya, a small town on the border with Latvia. It is situated about twenty kilometers down-stream from Drissa. But the roundabout road is a good 50 kilometers long, there and back – a hundred. I took the day off and set off. Part of the way on foot, sometimes with passing cars – and here I was in my mother's birthplace, about which she had told me so much. I wish I had listened more attentively. An absolutely bewitching place – hills, pine-trees, clear waters of the stream Druyka.

Drissa and Druya... Cozy tiny towns, which were inhabited mostly by Jews in the old days. Nowadays, one can find there only the common graves of Holocaust victims and old Jewish cemeteries.

In the common grave of Drissa are buried about 800 people, in Druya – about 1,300. What exactly is meant by this “about”? Each person is an entire Universe. Every life is precious. But not so for the Holocaust or the war, they know nothing of the value of a single life, nor do they count the exact number of their victims. About 100,000 Jews were killed in the Minsk Ghetto, about 800,000 in Byelorussia, about 6,000,000 in Europe. About 60,000,000 lives were gone with the wind of the Second World War. All of these numbers are approximate. We always use this “about” speaking of the number of victims. Each victim was somebody's mother, brother, or child – one's whole world and unhealing wound, but for History it is “collateral damage”. Who cares for counting them...?

The old Jewish cemetery in Druya made a particular impression on me. I still see it in my mind's eye – a sandy hill, overgrown with pine-trees. It could be a peaceful place for people to be laid to rest, but for the vandalism of black-market gold-diggers, who had dug up the whole cemetery looking for “Jewish gold”.

Many generations of my ancestors had been buried in that place, but I could not find their graves. All of the inscriptions were in my native tongue, Hebrew, which I had never learned. The only thing I could do was to make a deep bow to the whole cemetery.

The inhabitants of Druya supported my search with great kindness, showed me around, and refused to take money for the flowers from their gardens.

This nostalgic journey roused in me memories of my family, my parents, our home, and my far-away, warm childhood that ended on Sunday morning, the 22nd of June 1941.

My Family

The war destroyed the joint of time and I hardly know anything about my ancestors. I never saw my Grandparents. Of my mother's father I know that he traded in timber and had eight sons and one daughter. The family lived in a big house and kept several cows. My Grandfather, Hona Pasternak, had a reputation for being a pious and severe man. He ruled the family with an iron rod. Judging from what my mother told me

about him, the best way to describe him would be the words said by the protagonist of the novel *Milkman Tevie* by Sholom-Aleyhem: "I am a Russian muzhik of Jewish nationality and Judaic religion".

The education that my mother and her brothers got was quite decent for those days. Grandfather and Grandmother had died before the war and all of my mother's brothers died at war – in Latvia, in Leningrad during the Blockade, one in the Minsk Ghetto. My mother was the only one to have survived.

Many of their children, my cousins, were in the Red Army and the Allies' armies during the War. One of them, Joseph Pasternak, was 24 years old at the end of the war and of the rank of lieutenant colonel of the Latvian National Division. My cousins' children and grandchildren live in different countries. I lost track of them long ago.

My father's family was neither as prosperous nor as big – two sons, two daughters. Its descendants are also scattered all over the world. Unfortunately, this blood relationship was also severely broken by the War and subsequent misfortunes.

My parents, Abram Samoilovitch Treister and Rachel Honovna² Pasternak, got married in 1915. Before long they left their native towns for the Ukraine, which was being torn by the Civil War and pogroms, made by Petlyura's Army. They lived in the town of Sumy for several years, where my two elder brothers – Ilea (in 1917) and Solomon (in 1919) were born. They then moved back to the North of Byelorussia, to Vitebsk. My sister, Anna (in 1924), and I (in 1927) were born there. My father worked as chief accountant for one of the Vitebsk plants. He must have been considered to be an expert, as in 1928 he was transferred to Minsk (the capital of Byelorussia) to the post of Chief Accountant of the entire corporation, which combined all the branch plants in the republic. He died in 1938 at the age of 48. It was a natural death, which was considered to be great luck in those times. In 1937-1938 the corporation where he worked witnessed a succession of several directors. They replaced one another and each of them "turned out" to be either a follower of Trotsky, or "guilty" of a deviation from the course of the Communist Party, or even an "agent" of the Polish, the British or, even worse, the Japanese Secret Service.

However, what was going on in the corporation was only a drop in the bucket. The complete ruling clique of the republic: Chairman of the Central Executive Committee Alexander Chervyakov, Chairman of the Council of People's Commissars (Council of Ministers) Nikolai Goloded, and the Secretary of the Central Committee of the Communist Party in Byelorussia Nikolai Gikalo – turned out to be "Enemies of the People":

As for the generals and marshals of the Red Army, almost all of them were declared to be "Enemies of the People": Vassily Blukher, Alexander Egorov, Michael Tukhachevsky, Jonah Yakir, Jeronim Uborevitch, the legendary pilot and twice Hero of the Soviet Union, born in a Jewish town in Byelorussia, Yakov Smushkevitch... There is no naming all of them. However, they all would prove later to be decent people and upright Communists. Their names would be given to streets and to ships, but that would come much later... So my Father was really lucky to have died a natural death.

By the time the war broke out, my eldest brother, Ilea, had graduated from the Polytechnic Institute; the second brother, Solomon, was doing his Army service; my sister had finished nine years of school, I, six.

Our family included another member – a Polish woman, Yuzefa Nikodimovna Kudak, my "Nanny Yuzya". She had lived with us in Vitebsk, then for several years in Minsk. By the time the war broke out, she had already gotten married and had moved out to live with her husband.

I will tell a bit about the way our family lived before the war. Separation from their native towns and Jewish traditional life-style, the Revolution, the hardships of the Civil War, and the course of life in the Soviet Union before the Second World War resulted in the formation of a certain stratum of assimilated Jewish intelligentsia. To put it in a nutshell, this was a large group of people for whom nationality and religious affiliation were no longer the most important criteria for judging people. New standards appeared instead of them – professionalism, the position one held, Party membership, and real or (more often the case) a show of civic commitment. Special definitions even existed, such as "non-Party Bolshevik", "sympathizer" and "fellow-traveler" – which were quite commonly used. I do not think that any of them suited my Father. He was, rather, a non-Party workaholic.

² [Patronymic – the Genitive form of the Father's first name – is a usual addition in Russia to the first name. It is a polite way to address people using their first name, accompanied with patronymic.]

I cannot remember my parents observing any religious ceremonies. It must have been a general practice among the families of State employees not to observe religious rites. My parents spoke Yiddish only when they wanted to keep something secret from the children.

At home it was always clean, neat and peaceful, no argument, no yelling. When Father would come home after work and would sit down at the table (always a spoon in one hand, a newspaper in the other) absolute stillness would descend on our house, not because we feared him, but because we all understood that Father needed a rest. That peaceful atmosphere remained the principal memory and the major outcome of my family upbringing for the rest of my life.

We had a good collection of books, in which I read almost entire works by Jack London, Jules Verne, and Herbert Wells. All the books that I read, especially those by Jack London, taught me one thing – Man can overcome everything! That was probably what helped me to survive during the war.

I never heard my parents raise their voices to each other. As kids, we were sometimes scolded; it was always well deserved, though, and our parents never hit us.

One more thing that I remember of those times is the total shortage of everything. People dreamt about new clothes or fashionable shoes for years. As for my clothes, they were altered from Father's suits. In the whole territory of the Soviet Union there were only two watch brands: men's "Kirovskiy", which was as big as a pocket watch, but with pins for a wristband, and women's "ZIF", which was a bit smaller.

A bicycle was an inaccessible dream. I still remember one tragicomic occasion. A shop assistant from the bicycle shop was distributing the bills³ for bicycles among people from the waiting list. The crowd at the door of the shop pressed him so hard that he fainted. A friend of my brother, a very strong boy named Vanya, was in the crowd. He lifted the shop assistant up in his arms and carried him into the shop. When the man woke up he gave one of the bills to his rescuer. That's how Vanya became the proud owner of a bicycle, which roused envy among all of his friends.

The years of abundance during the period of New Economic Policy were legendary. Nobody could believe that there had been five different sorts of sausage in the shops at that time.

Our House and the Street

Our house stood on a quiet, green street, a typical street in Minsk before the war. It was only ten minutes by foot from the Government House. We rented half of a private house – a flat consisting of three rooms and a patch of land in the garden. The landlords lived in the other half of the same house. The house had a big garden and an orchard. The toilet was at the far corner of the garden, water – in the water fountain in the street.

The owner of the house and our landlord, Joseph Alexandrovitch⁴ Skuratovitch, worked as a cook in the Minsk Militia (Police) School. In 1937 he, too, was arrested as an "Enemy of the People" and he perished in the GULAG. His son, Yurka⁵, a friend of mine, was a couple of years older than I. In 1944, right after Minsk was liberated, Yurka was called up into the Army and was sent directly to the front. At that time such "fit but untrained" recruits were often used to stop all of the holes⁶ at the front. (It is a bitter truth, but according to the "Table of Ranks" of those times, people who had stayed in the occupied territory were treated as belonging to the "second sort" (lower class of society) and those who had been taken prisoners of war or had survived a concentration camp even belonged to the "third sort". "The third sort" also applied to some former ghetto

³ [In Soviet shops before one paid for the goods, he would get from the shop-assistant a special piece of paper with the name of the item and the price. Then he would go to the cashier, would pay the money and would get what he wanted. There were not enough goods for everybody; that is why one could not just come to the shop with the money and pay. That piece of paper, the bill, showed that the goods were in stock and available.]

⁴ [another patronymic – it means that his Father's first name was "Alexander".]

⁵ [familiar form of the name Yury, often used by children]

⁶ [places where all previous soldiers had been killed or where a sudden attack began that had not been expected and where there were no units at that moment]

prisoners.) Yury was killed in his very first battle. And his mother, Elizaveta Vassilievna, who had already lost her husband, also lost her only son and remained quite alone.

Another friend of mine, who lived on the same street, Vasya Belyaev, was evacuated to the city of Gorky. After the war was over, he returned to Minsk, finished school; after school he went to College, took his doctorate, and later on, became professor at the Polytechnic Institute. He was once my examiner at an exam in Physical Metallurgy. However, he was only an assistant professor at that time.

My third friend, Yurka Sidorenko, was also called up for military service in 1944. He was badly wounded, which did not prevent him from graduating from Minsk Medical Institute and becoming a surgeon and, later on, Professor of Medicine and the father of Byelorussian heart surgery.

That is how the War disposed of the lives of my old friends.

About half of the people who lived on our street were Jews. Jewish families were of varying social status. On one hand, there were the State employees of quite high rank (Polyakov, director of a construction corporation, Kaganov, director of the factory "October", my father), on the other – skilled workers, labor union members (union membership being an important detail at that time) and craftsmen. The workers mostly lived in municipal tenement-houses (with common kitchens) smelling of Primus stoves and cooking. There was also a third group – people who lived in sheer poverty. I still remember an abjectly poor family with innumerable children who lived in semi-basement lodging at the corner of our street. In jest, somebody called the apartment "the Royal Palace". The nickname stuck and, since then, I associate the phrase "Royal Palace", not with the Hermitage or the Livadia⁷ Palace, but with a horde of joyful, smudgy, and ragged kids.

The other parts of Minsk were more prosperous; some of them were inhabited by Jews who owned houses, plots of land and different domestic animals, including horses.

Later on the ghetto and Trostenets⁸ made all of us equal.

The Byelorussian inhabitants of our street: the Skuratovitches, the Filanovitches, the Matusevitches – were solid proprietors of good houses and well-tended gardens and orchards. However, some of them also lived in the community tenement houses, together with Jews.

In short, our street, named after Rosa Luxemburg, was, as usual, a mixture of different social strata and nationalities.

We all lived in harmony and got along with each other well. If there was any minor trouble, the reason was the plundering raid of a hen on a neighbor's orchard or a "well-aimed" hit of a football through a window.

Answer to the "Delicate Question"

I am often asked if there was anti-Semitism in Byelorussia before the War.

My answer is – no. There was no state anti-Semitism. One can judge it by the number of Jews who occupied leading positions in industry, medicine, the Army, even in the Communist Party, to say nothing of the cinema, show business, and trade. As for everyday anti-Semitism, it still existed, but was mostly latent.

Several reasons can account for such tolerance. In my opinion, two of them were the most important. First, in the Soviet Union, religion was kept down. Was that good? No, it certainly was not! It was even a big evil. But one has to admit (here, I apologize to all believers of whatever denomination) that religion, with all of its importance for spiritual upbringing, nevertheless intensifies divisions between nationalities and not solely between nationalities. If we enumerate the sub-denominations and currents of the main world religions, could anybody honestly assert that they promote the unity of people, even within a common religion or a single nation?

Second, before the war, a law existed that prosecuted those who insulted somebody's national dignity or roused national hatred and (unlike nowadays) it was really enforced.

⁷ [A place in the Crimea near the town of Yalta; The Royal Palace, situated there, became famous after the Yalta Conference – the meeting of Stalin, Churchill and Roosevelt was held in it in February, 1945.]

⁸ [Death camp near Minsk (1941 – 1944)]

As for us children, we did not always know our friends' nationality. But, even if we did, it did not affect our relationships in any way. We valued each other according to other merits.

The company that my elder brothers kept was also quite international. Their friends often came to our house. Sometimes, there would be about twenty people sitting at our big dinner table. They would crack nuts, drink soda water. Somehow, nobody seemed to be thinking about alcohol, which may seem strange nowadays, and then they would dance until they dropped. Both girls and boys showed interest in one particular topic, but it was not the national problem. And when they got married, it was done without much consideration of the national matter either.

The bacillus of national hatred was revived and gained force during and after the war, due to Nazi propaganda and the "wise national policy" of the Father of all nations, Stalin. Its climax fell during the years 1948-52 (from the murder of the famous Jewish actor, Mikhoels, to the "Doctors' Plot"⁹).

Nowadays, it seems to me that people have again recollected the words from the New Testament, "...there is no Hellene and no Israeli", and have gradually come around to thinking of the fact that we are all sitting in the same boat, but it is already a different story.

By the way, before the war, there was no indication of the parents' nationality on the birth certificate of a child.

School

I first went to school in 1934. It was a preparatory class of a secondary Byelorussian school № 25, named after Alexander Chervyakov. Byelorussian, because all of the subjects were taught in the Byelorussian language. I do not know why my parents chose that school in particular, but it was our family one; both of my brothers and my sister went there too.

It was a sweet, cozy school, my old school № 25, as it was before the war. I used to like some subjects and used to dislike others. I still remember the names of our teachers: Alexander Trofimovitch Mukhin, Vladimir Petrovitch Gulis, Wulf Danzig, Hanina, Mikhlin – but, unfortunately, not all. There were many teachers in our school who did their best to share their knowledge with us, idle loafers.

In 1937 the school suddenly dropped the name of Chervyakov, after he was "exposed as an Enemy of People" and executed. In those years, we had to strike out the name of the next "Enemy of People" from our History textbooks almost every day. Beforehand, we also had to put out the eyes of his portrait with a sharp compass leg.

We unanimously admired the frontier guard, Karatsupa, and his dog, Indus, who caught spies almost daily, sometimes with the help of watchful pioneers. We were all ferociously envious of those pioneers and even of the dog. Each of us dreamt of catching at least one spy and bringing him to the proper local militia station, so that this story would appear in the newspaper *Pionerskaya Pravda* (Pioneer Truth). But spies were scarce.

Our school kept the good traditions of the old Gymnasia¹⁰, as they had been before the Revolution; there was even a doorkeeper at the door, wearing a moustache and a uniform with stripes on the side of his trousers. His name was Zinovitch. The school was situated approximately on the site where the head post-office now stands, and was completely destroyed in the first bombing on the 24th of June 1941, as was the whole center of the city.

Not long ago I suddenly got the chance to revive my distant past in memory. One day a teacher and the pupils of Minsk Gymnasia № 25, named after Rimma Shershneva, paid me a visit. This Gymnasia № 25, though it is located in an entirely different part of Minsk, inherited the number and the good traditions of my old school. And Rimma Shershneva – a girl from the 9th class, my sister's classmate – had been our Young

⁹ [The well-known KGB case of 1952-53 against "doctors-killers", who allegedly attempted upon Stalin's life and sabotaged treating people in general. As one can easily guess, those doctors who were also Jews were arrested first of all.]

¹⁰ [In pre-revolutionary and modern Russia secondary schools of a higher grade, preparing for Universities]

Pioneer leader¹¹. She evacuated in 1941, finished a scout-school, and was sent in a scout group behind the front line. On the 7th of December 1942, she was taking part in an assault on a Nazi garrison and was killed in the battle, while covering the wounded commander with her own body. Her name was given to one more school, which is situated in the town of Lyuban, where Rimma is buried on the central square.

By the way, the present Gymnasia № 25 carries out extensive work, looking for former pupils of the old school № 25 and researching its history. Due to its efforts I met some of my former classmates. It was exciting and very touching; after all we had not seen each other for 65 years. I also visited Lyuban and the places where Rimma Shershneva fought as a partisan. I am very grateful to my old-new Gymnasium № 25 and to the head enthusiast of the research work, Alina Kazimirovna Pokhvalenaya. It is people like her who make our Earth spin.

But let us return back to those years when I was still a pupil of school № 25. At first I was quite a mediocre one. After my father had died, hard times began for us. Our family was rather short of money, and I got far less pocket money too. It was at that time that my uncle, my mother's brother, offered me a very effective plan of paying me additional pocket money according to my school progress. I would get from him 5 Roubles for an excellent mark, 3 Roubles for a good one, nothing for a satisfactory one, and if I were to get a bad mark, it was I who would owe him 5 Roubles. Within a month I became an excellent pupil and a quite well-off boy. However, after a couple of months, my uncle gave up and quit paying me, but, from force of habit, I remained an excellent pupil for free. I certainly was quite disappointed.

I would like to name here my school friends and classmates: Felix Grodstein, Grisha Dubovsky, Kima Rudina, Boris Mlynsky, Yulik Dvoretzky, Fima Gurov, Vadim Yasyukevitch, Gena Tkatchenko, Tanya Kobyak, Ada Narkevitch, Lyusya Shimes, Vova Budrys ... There is no naming them all here. I do not divide them into the living and the dead. They all live in my memory as boys and girls from the distant year of 1941.

Youth Palace

School was only a part of my life before the war. There was also Youth Palace, which occupied a very special place in it. It was the way of searching for your own way in life. First I went to the transport group. There we made a working model of a section car and started a model of a barge. I did not stay until it was ready and left for a gymnastics sport group. That was already my cup of tea. I liked the smell of sweat – the main smell in a gym, the smell of labor and success. It is beyond my understanding why beauticians and producers of perfume all over the world are so unanimous in taking up arms against it.

I can still remember the names of our coaches: Markin, Bobrov, Katsev Senior, Dobrovolsky. These names are music to my ears. I have had lots of teachers in my life, some of them were real experts. I also used to teach myself, but one person has forever remained in my memory as an unsurpassed model of the Teacher whom I admired and imitated. It was my first coach, Sergey Dobrovolsky. He was a well-built young man, reserved, polite, and intelligent. At that time he was a student at the Faculty of Physics at Byelorussian State University. Then he was at war and was wounded twice. He had to quit sports. We met each other again after a long break at the Minsk Institute of Agriculture Mechanization¹² in the 1950s. He was already the head of the Physics Department and I had a part-time job teaching a course in electric drive¹³. I am happy that I got the chance to express my respect to him, which I had felt towards him since my childhood. As for gymnastics, I went on doing it for a few years more after the war.

By the way, the Youth Palace was the place that helped many children to find their own way in life.

Fishing

¹¹ [A senior pupil who takes care of a group of younger children, organizes different activities for them, helps them with their homework, if necessary, etc.]

¹² [An academy preparing engineers for agriculture, i.e. their profession was to design, construct and operate agricultural machinery.]

¹³ [A special device, driven by electricity. It played a very important role in engineering at that time and was taught as a special course.]

If reincarnation theory is correct, then in one of my previous lives, I must have been a fisherman somewhere on the Nile or the Sea of Galilee.

It all began in childhood. We would go fishing mainly in two places: One was in the neighborhood – the Ludamant, nowadays called Komsomolskoe Ozero (Komsomol Lake). The other was far away – the Drozdy¹⁴. The trip there would take the whole day, from dawn to dusk.

The main fishing tackle was self-made rods, with lines made of horsehair from the tail of a white horse. One could get horsehair from the tails of horses, which would stand near alehouses while the draymen were refreshing themselves. The main thing was not to be too greedy and not to pull too thick a strand; otherwise the horse could leap out of the shafts of resentment. But what was even more important was to be careful of the horse's master, who could suddenly rush out of the alehouse and give you a good lash. But a good fishing line was worth it.

The other fishing tackle – big wine bottles with a concave bottom. We would make a hole in the centre of the bottom, would put crumbs of bread or a little porridge inside the bottle and then we would lower the bottle into the water. The silly fish would come into the bottle for a snack and would be unable to get out of it because they could neither swim backwards nor turn around in the narrow bottle.

Thus we could catch a whole bunch of fish in a couple of hours. When I went fishing after the war, already grown-up, I certainly caught much bigger fish but I can still feel the unforgettable smell of small fish, water-plants, and fresh river water.

I still remember one moment of perfect happiness. It was a warm evening in June. Tired and hungry, I was returning home. I was going along the street toward the soft light in our windows. The rays of the setting sun were reflected by the crystal-clear window glass and I could see blue patches of sunlight on it. My home, modest but warm, cozy and reliable, was waiting to welcome me. And the next Sunday, my friends and I had arranged to go fishing to Drozdy. I was thinking of the necessary preparations – I was to get the fishing tackle ready, dig for worms. I was anticipating the pleasures that were before me. My whole life was before me.

However the fishing did not take place. The next Sunday fell on the 22nd of June 1941.

24th June 1941

It is the third day of war. Our forces are probably advancing on Warsaw already or perhaps even on Berlin... After all, "our Army is ready to fight and defeat any enemy"¹⁵, isn't it? The order to observe the blackout and to seal up the windows criss-cross has been given, no doubt, just in case. One can never know what to expect of an agonizing enemy.

It is midday. The sky suddenly darkens from an armada of airplanes. My friend, Yurka, can count as many as 50. We – my mother, my sister, Yurka, and I – take up an all-round defensive position, that is, lie down on the floor in the bedroom with our heads under the beds (which actually saves our lives). Through my head, which is under the bed, run another enthusiastic song – something like "the armor is strong and our tanks are swift" – and a bitter regret that the war will end without my taking part in it.

The bombs are falling closer and closer. The house is quaking. The second to the last bomb smashes the glass in all the windows, in spite of the criss-cross paper strips. And I do not hear the last one. I cannot say how long I have been lying here. I come to half-suffocated in the dust of the destroyed stove. My whole body aches and hurts, but my arms, legs and, the most important of all, my head are undamaged. Somehow, I manage to get out of the debris of the stove. But oh, my God! There is no ceiling over me, no attic – just the clear, June sky and dead silence (I will be able to hear something again only in the evening). Three pairs of

¹⁴ [A lake near Minsk]

¹⁵ [A very popular song, which affirmed that the Red Army was the strongest in the world and was absolutely unconquerable. It was sung on the radio almost every day before the war.]

feet are hardly seen from under the debris. I start to dig them out. After a while they all regain consciousness too and finally get themselves out. All are bruised and scratched, but alive.

A weird feeling of being homeless.

That is how the 24th of June became, to me, the first day of real war.

Anarchy

The city is on fire. As I will find out later, the government and the Central Committee of the CPSU¹⁶ fled from Minsk to Mogilev and from there, farther to the East, on the night of the 24th of June.

The city is on fire. The airplanes with crosses on their wings are flying over Minsk, so low that they are almost brushing against the lampposts. They neither bomb us nor do they shoot – they are sparing the remnants of the city, which they are going to take over in a couple of days. The rumbling of cannonade is rolling onto the city from the West. It looks like the seizure of Berlin will have to be postponed for a while. The city is on fire. And people are plundering shops, warehouses, and factories. Fire engines are making their way through the burning streets to warehouses; burly firemen are loading onto them sacks with flour and then are leaving to the accompaniment of their howling sirens. None of them is thinking of putting out the fire. People are being selective in their plundering. They are checking the contents of the sacks by cutting them with knives. They are not taking them if they contain what they do not need. The contents of the cut sacks are pouring out onto the floor, and people are sometimes walking up to their knees in the mixture of flour, cereals, salt, and sugar.

I could also get something – some salty cod, a box of toilet soap, a big bottle of some aromatic alcohol and some other minor things.

On the 28th of June Minsk was taken over by the Germans, who posted sentries at all of the warehouses at once.

On all fences leaflets appeared, announcing that the sentries would shoot if somebody tried to plunder again. People did not believe it at first, before making sure that “they” really meant it. That was the end of anarchy and the beginning of the new order.

The city smelled of charred ruins and burnt human flesh – the smell that one can neither describe nor forget. My most vivid memory of those days is a hospital ruined by a bomb and a bed balancing on a beam of the third floor, and on the bed the dead body of a patient, fastened to the bed by a strap.

I Am Suddenly a Yid

I had known before the war that there was such a word. Those who used it were sentenced to a year-and-a-half in prison. One must be a really determined anti-Semite to be willing to pay such a price for the “humble pleasure” of calling someone a “Yid”.

The elimination of churches, mosques and synagogues and mixed marriages also eliminated the problem of nationalities. I was not a Jew. I was not Russian either. The question of nationality did not exist for me. And all of a sudden... the fences and even the ruined buildings were glued with the commandant’s strict order of the 19th of July 1941: “On the establishment of the Yiddish residential district in the city of Minsk”:

“Within 5 days..., the following streets and lanes are allotted... Isolation from the rest of the city... Brick wall... The wall is to be built by the Yids themselves..., in order to defray the expenses – compulsory loan of 300 thousand roubles... must be gathered within 12 hours starting from the moment the present order is published... For any insubordination – death by shooting”.

As for the brick wall – it ended up a barbed-wire entanglement. The main way of moving houses – exchanging flats with non-Jews. We have no house any more, nothing to exchange, therefore. It means I am not just a Yid, but also a homeless Yid.

¹⁶ [Communist Party of the Soviet Union]

My Life in the Cinema

Our first lodging in the ghetto was the hall of the former cinema on Rakovskaya Street, opposite the bread-baking plant. Besides us, there were about a hundred other wretched souls in the same pitiable conditions there. The families partitioned their living spaces with blankets that hung on wire.

We had dug up some of our things from under the ruins of our house and swapped them for food. I swapped things with the Germans – soap for bread, tobacco, saccharin¹⁷. It was honest trade. We would throw our goods into the windows of the second floor of the bread-baking plant office. And they would throw their goods out the window, down.

Suddenly somebody grabbed me by the collar, dragged me to the plant premises, and threw me into a dark cellar. At first I started howling but soon understood that it was futile and fell into a state of stupefaction. I do not know how long I sat in that cellar. My mother ransomed me for five bars of soap. As I found out later, a boy who looked like me had thrown a cobblestone, instead of soap, into the window. And I was the one who had to pay for that.

Hunt

There was another way of procuring food. I used to lie among high burdocks near the barbed wire for hours. Down there, outside the barbed entanglement, was the river Svislotch and between the river and the wire – Tatar orchards and there, on the vegetable beds, grew rutabagas, beetroots, carrots – unbelievable delicacies. I had been lying there for hours, like a hunter, watching my prey. At last there was no one around – a dash under the wire and I had about ten kilograms of vegetables in my sack. It meant that we would have enough food for two or three more days.

The First Pogrom

7th November 1941. I do not know from where my mother had heard about the pogrom, but at 5 o'clock in the morning we were already outside and could escape through the gap in the encirclement that had not yet been closed. We ran across the Jewish cemetery, covered with the first fresh snow, which had fallen the night before. We were running to the only place where we could find rescue – to my “second Mum” Yuzya, my nanny and our housekeeper, who had lived in our family for 14 years. At that time she lived in the communal flat¹⁸ where nothing could be kept secret from the neighbors. Despite that, she helped us, risking her own life¹⁹. She gave us shelter and food. We could get warm and stay in her room for three days. Three days later we returned to the ghetto, but “our” cinema and the whole district had already been cut from the ghetto. We had nowhere to live. We were homeless again.

Behind the Map of the World

Our next dwelling was another hall, this time not a cinema, but the gym of a former school at the corner of Obuvnaya and Shornaya streets. We had left our blankets and all of our things in the cinema. We had to screen off our corner from the rest of the world with a huge map of the world that I had stolen from geography class. Besides us, there were dozens of other homeless there.

¹⁷ [Sugar substitute]

¹⁸ [A flat in which the kitchen and toilet facilities are shared by all tenants. Usually in such flats there were several rooms and in each room lived a whole family.]

¹⁹ [Everyone who gave shelter to Jews was risking his life, even more than were the people whom he was hiding, because the person in whose house the Nazis found Jews was executed immediately, together with his whole family, while the Jews were sent back to the Ghetto and had a (delusive) chance to survive.]

All of our food and soap stores also remained in the cinema. In order to live and support my mother and sister, I had to work. One could not get any work, being 14 years old and having no professional qualifications. That is why I had to say that I was 16 and a shoemaker. I said that I could not produce any certificate because it had burned, together with our house. That was the only thing that was true.

At the ghetto's job center I was given a sceptical look and was sent to a shoe workshop of the factory that repaired uniforms for the East Front Air Force. It was the former factory "October". As soon as I started to work, it became clear at once that I had as much an idea of shoemaking as of playing the violin. But I was not sent away. On the contrary, I was allowed to stay and to learn and, a month later, I was already a real shoemaker and was not the worst one in the workshop. And by springtime, my colleagues of the shoemaker's bench – both Russians and Jews – recognized me as one of them.

Thus I became a shoemaker and every day, for almost two years, I was taken to work under escort, in a column of prisoners²⁰ just like me, and was brutally exploited for a bowl of watery soup and 150 grams of bread, which looked and tasted like clay. I procured the rest in another way, risking my life daily. However, this is already quite a different story.

My mother and sister worked one storey above – in the tailor workshop. This saved us during the most terrible pogroms²¹ because while those actions were being carried out and people in the ghetto were being annihilated, the workers were not taken back to the ghetto, but would stay in the workshops overnight. The shoemakers slept under the benches and the women-tailors – on the heaps of overcoats.

House on Shornaya Street

On the 1st of March 1942, our column did not return to the ghetto in the evening. The workers were kept in the workshops for two days. On the 2nd of March there was a pogrom in the ghetto. When we came back to the ghetto, its streets were covered with blood and some houses were vacant. We were transferred from the school gym into a small wooden house on Shornaya Street, which stood right next to the barbed entanglement. We lived in a room of about 10 square meters. We were not alone there. Besides us, in the room also lived the Friedmans – a mother and three daughters (their father had been killed in the ghetto during the very first days), a young woman, Renya, with her daughter, a girl of five years, and two attractive young women, who tried to look good, even in those conditions – a striking brunette, Anna, and a jovial and plump Clara.

We all slept across the two beds that stood in the room and under them. And even in those horrible conditions, we lived in harmony and got along well with each other. Anna and Clara sometimes brought some tasty things and treated all of us to them. Nobody ever asked from where they had gotten them.

Once, when we already lived on Republican Street, I saw SD officers bring Anna and Clara to Jubileinaya Square, take them down Sukhaya Street, and shoot them at the cemetery near one of the ditches. Clara was sobbing and wringing her hands but Anna was walking calmly, her head proudly raised. Whatever the girls had done to earn their bread, I am sure that there was a place in Paradise for those two martyrs, if there is a single drop of justice in world.

Fire

One night late in the autumn in 1942 our house on Shornaya Street suddenly caught fire. We were able to rush out of the house, right before the attic collapsed. We could not save any of our belongings from the fire: the only thing that we still had were the clothes we were wearing. While the people were calling their relatives and trying to put out the fire, a car with three German officers sitting in it stopped opposite the burning house

²⁰ A column usually consisted of 100-200 people, with 4-5 people across. It was escorted by German soldiers in the morning from the Ghetto to the place where people worked and back in the evening. They could go only along the road itself, as Jews were not allowed to go on the side-walk.

²¹ [Annihilating raids]

on the other side of the barbed entanglement. The Friedmans' eldest daughter, beautiful, 17-year-old Sarah, went to the car and tried to explain something to the officers. She could speak German.

When the turmoil was over and the house had burned down, it turned out that Sarah had disappeared. She never came back. I had not seen it with my own eyes, but she was said to have been seen getting into the car with the officers. Somebody said that the officers had invited her to get into the car and to go somewhere in order to fetch help. Until now I am trying not to think of the end of the story. Sarah's mother and her youngest sister, Larissa, were killed in the next pogrom. And her second sister, Rosa, was able to flee from the ghetto; she could reach a partisan detachment, and stayed in it until Byelorussia was liberated from the Nazis.

Sketches from Life

The main aim of the ghetto was to deprive people, not only of their dignity, but also to prevent them from looking like normal people.

Hunger and cold were people's daily routine. We all had to wear identification marks – yellow patches and labels with the house number on the front and on the back of the coat or jacket. Fur coats were forbidden, not that anyone had them any longer. Everything of any value had been swapped for a piece of bread or a bucket of potatoes at the barbed wire long ago.

One of the main delicacies was brine from herring barrels. People dipped bread in it, when they had bread. People ate pancakes made from potato peels, which had been previously minced in a meat-grinder. People ate fat, scraped off old hides at the tannery. People ate the watery soup, brought from work, if they managed to bring it home. Constant thoughts and talks about food. The favorite topic of conversation – what one had eaten and had liked before the war. One could hear a lot then!

It was permissible to walk only on the road, not on the sidewalk. If one saw a German far ahead, one had to take off his cap long before he came nearer, at a distance of about 15 meters, at least. Once, in winter, I was not able to unbind the strings of my cap in time and did not pull it off quickly enough and immediately got a telling lesson in good manners in the form of a blow on my head, which cast me into a snowdrift.

A human life had no value. Let me give you an example. The columns of workers would come back to the ghetto in the evening. At the intersection of Republican and Sukhaya streets the columns would disperse – some people would go towards the cemetery to the ghetto's left gate, the others – to the right one, near Yubileynaya Square. At that time, there was usually a rather big crowd at the intersection. One evening a lorry full with German soldiers suddenly drove, speeding, from the side of Opansky Street and crashed into the crowd at full speed. People scattered in all directions. One woman was not quick enough. The loud crack of a breaking skull. The soldiers burst out laughing. For them it was not more than entertainment. And the driver did not even think of stopping the car. They were not people for him, those Jews.

It was bitterly cold in the winter; there was real frost, even indoors, unless you managed to find some wood at work or something else that could be burned, and bring it home. But the columns coming back to the ghetto were often ransacked and the "firewood" was confiscated. I have no idea what they did with it afterwards.

There was no electricity in the ghetto. We lit up our room with candles. I learned to make them myself – cast them in a glass tube from paraffin, which I had found somewhere. Sometimes we also used wood splinters as torches. Then I found a shell-case and made a carbide lamp out of it. Even now, the smell of carbide takes me back to the ghetto. Smells as well as melodies are able to take one back more keenly than just memories.

I could forget the gloom of the ghetto only at work. Russians or Jews, we all worked at the same benches, side by side, and were equal there. Moreover, among Jews, especially refugees from Poland, there were such experts at their job that even professionals could learn much from them.

The difference between us became clear only during lunch break – while we were eating our thin soup, they got out bread, bacon, cucumbers and ate those unbelievable delicacies, sitting aside. Both they and we avoided looking at each other while eating. By the way, they were paid for their work. One more thing that was

different was the end of the working day – they went home to their families, we – in the column, under escort, back into our underworld, and the families of most of us had already been killed.

One more memory. Our column would be taken back to the ghetto after work along Rakovskaya Street (the entrance to the ghetto was there for a while). I would pass by my first ghetto lodging every day. After the first pogroms that took place in November of 1941, the building was given back to the “Russian district” of the city and served as a cinema again. Smartly dressed young people were standing near it, waiting for the beginning of a film. I looked at them and they looked at our column, consisting of people dressed in grey rags with yellow patches and white labels with house numbers. I cannot say what they were thinking about, but I was thinking that it was surprising how quickly man gets accustomed to any role distribution in the drama of life. But I must have thought of it just now, while I am writing this, and then I was able to think only of how to get something to eat.

The life in the ghetto was nothing but cold, hunger, gloomy darkness, death. But even in those horrible conditions people remained people – they sometimes smiled, told jokes, though seldom, made fun of each other from time to time, loved each other, hoped, and fought... I make a deep bow to them all – dead and alive.

Night Raids

The Nazis must have had a tight schedule for the “final solution of the Jewish problem” in each region. And when they were behind schedule, they involved additional reserves. One of them was night raids.

From the first days of the ghetto’s establishment until almost the last days of its existence, the population density in it was such that up to a hundred people could huddle together in a small, one-storey house of 2 or 3 flats. And if a house had two stories, there could be about two or even three hundred people in it.

Republican Street was renamed by Germans “Mittelstraße” and was a through passage, i.e., it ran through the whole ghetto, dividing it into two parts, and was fenced by the barbed entanglement on both sides. By day it was a usual street, open for public transport but at night, as far as I remember, there was no traffic on it. That is why when the roar of the engines filled that street at night, it could mean only one thing. About 20 to 30 minutes later we could hear screams, shouts, curses, bursts of machine-guns, dogs barking somewhere in the neighborhood. Another half an hour and everything was quiet again and then we could hear the sound of the cars and lorries driving away. The vultures’ night shift was over.

The next morning, when I was going up Obuvnaya Street to the place where the columns formed, I went past the house that had been raided during the previous night. Everywhere – on the ground, the sidewalk, the walls – were blood and brain remnants (they had shot with explosive bullets). On the ground around the house – cartridge-cases, empty vodka bottles. Sometimes I passed carts with high sides. The load was covered with a tarpaulin stained brown; from under the tarpaulin there sometimes hung a hand or a leg. Each cart left a broad red track on the ground. The load heaved. The corpses had not become stiff yet. The carts went towards Sukhaya Street and then turned left to the cemetery. And my way lay to the right, towards Yubileinaya Square, into my column.

The dead bodies were gathered and carried away by the ghetto (Jewish) police. They all wore white armbands.

Some benches in the workshop became vacant. Nobody asked for the reason. Not even the foremen.

There were times when hardly a night passed without a raid and every time people heard the sound of engines in the night, everybody wondered if it was their turn.... They did not even hide in the “dens” – there was no time for that.

For about five years after the war, I used to wake up, bathed in cold sweat, upon hearing the sound of a car engine in the night.

Profile Correction

In the first several months of the ghetto's existence, I dared to break the strict prohibition and sallied forth into the "Russian district". That was what we called the rest of the city around the ghetto. I sometimes dropped in on our acquaintances and they used to give me some food or I went to see my "Mama Yuzya", my Nanny. Those sorties were deadly dangerous. If I had been caught outside of the ghetto, the consequence would have been prison and inevitable death by shooting or I could have been shot right at the wire. The only thing that was to my advantage was my Slavonic look (fair hair and blue eyes). However, I had my Achilles heel – my nose, which was not just non-Slavic, but typically Jewish. Oh, God! How I hated it! I would have agreed to perish for my Motherland, for Stalin, for my mother at least, but to be killed because of my nose?! There must be a way out!

They say that great discoveries are in the air. One of them came floating into my head. I was even surprised that I had not thought of it earlier – so simple it was! My nose had to be formed! No sooner decided than done. I cut a small wooden plank with a groove on one side for a string, put the plank under my nose, and tied the string that ran through the groove onto the back of my head. The set could be adjusted – the tighter the string, the snubber the nose. I pulled the string a bit tighter. Perfect! Almost like a pig's snout. It was clear that my nose could not possibly become as snub as that in one night, but it would change at least a bit. And there would be another night and many more...

The inhabitants of our miserable dwellings on Shornaya Street were a bit sarcastic about that discovery of mine and made fun of it, but I did not care. They would see the result the next day! So they did. The night was pure torment – the nose grew numb and swelled, but I was staunch. And in the morning the result could be seen clearly on my face. To be more exact, it took half of my face – my nose had swelled and looked like a red potato that was dripping. The next day was spent entirely in treating my nose with cold washes by night it had returned to normal and became exactly the way it had been – a genuine Jewish nose. At that point I realized that one could not get rid of one's own nose, nor of one's own nationality.

After the war I happened to meet one of my roommates from Shornaya Street, Rosa Friedman, one of the few inhabitants of the house who had survived the war. She recalled with a sad smile my experiment in profile correction.

On Sheep and Filthy Swine

When I hear someone say in a false sympathetic manner: "Ah, why did Jews go to death as obediently as sheep to a slaughter" – I recollect...

It was the winter of the 1941-42 years. I was already working as a shoemaker. The column would leave the ghetto before dawn, when it was still dark, and would return to it in the evening, when it was already dark. I made use of the darkness and would sometimes remove the patches and labels from my coat (they were pinned to it and not sewn). Then I would sneak out of the column on the way back to the ghetto, would hide myself in the nearest gateway, and, after the column had gone past it, I would come out and go to see my Nanny Yuzya. At her place I could get warm, eat, and spend a restful night. To tell the truth, I was nagged every time by the thought of how I would get back into the column the next morning, but it would be only the next day. And, at that moment, ahead of me was a long night under Yuzya's sheepskin coat, next to the warm stove and food, lots of food.

One morning, while it was still dark, I had left Yuzya's house and was coming to Moskovskaya Street – from there I had to go to the West Bridge in order to get back to the column there – when I suddenly saw something on the opposite side of the street that looked like a big heap of garbage. Several passers-by were standing around, looking at it. The others turned away and went past, quickening their steps. According to my plan I had to proceed along the left side of the street, but that strange heap drew me across the road and when I came up to it, it turned out to be, not garbage, but several dead bodies of Soviet war prisoners, heaped one onto another: They were extremely emaciated and were dressed in overcoats and under those, almost naked. Their faces were grey-yellowish, feet – wrapped in rags. Some had been shot in the breast, the others in the head or stomach. Some corpses had their eyes open and in them the expression of death-agony was frozen or

perhaps it was relief of the end of the tortures. There was very little blood – they must have been too exhausted to bleed much.

Some fifty meters farther I saw another such heap and then more. They lay at regular distances, all the way as far as the bridge. When we came to the workshop, the workers who lived in the east part of Minsk told us that such piles of corpses lay along the road all through the city, as far as the Observatory²². That night a ten-thousand column of war prisoners had been driven through Minsk. The exhausted, wounded and sick could not keep up with the pace of the rest of the column and inevitably gathered at the tail end. And the special unit that followed the column did its work at regular intervals.

Such columns were usually escorted by about a hundred German soldiers and sometimes even by the local police, recruited from the traitors²³. And the prisoners in the column were soldiers. Though exhausted, they were young, still strong men, who had been trained to use the weapons, who knew how to shoot, how to hit a man with a butt. Only three or four of ten would probably survive the imprisonment (according to the German official sources, 60% of all Soviet war prisoners were killed or died in captivity). What could they hope for? But they did hope until the very end and they went obediently, without offering resistance.

And in the ghetto there were mostly old people, women, and children. Men who were able to fight had been killed in the very first months of the occupation. Dear ladies and gentlemen “sympathizers”, an old woman with a child in her arms cannot possibly snatch a machine-gun out of the hands of a hefty Nazi. Can you understand that at least?

A decent person could never call a war prisoner, or moreover, a woman with a child, a sheep. Only a complete fool or a scumbag could say this. So if you, reader, hear someone compare a prisoner going to death with a sheep, call him a filthy swine. That will be no mistake.

Delicate Topic

I must admit that the workshop in which I worked was equipped better than modern shoe factories, though it was only one of rear services²⁴. For the last half-a-year of my shoemaker career I was promoted and worked on a huge, circular press. My task was to prepare boots and the soles that were to be glued to them, and to put them on the press at the right time, then to take them out and, finally, to grind and polish them at special machines. However, the problem was that when the time came to put the next batch of soles (30 pairs) into the press, most of them had been stolen already. Those were durable, thick, stamped soles, which, in those times of total want of everything, were in great demand everywhere – in town, in the country and by partisans.

Theft scaled up like an avalanche – from a single pair of soles to the mass theft of leather at different stages of production. Everybody stole: Russians, Jews (more than the others; below I will explain how they managed to do it) and as I once found out, to my great surprise, there were also thieves among Germans, themselves. Here is how it happened. One evening, while our column was going back to the ghetto, one of the escorts bent down to tie his shoelace and, through a back pocket of the trousers, a bundle of soles (they were supplied in bundles of 5 pairs) obviously showed through on his fat ass. My eye was practiced enough to recognize it at once.

Now I will explain the way that allowed Jews to steal more than Russians did. Jews went to work carrying special tins, containers for the soup that they got. Those tins were 5-liter, zinc, cylinder buckets with lids. They served the workers good service – sometimes men managed to get a couple of extra ladles of soup and to hide it in the tin, in order to take it to their families, waiting in the ghetto, while the families were still alive. At some point an unknown, Jewish genius invented a double-bottomed tin – a shorter cylinder with the top bent around the perimeter was put into the bigger, outer one. The soup was poured into the inner jar and

²² [At that time the very end of the city in its east suburb]

²³ [Russians, Byelorussians but mostly Ukrainians]

²⁴ [Military support services that provide for the army and are situated in the rear, that is, not directly at the front]

the spoon handles were made shorter too, so that the tin seemed quite normal. One could put five pairs of soles between the outer and the inner cylinders. Many Jews provided themselves with such wonder-tins in a very short time.

Getting ahead in my story, I want to say that the trick with the tins was disclosed only in July of 1943, when we all were taken to the special concentration camp on Shirokaya Street and some tins were left behind. Someone had already loaded his tin with stolen soles, but had not put the inner cylinder inside the outer one yet. I learned this from my former Russian colleagues when I returned home from the partisans after Minsk was liberated. They were extremely surprised to see me alive.

The most amazing thing in this story is that nobody informed the Germans, though everybody knew everything. There was even a rating of thieves in the workshop – thief №1, thief №2 and so on. Good thieves commanded the colleagues' respect. Thieves №1 were the Rogozins, a father and two sons, shoemakers from Cherven²⁵, daredevils of men and gamblers. They were desperate thieves and would celebrate good loot with a good drink. Thief №2 was a friend and a former classmate of mine, Felix Grodstein. His entire family was killed in the ghetto, and he, himself, was killed much later on his way to the partisans. There were also other daredevils among us.

Theft was punished by death. It was regarded as sabotage activity and those who were caught "red-handed" were taken to the guardroom, beaten unconscious, and sent to SD Head-quarters, from where nobody came back.

Another classmate of mine, Grisha Dubovsky, and a few more workers perished in this way.

I dare say that theft was for us a way of offering secret resistance to the Nazi regime. And as for the punishment, it was the same for any infringement. For example, in the compartment where I worked with glue and acetone, there was a sign on the wall written with huge letters: "Smoking will be punished by death by shooting". That's how it was. By the way, a similar criminal code was in force also in partisan detachments. Minor infringements were punished by three or five days of arrest and major ones – by fifteen days of imprisonment (which nowadays would mean a life sentence) and death by shooting. War has its own laws.

It is high time I confessed that I also was a thief and had such a tin too. I stole, not only soles, but sometimes also ready boots. There was a special method to do it. I sold part of my loot in order to buy food, gave another part to the people who helped me and my family; the rest was passed to partisans with the help of messengers. I was not the lowest one in the thieves' rating – I was among the top ten. I was even proud of it in a way; however, the pride was mingled with an everyday fear of death. Once I happened to be caught in a very stupid way. How it happened, who rescued me, and what consequences that incident had after the war, and even quite recently, is another story and I will tell it another time.

It Cannot Have Happened. But It Did.

I want the reader, not just to understand with his reason, but also to feel with his heart that the Holocaust was not only statistics, dry and impersonal thousands and millions.

So what is it, the Holocaust?

It is the state of mind of a human being who has been sentenced to death without any guilt and with no hope for mercy.

It is hunger, but not the hunger of when you just feel as hungry as a hunter, but starvation that makes you think of nothing else, except food. And it is beyond your understanding that there are so many people in the world and that they all eat something. Can there be enough food for everybody?

It is bitter cold, and not the cold that we have nowadays, from which we can hide by dropping in at a shop, the Underground or a café, but a sinister breath of death itself that penetrates under your threadbare clothes. And you understand that, unless you find shelter immediately, you will die. And you are ready to die, if you are allowed to get warm beforehand.

²⁵ [A small town in Byelorussia]

It is a child who lies at the corner of Obuvnaya and Shornaya Streets. He is terribly swollen of famine and dropsy, but is still alive. He had bad luck – he was overlooked by the Nazis in the last raid, in which all of his relatives were killed. And he has crept out of the house in order to die on the sidewalk, covered by swarms of flies. And there is no one left who can help him because the orphanage and the hospital – children, patients (right in their beds) and all the staff – have been annihilated in the same raid.

It is, finally, the eyes of the man who works next to me at the shoemaker's bench, while we are not allowed to leave the workshop for three days. At this time the raid of July 1942 is raging in the ghetto, where his wife and their two children are. And my neighbor is a good shoemaker whom Nazis still need. According to the schedule of the "final solution", he must not be killed earlier than October of 1943, but also not later than that.

And now close your eyes and try hard to imagine that all this is happening around you and, God forbid, with you. And if you succeed, you will also understand that the Holocaust is not a field for competition of ambitions or eloquence. This is the subject about which one should talk less and think more. As if we were standing on the edge of a grave.

Once I was in a high school in Germany and I spoke before a group of students. After I finished a student asked me:

– How could it all happen?

I answered:

– It cannot have happened. But it did.

Den (Malina)

In the special jargon used by criminals the word "malina" (raspberry) means "den", a secret place, far from the police, where thieves and other criminals can hide and have a rest after doing their "work". Nowadays, thieves are quite different and their dens are on the Canary Islands or in the Swiss Alps; that is, however, a different topic.

In the ghetto "dens" were secret places where the prisoners hid during the annihilating raids.

It is difficult to describe all kinds of "dens" – they depended on the room that was available, the number of people hiding and the imagination of their creators: false walls and façades with free space behind them, cellars with secret hatchways; sometimes a cellar was dug outside the house and was connected to it by an underground passage; a "den" could also be in a side room, with a door hidden behind a wardrobe.

The inevitable question is – who camouflaged the hatches of the cellars, moved the wardrobes, masked the doors? This was done by old people who consciously sacrificed their lives for the slightest hope of saving their children's and grandchildren's lives. (Think about this, ladies and gentlemen moralists, who talk about the obedience of the doomed.)

Unfortunately, their sacrifices were often in vain, as Nazis had their methods of search: dogs, tapping on the walls, grenades, smoke grenades thrown into the cellars, etc.

And after the last pogrom, which took place from the 21st through the 23rd of October 1943, many people left the "dens" of their own accord and went outside, though it meant certain death. The dens were good only for a short stay. Sometimes a child would start crying, right at the moment when the flat was being searched by Nazis. Then the people hiding in the den had to suffocate the child. Even if there was anyone among them who had read Dostoyevsky and knew his words, "The entire future happiness of the world is not worth an innocent child's single tear", they could not afford to think of it at that moment. They were killing one child in order to save the lives of several people and other children among them.

My modest den experience comes to one night that I spent among ten other wretched souls in the narrow chink between two walls. After that I decided that it is better to die in the fresh air.

Foremen

So in the autumn of 1941, I, within the column of workers, was taken to the factory that repaired uniforms for the East Front Air Force (the former factory “October”). There I was led to the shoe workshop and was shown my working place at the common shoemaker’s bench: a low stool with a tarpaulin-covered seat, a set of tools and nails, and the most prominent thing – a heavy, cast-iron claw with changeable attachments. And, not forgetting, there was also a small bath with water, as it would prove later, for softening leather.

- What should I do? – I asked my neighbor on the left.
- Soak the claw’s attachment.
- Which one?
- The biggest.

It smelt fishy to me – people around looked at me with merry animation – however, I did as I was told and put the iron unit into the water. The damn thing was big and hardly fit in the bath. I had to pour more water into the bath, so that the water would cover it completely.

- Can I take it out? – asked I, half an hour later.
- No, – answered he, – too early. It is not sodden yet.

A foreman came up to me:

- What are you doing?
- I am soaking the claw’s unit. Can I take it out already?

He laughed and went away.

That was my “baptism of fire” and the degree of my professional qualification became clear to all. I made a real shoemaker only after I had worked for almost two years.

In our workshop there were foremen. I am talking not about the monsters from SS, SD, or Gestapo. Even today, 60 years later, I would shoot those without any trial or expiration term. Our overseers were civilians, who were sent to Minsk from Germany in order to organize the production of the factory.

The workshop functioned like clockwork, to the exclusion of the theft that I wrote about in the chapter “Delicate Topic”. And I must admit that, in spite of the fact that we were severely exploited and half-starved, it was they who taught me to work properly. None of them ever hit me, nor raised his voice at me, though I had never curried favor with them.

I remember some of them by name, the others by surname – Chief Master Rose, Overseers Rudolf Knott, Müller, Willy (only the first name), “See” (a nickname – that was a German who was a local inhabitant. He used to say this word meaning: “Do you understand?”).

Were there Nazis among them? Yes, there were – Rose and Knott (an offspring of an aristocratic family, who had not been taken to the front because of his slight lameness) were members of the National Socialist Party, but their political views never affected the way they treated the workers. Let me give you a few examples.

Once Knott asked me sympathetically:

- Michel, warum bist du Jude geboren? (Mike, why were you born a Jew?)

The other Nazi, Rose, taught me at the beginning:

- A sharp knife is half of the work, Michael.

And when I learned to sharpen the knife so that it was sharper than a razor and I cut my hand badly, Rose took me to the hospital, where a German doctor bandaged my hand and gave me a three-day sick leave, which also meant three days without meals.

However, all this did not prevent Rose from stopping me and taking me back to the workshop when I was trying to escape and avoid being transported, on the day when all of the Jewish workers were being sent directly from the working places to the concentration camp of the SS on Shirokaya Street, the place from where nobody had ever returned. Order came first with him.

I cannot help remembering the kind and fussy Willy, who looked more like a poor provincial Jew than a German. He used to show to me the photos of his Frau (wife) and three sons almost every day. When we were being taken to Shirokaya Street by traitors from the ROA (Vlasov’s Russian Liberation Army) Willy stood with his face turned to the wall and wept. There were also such Germans.

Boris

He was two years my senior, tall, with broad shoulders and blond hair. Before the war he had been a heavyweight youth champion in wrestling. He was friendly and self-confident, not at all downcast, as people in the ghetto usually were. By the time we met, his family had already been killed. He was working in a German workshop that repaired weapons.

I cannot say that we were friends: it was, rather, a good acquaintanceship, but I was still proud of it. We sometimes met and spoke of different things, including leaving for the partisans.

Suddenly Boris disappeared. This could mean only two things – either that he had been killed or that he had escaped to join the partisans. However, the second did not exclude the first: three out of four fugitives perished on the way to the forest. He appeared again about a month-and-a-half later. He had grown much thinner and was pale, but was still strong and independent. We went to a quiet place where we could talk and he told me his story.

He had left the ghetto, together with three other people – a man and two women. Boris had a cocked pistol in his pocket. They got out of the ghetto at night and went in the direction of Staroe Selo. At first everything was good and, after a couple of hours, they were already six kilometers away from the ghetto. It was already rather far from the city at that time.

It seemed as if the worst were past, and before them were life and freedom, but, suddenly, the night silence was split by machine-gun bursts. Boris's three companions were killed on the spot. Boris was wounded in the arm and stomach and fell with his face to the ground. But, falling, he managed to take the gun out of his pocket and was holding it in his hand.

Two marauders from the local police²⁶ came out of the night and started ransacking the dead (searching the dead was a very profitable trade for such marauders because, leaving the ghetto, people took with them all of their valuable possessions).

When they were finished with the others, they came up to Boris. One of them hooked him with his foot and turned him over in one jerk. Boris had been waiting for this moment: hiding the gun under his body, he killed both with three shots. Then he bandaged his wounds with some rags and went back. He could hardly walk and, part of the way, he had to crawl, but he managed to return to the ghetto by dawn. There he crawled into the hospital that was situated on Sukhaya Street.

The doctors and nurses who found him were to have reported all bullet wounds to the police immediately, but, instead of this, they hid him in the attic and nursed him, risking their lives. Due to their care and his own, iron constitution, Boris survived and got on his feet again.

That shooting kicked up a row. The ghetto was ransacked thoroughly. So was the hospital. Naum Epstein, who was head of the local ghetto police at that time, was inspecting the hospital. He looked also into the attic and saw Boris there, but pretended not to notice him.

By the way, Naum Epstein, who was believed to be a traitor and was accused of all sins, helped me to get out from the concentration camp on Shirokaya Street. That taught me to be careful in judging people because man is a many-sided being.

Naum Epstein was a relatively young, good-looking and intelligent, Polish Jew. He was killed in 1943, probably during the last raid. God be his judge.

Boris was transported to Shirokaya Street on the same day as I. On that day in July or maybe in the beginning of August 1943, all men were taken straight from their working places to the concentration camp. It was the second to last act of the tragedy of the Minsk Ghetto. It was the only way out from Shirokaya Street –

²⁶ [The local police were recruited from the local inhabitants – Byelorussians, Russians, mostly Ukrainians. Some of them were former criminals. They were feared, considered traitors and despised by local inhabitants. They were scornfully called *polizei* [politsai]. In this way a normal German word “police” became extremely derogatory in Russian. It meant not a real policeman, but a traitor, murderer and marauder. I must admit that not all *polizeis* were traitors and criminals. Sometimes decent people agreed to go to the police as spies for the partisans and the underground. However, it was not the case in this very story. In the Ghetto there were also local police recruited from Jews. Their task was to maintain order in the Ghetto. See the next chapter.]

in mobile gas chambers to Maly Trostenets²⁷. While in the camp on Shirokaya Street, Boris and I held together, which helped me to survive in those conditions, absolutely unbearable, even in comparison with the ghetto.

And ten days later, when, through an unbelievable miracle, I was able to leave the camp, I looked back while going out of the gate, and saw Boris for the last time. He was standing in the first rows of the huge crowd that filled the camp yard and his blond head rose above the others. That's how I remember him. He was a real hero. It is a pity that I have forgotten his surname. Too many years have passed....

²⁷ [A death camp not far from Minsk]

“Double Book Keeping” (on the Jewish Police)

Not long ago the NTV Channel showed a program from a series *Secrets of the Secret Service*. The subject of the program was the scout groups that were sent behind the front-line in order to collect information and to maintain a connection with the local partisan units. One story told in the program seemed very strange to me. In short, it was about 1943, when the Red Army High Command learned about the Nazis' plans for total annihilation of the Minsk Ghetto's prisoners. A woman-spy (with a Jewish last name) was sent to Minsk in order to rescue them.

The woman got into the hands of the Jewish police, which, according to the authors of the program, was a “shameful page in the history of the occupation”. The policemen did not report her to the Germans, but assured her that the Jews were in no danger. Then they took her to the partisans, from where she was sent back to Greater Land²⁸, where, as one can easily guess, she was arrested and perished in the GULAG. The only probable detail of the whole story is the last one (that is, the GULAG), the rest is ravings of a grey mare²⁹.

First, one woman, be she thrice Mata Hari, cannot have rescued thousands of ghetto prisoners. It was a task too complicated even for the mighty partisan movement and numerous underground organizations that were active in Byelorussia. Not that they tried hard to do it, either.

Second, the destiny of the Jews in Byelorussia had been apparent long before 1943 – by that time most of the ghettos in Byelorussia had been completely annihilated, and in Minsk not more than nine thousand prisoners remained, less than ten percent of the initial number. Wasn't it too late for rescue plans?

As for the “shameful page”, let us have a closer look.

I had to do with the Jewish police. I even lived in a “police flat” on Republican Street for about a year.

The first room was occupied by a policeman, Schulman, with his wife and two children. My mother, sister, and I lived in a through-passage room of six square meters. And in the last room, which one could reach by passing through ours, lived the head of the ghetto Jewish police, Fimka Rosenblatt, with his very nice and cozy wife, Emma. Gloomy and taciturn Fimka was about thirty-five years old, tall, and swarthy. He was said to be a former thief from Warsaw. The end of both policemen was tragic.

During the extermination raid in July of 1942, Schulman was said to have been standing in the cordon around the ghetto, while his wife and children, among other unfortunate wretches, were being driven in mobile gas chambers. He, himself, was killed in 1943.

As for Rosenblatt, one night he was arrested and was taken away by the local (Russian) policemen, with whom he used to drink all night long in his room. They must have been displeased with the way he had divided the loot. Several days later Emma went to find out what had happened to her husband. She never came back. Could she have known too much? I felt really sorry for her.

While living in the same flat with both policemen, I had an opportunity to watch the activity of the ghetto police closely.

The Jewish police maintained order in the ghetto; they also collected money at the beginning, when the lives of hostages depended upon it, they carried away the corpses after the annihilation raids, sometimes, they, themselves, took part in the raids, etc. Did they rat on anyone? They might have, since before the war they had lived in a state where denunciation was widespread. But I know for sure that not all of them were informers.

There were also resistance fighters among them, for example, Zyama Serebryansky (executed), Aaron Fiterson (joined the partisans) and others.

There were about a hundred men in the ghetto police at the beginning, and far fewer, later. They were not armed.

By the way, neither Rosenblatt nor Schulman exposed the den in our house, about which they surely knew. Schulman did not denounce me, either, when I was hiding in the ghetto for several days, after I had been able to escape from Shirokaya and before I left for the partisans.

²⁸ [The unoccupied part of the Soviet Union was called so. It usually meant Moscow.]

²⁹ [A humorous expression used in Russian to denote an absolutely unbelievable, crazy story.]

Many of those men were forced to join the police, others did it in order not to starve to death, and some were fulfilling the work of the underground resistance organization. Almost all of them were killed, except for those few who were able to escape and to join the partisans. Some of those who survived were convicted to prison service after the war. However, at that time, this did not mean that they were really guilty. I am not going to defend them, but the truth comes first. And if we speak about shameful pages of History, we should take into account that History is a very thick book and that it has plenty of pages. Among them there is also this one – according to the book *Communist Power in Byelorussia* by M. Kostyuk, there were 120,000 armed collaborators in Byelorussia during the war. They were traitors who served in the local police, soldiers of the Ukrainian units and the Baltic punitive units, and the Russian Liberation Army, commanded by General Vlasov. According to another source, there were 160,000 of them. They took active part in raids and the mass annihilation of Jews, in punitive actions against partisans, in the burning down of villages (sometimes the villages were burned together with the inhabitants) and they often did it voluntarily.

How about this page that was not even mentioned in the NTV program?

I can understand the authors' motives. That there were hundreds of thousands of traitors is common knowledge. There are people who even justify them. But a Nazi accomplice among Jews is a sensation. One must not miss such an opportunity.

Short Information on the Concentration Camp on Shirokaya Street

The SS concentration camp on Shirokaya Street existed from June 5th, 1941, to June 30th, 1944. Shirokaya Street was situated on the place of the modern Varvasheni Street. The camp was located in the former cavalry barracks, exactly at the place where the military hospital is situated now. Starting from August 1943, four mobile gas chambers regularly shuttled between the camp and the death-camp "Maly Trostenets". The people who were locked in the gas vehicles died on the way: they suffocated in the exhaust gas of the engine that came into the hermetic body through the exhaust pipe. The corpses were burned in Trostenets. From August of 1943 to June of 1944, about 20,000 people were thus killed on the way from Shirokaya Street to Maly Trostenets and in the camp itself; most of them were prisoners of the Minsk Ghetto. M.T.

Transit to the Hereafter

They appeared all of a sudden and at once filled up the spacious factory yard. Four big, open trucks. At the front side of each truck stood four soldiers in greyish uniforms that looked unfamiliar. They were also wearing grey helmets with white letters on them – ROA³⁰ (Russian Liberation Army, i.e., Vlasov's soldiers). They were all armed with sub-machine guns, looked gloomy, and stood very still. It was clear that they had come in order to take us somewhere. It meant that our turn had come.

Long experience of living under extreme circumstances forms in a person an immediate reaction and the ability to make decisions promptly. That is why I did not hesitate for a single moment – I had to escape before it was announced, while the policemen were still standing calmly aside. Outwardly calm – as if on business – I left the workshop and went into the yard, trying hard not to run, went slowly across the yard in the direction of the pillbox, through which I had often climbed out onto the street where we had lived before the war. All of my thoughts were concentrated at that moment on that pillbox – I had to reach it and then we would see. I had already walked about fifty meters and had started unpinning my patches, as I heard the Chief Master Rose's rasping voice behind me:

– Michel, wohin? (Mike, where are you going?) – pointing with his finger back to the workshop.

Oh, God! His mug had never seemed as disgusting to me as it did at that moment. But there was nothing else for me to do than to go back.

³⁰ [Russian Liberation Army - In Russian it is *Russkaya Osvoboditelnaya Armia* (that is why the first letters are ROA) or Vlasov's Army.]

The factory was already in turmoil. All male Jews from all workshops were ordered to go out to the yard and to get onto the trucks. In case of insubordination ... It was easy to guess what. Punishment was always the same. On the spot.

I took my tin with the rest of my soup and started moving to the last truck and, once there, to the rear side. I moved instinctively, without thinking about the reason for my actions. And only when I was sitting at the rear of the truck's body did I realize that it had been a new, subconscious decision – that was the best position for jumping out of the truck. I thought over the rest on the way. If, on former Sovetskaya Street, the trucks would turn right, it would mean that they were going to Trostenets. In that case I would have to jump. It was clear to me that I had hardly any chance to survive, but I considered it preferable to be shot while trying to flee than to wait for my turn, standing by a trench.

But if they were to turn left – it would mean the camp on Shirokaya. They did not shoot people right there. It was just a transit camp for sending people to the Hereafter – an assembly place from which the prisoners were sent either to the same Trostenets or to other concentration camps in Germany or other European countries. In that case, the outcome was not so clear and, above all, I would have some time at my disposal.

The trucks turned left. Though it did not make my prospects more cheerful, I was a bit relieved, as one always is when one does not have to make hard decisions at once.

We arrived before long.

A very high fence with barbed entanglement on top of it, in the corners – watchtowers with search lights and machine-guns. A huge gate, on which Dante's words, "Abandon Hope Coming In Here", should have been written. Right behind the gate there was a vast, asphalt square, in the depth – former cavalry barracks with three-tiered plank-beds in them, on the left a shed and, under it, piles of bricks; on the right – a big service area with workshops, barracks, and a kitchen. The barracks were occupied by the constant prisoners of the camp, who, in comparison with us, were aristocrats among prisoners: we were waiting to be shot. Unlike us, they would not be killed immediately (but they all will have been killed by July of 1944).

The days spent in the camp were like a nightmare. We all were sheared close with a kind of shearing clippers. There were several thousand prisoners in the camp. By day they all stood, sat, or lay right on the asphalt. One time a day we were given a ladle of rotten, thin soup. People stood in a huge queue to the cauldron in the middle of the service area. Actually, stood is the wrong word: they were driven on past the cauldron almost at a run. Some of them did not have enough time to put their tins under the ladle and were pushed further, without getting even that portion of food.

At night we were herded into the barracks; before the doors machine guns were set and the dogs were unleashed. There were enough beds for only one third of all the people. The rest of us stood waiting for our turn to sleep for a couple of hours on a bed. But we could also sleep standing up – we stood pressed to each other so tightly that it was impossible to fall.

When a piece of bread was stolen from one of the Hamburg³¹ Jews, it was declared that, in case it was repeated, they were not going to look for the thief, but would shoot every tenth man. Theft never occurred again.

From time to time arguments would arise among different groups of prisoners in the crowd and people would raise their voices. In such cases the commandant of the camp, a tall, lean man with a serpent-looking face, would take out his automatic pistol and would shoot the whole cartridge clip into the crowd, without aiming. The crowd would shrink back to the barracks and on the asphalt there would remain several men, dead or wounded. The wounded were shot dead and the corpses were taken away. And everything would be quiet again.

During the days that I spent in the camp, the number of prisoners decreased because some of them had been killed and the others had died of exhaustion. (A bit later it will be clear why I mention this.)

³¹ "Hamburg Jews": that's how natives referred to Jews deported from Germany and other European countries. They were actually from many cities and not only from Germany, but the first train with them came from Hamburg, so that's where the name comes from. In the Ghetto they occupied a special territory – Special Ghetto (Sonderghetto), separated from the rest of the Ghetto with barbed entanglement. It was a Ghetto inside the Ghetto.

Boris and I, together with a few more boys, stuck together. It helped us to survive in that hell. I felt a constant stress, which was almost unbearable. We were kept there for several days and it seemed as if we were to stay there a bit longer. The trenches in Trostenets were probably not ready yet. But one day...

Epstein's List

One day the most influential person in the whole ghetto, Naum Epstein, head of the job-center, came into the camp. He was accompanied by four Jewish policemen. A few minutes later, the news spread among all the prisoners that thirty-six, particularly valuable specialists had been demanded back by their German employers. The list had been approved by the General Commissioner and those thirty-six people were to be returned to their working places because the Germans could not spare them, even temporarily, despite the strict schedule for the "final solution". It was easy to guess that I had no chance to be included in that group.

That's what it looked like. Epstein, with the list in his hand, and his assistants stood in the middle of the square at a small table. The crowd of prisoners was pressing around him, trying to hear what he was saying. The guards were keeping them back with the help of butts and dogs. The commandant was walking with a scornful wince between the crowd and the table, his pistol in one hand and a bamboo stick in the other.

At last it became quiet. The silence was absolutely unnatural for such a number of people collected in one place. Even the dogs stopped barking, as if they also felt the importance of the moment.

It was an instant of a deafening silence between life and death.

The names were announced one by one and each of them was followed by an almost immediate shout:
– Here! – and the crowd expelled, as if unwillingly, another lucky one who ran to the table.

The next name was declared:

– Naum Rosin!

An endless silence lasted the whole half-a-second, that is, an instant longer than it would have taken Rosin to respond, if he were still alive. But he kept silent, and before that half-second eternity was over, somebody's hoarse voice pronounced:

– Here!

At that moment I realized that the voice was my own and started to elbow my way through the crowd towards the table, as if in sleep. Epstein, who knew me personally and must have known Rosin too, gave me an astonished look but said nothing. As for me, I was standing in the group of those "lucky ones", feeling absolutely out of place among those elders. But I decided to stick to it...

The group was gathered and was formed into a column, two by two. The commandant inspected it one last time, saw a gaunt, sixteen-year-old, "particularly valuable specialist", hit him without a word with his bamboo stick on his sheared head, and pointed with the stick at the crowd. Epstein was looking at it without trying to interfere. What else could he do?

My skull skin was cut and was bleeding badly. My eyes were flooded with blood. I groped my way to the water-tap, washed off the blood, took my torn cap out of my pocket, and pulled it onto my head. At that moment I noticed that the commandant had gone to the farther corner of the square to suppress the agitation in the crowd and I made the last attempt - I stole behind the piles of bricks to the group that was ready to leave the camp. Epstein gave me an anxious look. I realized that if the commandant came up to the column again and saw me there, it would be the end of me. But it was already too late to hesitate. I put everything at stake and took my place at the end of the column. The commandant, as far as I could judge from the sounds of the shots, was busy with the prisoners in the right part of the square, too busy to pay attention to us, and I, casting the last glance at the familiar faces in the crowd, left the underworld, together with the group of 35 other men.

Thus Naum Rozin, whom I had never known and who had not lived until that day, and Naum Epstein had bestowed on me a piece of life that lasted for all those lucky ones for about two months – until October of 1943, and for me, as fate has willed, for 65 years. When I meet them in the hereafter I will bow low to both of them.

(You must have noticed that I write that I "left" the camp and not "escaped from" it. So it was. It was absolutely impossible to flee from the camp on Shirokaya Street.)

Again in the Ghetto

What happened next was even crazier. When our column had almost reached the ghetto it was overtaken by a car with German officers of a very high rank. They scolded Epstein and then even beat him. It turned out that Epstein's list, according to which the 36 people had been released, differed from the one that they had on them. The new list had also been approved by the general commissioner. It also contained 36 names. Some of the men were on both lists; the others were not on the final one. The total number of 36 was not to be exceeded.

So Epstein got a new order: to put all of the released men into the cell at the job-center (there was such a cell, where people caught in manhunt raids were kept), to sort out and release those who were listed on both lists the next day; the rest of the group was to be taken back to Shirokaya Street, and new men, according to the new list, were to be released instead. (I hope you can follow me.)

Naum Rosin's name, let him rest in peace, was on both lists (he must have been a really valuable specialist), so the next day, under his name and with Epstein's blessing, I was let out of the cell to the ghetto. I still cannot understand why Epstein was so kind to me.

I came back home, trying not to be seen by anyone, as I (of course, as Michael Treister) was already believed to be dead.

My mother did not recognize me at once – that's how the days spent in that hell had changed me. One of my neighbors, the head of the ghetto police, Rosenblatt, as I have already mentioned, had already been killed; the other, Schulman, pretended neither to know nor to see me.

Staroe Selo

I hid at home for about a week, thinking over what to do next. I had to flee, but where to and who would go with me? Actually, the answer to the first question was already clear – the village, Staroe Selo³². It was a partisan zone – the region where different partisan scout groups were especially active.

One companion was also at hand – in the same house lived a charming, blond girl, Vera Rosenberg (now her last name is Smirnova). We had often discussed the possibility of fleeing from the ghetto. She agreed to come with me at once. One more boy joined us – he was our age and his name was also Michael. Thus there were three of us.

The preparations did not take long. The clothes had already been prepared. My mother collected some food for us. The only weapon was my Finnish knife, as sharp as a razor, as the real shoemaker's tool should be.

We bade goodbye to our relatives (those of us who still had some) and the next day, early in the morning, we took off our patches and dived beneath the barbed wire entanglement towards uncertainty.

The way – about 20 kilometers – was relatively calm. Our companion, Michael, turned back half-way. I do not want to guess about the reason. I never saw him again.

Vera accompanied me almost to Staroe Selo and went back; she wanted to find out the way in order to take her relatives out of the ghetto. (Her further life was not easy. She finally joined the partisans, was sent back to Minsk as a messenger, was arrested by Nazis there, was sent to prison, and then to Auschwitz. Fortunately, she survived the war and, nowadays, is a member of our Association of Jews, Former Prisoners of Ghettos and Concentration Camps).

After Vera went back, I remained alone and spent about two weeks wandering not far from the village. I do not remember that time very well. After I had eaten everything that I had on me, I started begging. The people were not very friendly, but some of them gave me something to eat.

Once, on a cold night, I was sleeping near a fire that had already gone out, but the coals were still hot. I moved closer to the source of the warmth and rolled on the coals. I woke up only after all my clothes had

³² [The name of the village. It means "Old Village".]

burned through. A kind, old woman mended the big hole in my jacket with a patch of white cloth, which gave my looks a decisive “heroic” stroke.

First Meeting with Partisans

At last I met the partisans. It was a scout-group from the partisan detachment, named after Ponomarenko, as I learned later. At first they suspected me of spying on them, but I showed them my only document – a ghetto registration certificate that had been issued by Judenrat (the Jewish Council) or, as it stood in the document itself, the “Yiddish Committee”. I had been carrying it in my pocket, hidden under matches in a matchbox. In the certificate was written who I was and from where I had come. They complimented me on my resourcefulness and suggested swapping my new, excellent boots, which I had made myself, for some torn, worn-out shoes. It was “an offer I could not refuse”. I had to give them my boots. A bit later, after I had repaired shoes for some of them and when it turned out that one of them was a Jew, they grew friendlier and let me stay with them for a while.

We carried out a few raids, one of which was on the railroad; I stood guard while they were mining the rails on the span Minsk to Stolbtsy. I also accompanied them to the motor roads, where I was allowed to fulfil a more “skilled” task – sawing telegraph poles and even laying mines; a couple of times we had to exchange fire with Germans.

When the group went back to their main positions in order to join the detachment, they let me go with them. We covered about 80 kilometers, and in Nalibokskaya Pushcha (Naliboksky Forest) they left me in the Jewish National Partisan Detachment, commanded by Sholom Zorin.

There I could wash and was given enough food to recover after my wandering. When they learned that I was a shoemaker, I was immediately sent to work in the shoe workshop, directed by a shoemaker, Yankel from Cherven. As soon as I started my work there, I also started asking to be transferred into a fighting group and to be sent as a messenger to the Minsk Ghetto, which was doomed to extermination in several weeks and where I had left my mother and my sister, Anna.

Forest Shoemaker

I had come to the partisans in order to fight and accomplish heroic deeds, but instead of that, I spent all day long working in a partisan shoe-repair workshop. Contrary to the well-equipped and functional German workshop, where everything was in perfect order, each thing at its place and handy, the partisan workshop was a big mess. There was nothing except old boot-tops, pieces of raw leather and soles, cut out of old tires (in order to cut them from thick rubber, one needed remarkable strength and comparable patience). Besides, there were no ready-made shoe nails and a shoemaker had to make wooden nails himself, out of a birch log. To crown it all, my foreman, Yankel, and I hated each other from the very first day. He could not stand my being absolutely indifferent to work, and I hated his bossy and vexing manner.

There were forest and armed people around and I was not in the ghetto anymore; I was free, but, at the same time, I had to stoop over a shoemaker claw all day long. On top of all this, there was the stupefying smell of fresh bread from the bakery that was in the same dugout, separated from the shop by a thin leaf of veneer.

Who in the world would have been able to endure it all? I could not.

I Am a Guide

As my mother and sister were still in the ghetto, I could use this excuse to persist in asking our partisan commanders to send me there as a guide.

And I succeeded.

My task was to bring from the ghetto to the unit a pharmacist, a soap-maker and a gunsmith. They could bring relatives and I was allowed to take my people too. But the strictest order was that the total number of the people in the group was not to exceed ten. Bigger groups, as a rule, were doomed to fail. Besides, I also

had to procure and bring to the unit some equipment: batteries, radio items, medicines, and, if I managed to find them, weapons. I had to bring the group to Staroe Selo, where we were to be met by another guide. He would take a few other groups together and would lead them to a bigger, partisan unit.

Everything seemed simple, clear and precise, as it usually is, in theory.

Somehow, now, I do not remember my way from the forest to the ghetto, maybe because it went smoothly. It was September 1943.

Back to the Ghetto Again

The ghetto, already pretty shrunk, was experiencing its last weeks, or maybe even days. There was no time to lose. I started looking for the necessary specialists. Despite my secret mission, different people from here and there came to see me. They did not come with empty hands. I remember two visitors. One had an automatic pistol in a brand-new holster and three full cartridge clips. He said that he had five people with him. The other man handed me a small cylindrical bundle, wrapped in a newspaper, which was too heavy for its length. That proved to be gold coins. He had six people with him. But the order is the order; I had to keep my mission secret, so I told them that I'd never gone anywhere and was not going anywhere. I told this even to my close friends and neighbors, Lucy and Rosa Zuckerman. Thank God they survived, and I had an opportunity to apologize to them after the war.

They both had been in a partisan detachment too (now they are members of our Association), so I hope that they understood that I was fulfilling the military order and forgave me. And they knew what I risked – their own uncle, my colleague at the shoemaker workshop, jovial Boris Zuckerman, had been in a partisan unit too. While he was on a mission, he was captured by the Nazis and was tortured – drugged and ripped apart (quartered), alive. For a partisan to be captured by Germans meant tortures that are even difficult to describe: they would put a red-hot pot on the head of a prisoner; would put a naked person in an ant-hill; would rip a person apart between two birches or with two horses etc. The only way out of such tortures was to explode a hand-grenade or to shoot oneself, if one was lucky to have enough time to do it before being captured.

Boiler Room

Finally, the people were selected and the group was formed. We had to meet in the boiler room of the ghetto's hospital for infectious diseases on Sukhaya Street. The departure was set for 2 a.m.

And here, what I could not possibly have predicted happened. It turned out that there were many different people living in the boiler room: people who miraculously had survived annihilation raids, people whose homes had been burned or destroyed. Besides them, some prisoners of the ghetto had heard the rumors about the group being gathered and had come to join it. Here I saw Sholom Kaplan, my colleague-shoemaker's son, our friend, the young woman Clara, with her daughter... I let them join us too. All in all, the number of people in the group came up to 25-30 people.

On one hand, I understood clearly that the chance of leaving the city unnoticed with such a big group was equal to zero. But, on the other hand, there was nothing that I could change at this point, not even the departure time.

The only thing that I could do was to order everybody to wrap his shoes in any rags he could find, so as not to be heard while walking in the city streets at night.

So, at 2 a.m. precisely, we cut the barbed wire of the ghetto on Opansky Street and walked toward our fate.

Live till Dawn

It's hard to believe, but we managed to get out of the city, which was not so big at that time, and ended up somewhere behind the Catholic cemetery. This alone I consider a miracle, even today.

The complications started later. Having crossed a highway, we found ourselves at a big potato field, surrounded by a triangle of roads. We were about to cross one of these roads.

All of a sudden, there was an explosion on the road that we were going to cross. We fell down and hid ourselves in the tops of the potatoes, which, fortunately, were high enough to hide us. Cars were driving along all three roads, with sirens and searchlights turned on. We heard commands in German. We had no idea what had just happened there, but you can imagine what we felt, moreover, that to meet sunrise in the middle of this field would mean our end.

Finally, it got quiet, and we literally crawled on our hands and knees across a road, but not the one we had originally chosen, because it was still rather busy. This put us off our route to Staroe Selo.

We realized that we would not be able to reach our destination the following night. The sunrise found us near a large thicket, where we hid ourselves.

Tragedy

We had a short rest in the bushes, and then started discussing what to do next. My opinion was that we should examine the way in the daylight, but set off at night.

The adults objected to it. They argued that we had to go during the daytime, because it was too dangerous to stay. There was a reason for such an opinion. While we were hiding in the bushes a shepherd boy came there and saw us. We gave him something to coax him and asked him not to tell anybody about us. He promised... but everybody understood what the promise was worth.

The adults won. Three young scouts went to examine the way, and we divided the group into three smaller ones. These three groups, each lead by a scout, had to leave the thicket and move in the right direction, separated by an interval of 20 minutes. Mine was the last one.

The first group left; then the second one followed it. It was then my time to move out. I went first, with the others following me at a distance of about 50 meters. The relief was complicated: an ascent, then a kind of pass, then a deep ravine, then again an ascent to a forested hill and, somewhere behind it, there was a highway that led in the direction of the town of Rakov³³. When we had almost reached the pass, I heard the dry, remote rattle, dissolved in a wide autumn space. That did not even scare me at that time; I was just puzzled. I waved to my group to stop and lie down, and I, myself, crawled up to the pass and glanced down. The picture I saw stands before my eyes, even now.

In a low ground, on the left side of the road, there was the framework of a house; near it a group of German soldiers were shooting, point-blank, at our second group. Local policemen were shooting their rifles at the people of the first group, who were running up to the forested hill; some of them had already reached it and were hiding among the trees. I saw people falling down there too. Later, when the rest of us met, we tallied up – the second group had been annihilated completely; in the first group, half of the people had been killed.

I returned to my people and ordered them to return immediately to the thicket. Only there did I tell them what I had seen. Then the next miracle happened: the policemen did not come to look for us. Maybe they had decided that there was nobody left. But you can imagine what we felt and thought about, while waiting for nightfall.

Final

To this day I cannot decide who had been right in our argument that night. If it was the shepherd boy who had betrayed us, then the adults had been right that we could not wait in the bushes until night. If it was not him, then I had been right to suggest waiting in the bushes until nightfall and then moving on when it was dark. The whole group could have stayed alive. But you do not apply “could/would” to History. What happened - did happen. I cannot judge whether the tragedy was my fault, moreover that my main opponents, who had insisted on leaving at daylight, perished, and there is nobody to discuss or clarify it now.

³³ [A small town not far from Minsk]

We chose a roundabout way to Staroe Selo and walked for two nights before we reached it. All of us arrived safely: the pharmacist Smolyansky with his daughter, Clara with her child, Sholom Kaplan, my mother, my sister Anna, I, and two or three more people, whose names I do not remember any longer.

Near Staroe Selo our group merged with several others, and this united group of newcomers, including us, left for the main partisan camp in Naliboksky Forest, the place where partisan detachment 106 was stationed. We were lead by another guide, a young girl by the name of Katya. On the way to the forest, we walked about 80 kilometers in one day and the following night. Our feet were sore and bleeding. At the end of the journey, many of us had to cut our boots, as we could not pull them off. But still, we managed to reach the unit without additional loss.

The Place of the Tragedy

After the war I tried to find that tragic place without much success. But once, about 1960, during a country ski outing, I got up to the top of the forested Monastery hill (unfortunately it does not exist any longer). And there I suddenly saw that very thicket, that same pass and sloping, forested hillside, rising from the south to the north. The bushes were near an intersection of two, now-busy streets. People had been killed just about where the VW dealership stands now.

Not long ago one professor of History announced that in September of 1943 a group of Hamburg Jews had been taken to this area in order to do some work and then were killed while trying to escape. This is not true. Hamburg Jews never tried to escape. They did not know where to go. Most likely, this was a rumor related to our group. At least the time and place match.

I pass by this road pretty often. And I see that tragic end before my eyes every time.

Unit 106

At last we were in a bigger partisan unit. A lot has been written about it and much more is coming, I hope. I'm restricted by the size of this book. So I can mention this topic just briefly. Unit 106, commanded by Sholom Zorin, with Haïm Feigelman as leader of the Communist organization, and Anatoly Vertheim, Head of the Headquarters, was started in the spring of 1943 and consisted of about 600 people at the time of the liberation of Byelorussia. It included 140 members of the military operations group and 450 family members.

There were several workshops and facilities that operated within the detachment: shoe repair workshop, tailors, armory workshop, bakery, meat smoke shop, community baths, high-quality medical office that included even surgery and gynecology. All those facilities provided for our detachment and for the other smaller and bigger partisan units that were stationed in the Ivenetsky Region. There were about 150 orphaned kids in Unit 106. Many of these children attended a school that also operated in the unit. School students wrote with charcoal on birch bark. The structure of our unit was military and service subunits, training subunit, constructional and field crews. The field crew was responsible for gathering the harvest from fields around burnt villages. A construction crew built and repaired the unit's homes and dugouts. We even had a herd of cows, won over from the local policemen.

In other words, besides military operations, the unit's goal was to care for the elderly, the women and the children, who, miraculously, had survived and escaped from the ghetto. This was a very difficult task, considering the conditions under which the unit operated. But Zorin's people managed it with honor.

On July 9th, 1944, Unit 106 joined the Red Army.

My First Rifle

So, there I was again in a shoemaker workshop.

The main requirement for joining the military subunit, which was my objective, was to have a weapon; that is why I needed a rifle. So I decided to procure it myself. I found an old rifle barrel and polished it for several nights, until it shone and could reflect the light like a mirror. I swapped a cheap, German watch that I

had for a bolt and polished it bright too. The only thing that I lacked was a butt. The way that I got it is a story in itself. There was a joiner in our unit, a friendly, young fellow by the name of Isaac Greenberg. He was a year or two my senior. We had a deal: I made a pair of good boots for him and he, in exchange, carved the wooden part of the rifle for me, which was, in general opinion, much better than one made at a plant. Finally, I managed to get about a dozen bullets.

So I was “armed and very dangerous”, especially for Yankel!

Destiny of a Man

Isaac Greenberg’s further destiny was very interesting. After Byelorussia was liberated I lost track of him and was sure that he had been killed at war. But seven years ago he came to Minsk with a group of other former prisoners of the ghetto and we saw each other again. It turned out that the former joiner had become a second rank captain³⁴ of the Navy. He had organized a training center for submariners, where they were trained to leave the submarine in case of a wreck, and he commanded it for many years. We talked with him about the past and our “deal” and about his beautiful girlfriend, Rita; they used to be the most charming couple in our detachment.

Again under Escort

But let us return to Yankel and the end of our conflict.

“I am not coming to work tomorrow,” said I, after an exhausting working day and a regular argument with Yankel.

“We’ll see,” answered he with a “significant” glance.

The next morning, after the boys who shared the dugout with me (all the inhabitants of our jovial dwellings were approximately my age) went to their work or service, I lay down again and wrapped myself in a sheepskin coat in order to sleep in after a long night of chatter (Yulik Dvoretzky retold us at night all the novels by Alexander Dumas that he had read before the war, and the previous night, it had been the turn of *Black Tulip*).

Suddenly the door opened. I heard the clang of the bolt and Yankel’s voice,

“Get up! Get dressed! Go outside! Hands back! Go ahead!”

Yankel, armed with a loaded rifle, escorted me through the whole camp to the workshop to the amusement of all the people who saw us.

Liberation

Nevertheless, I refused to work point-blank. Our argument finally reached the commander and I, together with my self-made rifle, was admitted into the training subunit at last. There I was trained to do front-line service, to stand guard, to crawl on my stomach, to harness a horse, and to save bullets.

It was not easy, certainly, but I was as far as possible from Yankel and shoemaking. However, I now realize that he was a righteous worker and a good professional. It was not his fault that I had hated shoemaking since the ghetto times.

Delusion

During the war and later in the mountains, I experienced many dangerous, even life-threatening situations, but there was a moment in my partisan life that still makes my hair stand on end and my mouth dry, when I recollect it. I prefer not to talk about it because it doesn’t sound realistic, although everything in the story is nothing but truth, from beginning to end.

³⁴ [A rather high rank in the Navy. In the Army it would be Lieutenant-colonel.]

It happened on July 6, 1944, after the last fight with the Germans, when six partisans from our unit were killed and three, including the commander, were severely injured. Realizing that there were too few of us to continue the fight, we started to retreat and then ran away. I ran too and I was running so fast that, in about ten minutes, I lost sight of the others and was completely lost in the woods. I did not have any idea of where to go and was standing, trying to decide which way to take. All of a sudden, I heard shots: those were no volleys or bursts, just solitary, but rapid shots.

At that moment my imagination mistook the desired for the real, and I decided that our unit had returned and was continuing the fighting. It meant that I had to go in that direction to join my people. So I went toward the shots, as they were the only direction index that I had.

The shooting soon ceased, but I had already noticed the direction. A bit later I came to the edge of the forest. The sun was shining brightly, right into my face, and was blinding me; besides, I was extremely excited and frightened and I could not think clearly. In the distance of about 100 meters, with my blurred vision, I saw some human figures. They were also standing at the edge of the forest, but in shade. It seemed to me that I recognized familiar figures. I was so happy to see them that I waved my hand to attract their attention. Suddenly one of them lifted his gun and shot at me. The bullet whistled near my cheek. I did not think that he was trying to kill me, but I suddenly felt that something was wrong.

Probably they had not recognized me. And I shouted:

“I am your own! I am your own!”

At that moment I noticed that they were aiming at me again. I threw myself to the ground. They shot at me two more times. The bullets struck the earth half-a-meter away from my head, and sand flew into my eyes. Could it be that they still had not recognized me? I saw them gesture for me to lift my hands and to come up to them. I got up and started coming nearer. While doing this, I already realized that something was definitely wrong. This guess made me sweat.

I made a few more steps and got into the shadow, and only there could I see them clearly. They were Germans. Two of them, whom I had taken for my own people, stood in front of the others. They had shining plates of field gendarmerie on their breasts. About six more soldiers were behind them, and the rest of the unit was coming out of the forest. They were all laughing at me. I heard their voices in a broken Russian:

“*Pagtyzan, kom syudy!*” [“Come here, partisan!”]

There were already about 50 meters between us. What I would not have given for a grenade at that moment!

I could already see their grins. Those with plates even put down their guns, watching me coming up: there I was, walking towards them, as a rabbit to a boa constrictor. They had nothing to worry about.

My only thoughts were, “I wish the bullet had struck me on the forehead! But it was meant this way! They did not want to kill me, but to get me alive.” I had a very short time left to live and even less time for making a decision. But the decision was already made. I did not take my eyes from them and was nodding my head as if to demonstrate that I was following their orders obediently and was coming up to them and, at the same time, I was moving closer and closer towards the woods. They noticed that and started to raise their guns.

There were about three meters between me and the woods and 30 - 40 meters to them. Here came the crucial moment – I run either now or never. I jumped aside and sprinted through the woods. I heard the heavy firing behind me. I flew through the undergrowth, without looking to where I was running. Chips of wood and branches, cut by the bullets, hit my face. I do not remember how long I was running, but finally, I fell down, exhausted and absolutely sure that I had been killed. Then I felt myself and realized that I was not wounded: I had nothing except bruises and scratches! Life went on!

In an hour-and-a-half, I found the road and managed to catch up with my people, walking after the carriage with the injured commander. With them I was not afraid even to die.

From the very beginning, in order to avoid misunderstanding, I have to confess that, being a partisan, I never accomplished any real heroic deed, although I learned a lot in the unit. For instance, I learned to cut trees, to construct a shelter of branches, to ride a horse without a saddle and to fall down from it, landing as a cat, “on the four paws”, in order not to break my bones.

Besides, during the time I spent in the unit

- I joined the Komsomol Organization (the Union of Young Communists), from which I was expelled in 1948 for my dissident views and sayings.
- I discovered for the first time that humanity consists of men and women, and put very much interest in the discovery.
- I got from girls my first lessons in dancing, under the “mouth music” in a big dug-out with the triumphal name of “Red Corner”³⁵.
- I established a record for time spent in the unit prison, and I have to admit that each time the punishment was well deserved.
- For the first time in my life, I saw a praying Jew and a Jew who kept kashrut, even in the unthinkable conditions of the unit, and that made me think over a lot of things.
- I gained real friends, many of whom passed the test of time and remained my friends for life.
- And I understood that human life is precious, but I also understood that there is something even more important.

July 1944

All is in the past: the ghetto, the camp on Shirokaya Street, the way to the partisans, back to the ghetto and again to the forest, a month in the fighting group and a year in the Jewish partisan detachment, shoemaker workshop, patrolling, German bombardments that destroyed tens of hectares of the forest and our forage operations, and the last fight, with its tragic end. Everything is in the past. And in store for me is life and freedom.

The units of the 2nd Byelorussian Front are advancing indomitably on the enemy that is running swiftly back to Germany, whence it has come.

We have left our injured people at the field hospitals; those of us of call-up age have immediately joined the Red Army, and the rest of the unit is swarming slowly along the forest roads to the South, towards Lake Kromel. From there the people will be transported to Minsk.

We did not have anything to pack, so the parting with our camp did not take long. As far as I remember, I did not even have time to drop in at my dugout.

The forest smells, not only of trees, herbs, and conifer, but also of something sinister. This is the smell of war. Sometimes it is even frightening to go inside the forest in order to urinate – one can come upon corpses in German uniform. Sometimes they are still fully armed with German submachine guns *Schmeisser* and grenades on the belt. Our dead have already been collected by special units, but the Germans are still waiting for their turn.

It looks like the battle took place here not more than two or three days ago.

German War Prisoners

When the greater part of Byelorussia was liberated, big groups of German units found themselves in the encirclement. The groups of soldiers and whole units were literally looking for someone to whom they could surrender. At the same time, they tried to avoid meeting partisans by all means, as the recent, mutual hatred was still fresh in everybody’s memory – prisoners used to be killed mercilessly by both sides.

Most of the details of the first days after liberation have already been effaced from my memory, but some of them are still fresh in my mind.

³⁵ [“Red Corner” was a widespread name in the USSR for places of “cultural leisure”, where people could come together, arrange parties, dance, read, listen to lecturers etc.]

We spent two days near Lake Kromel, next to an artillery unit that was stationed there for a short rest.

One day a small biplane flew over our camp. It made a couple of circles over the clearance and, having attracted our attention, descended and threw an empty shell with a note tied to it, "In the forest, about a kilometre away from you, there are about a hundred Germans. They obviously want to surrender. I'll swing the wings over them."

It flew away and swung the wings in the distance. We passed the note to our neighbors. They sent a platoon and in an hour the soldier returned, escorting a column of Germans. The Germans were fully armed, but without grenades and cartridge clips for the submachine guns. They had handed all this to our soldiers, and the Russian soldiers were now carrying the German munitions in their kitbags.

I remember one more episode. There was a temporary camp for prisoners, not far from us. The soldiers and officers of lower ranks were sitting on the grass in one, huge, almost-regular circle, with an empty space in the middle. In the center of this space, which was about ten to fifteen meters in diameter, there was a general. He was sitting on the grass also; he was calm and looked as if he were not paying attention to anything that was happening around him. He was wearing a uniform with military decorations – crosses, but without boots, he had just grey, wool socks on his feet.

I did not understand then whether he had had them polished, or probably some Russian soldier could not resist the temptation to parade in a general's boots. I sympathized with him – my partisan life also began in the same way, when someone deprived me of my boots.

Another memory of the war prisoners refers to 1946, when I was already a student of a polytechnic secondary school. Near my school there was a construction site, fenced by barbed wire. There were many German war prisoners working at it. Around the site there were high trees, with lots of crows sitting on them and flying around. Crows had to be shot at that time (probably it was believed that they were too heavy a burden for hungry people at that hard time). I also had a small-caliber rifle and once went to shoot crows near the site. One of the birds fell on the other side of the entanglement. Several men rushed to it at once. I asked the one who got it what he was going to do with it. He explained. *Suppe* (soup). Then I threw the other birds over the wire. Life was evidently very hard for them. But, when I sometimes would go to the country, I used to see other war prisoners. They lived there, almost free, and helped lonely women around the house and in all other respects. Their life was quite different, and they looked much better than the ones kept in towns. It is curious that the local people did not bear any malice against them and treated them, not as recent occupants, but with much respect, as country people usually treat a good blacksmith or a qualified joiner. And Germans were really good workers.

In conclusion I would like to list a few data, to give you some general information on the topic:

According to Soviet and German historians, the general number of the German war prisoners equalled about 3.7 million people. Among those 3.7 million, only about 2.4 million were actually Germans, and about 1.3 million were Austrians, Rumanians, Italians, Finns, Slovaks, Czechs, Belgians, and Spaniards, etc. According to the same sources, the number of Soviet war prisoners varies from 5.2 to 5.7 million people.

According to the information presented at the German exhibition, *Wehrmacht Crimes*, which took place in Bielefeld, Germany in 2002, about 60% (3.5 million) of all Soviet prisoners died in German captivity, while the Germans in Soviet captivity lost 37% (1.4 million, 1 million of which were actually Germans).

The last German war prisoners were able to return home in 1950.

Songs at War

The main impression, I would even say a really, dazzling experience, connected with the coming of the Red Army – besides the regained hope for life and freedom – were the songs. They crashed on us like an avalanche.

The people in our unit used to sing in the evenings also: For some unknown reason, Siberian and Cossack songs had been especially popular. We also had sung "Katyusha" and some other songs that had been popular before the war, but we had had no idea of the new war songs. And on the first evening that we

spent sitting around a huge fire with soldiers from the neighboring artillery unit, we heard tens of new songs, written during the last four years. Nowadays everybody knows them, but on that evening we were discovering them for the first time, under the accompaniment of the guitar and the accordion. It was wonderful to sit there and to listen to them. The soldiers sang beautifully and looked so young, but at the same time, strong, brave and experienced, smelling of gunpowder and covered with the dust of war roads. Their very appearance made one absolutely sure that nothing would be able to stop them before they would reach Berlin. The Red Army was like a huge spring that had been pressed from the border to as far as Moscow and Stalingrad, and was now straightening itself, hitting the enemy back. That was what I felt, sitting there near the fire and listening to the unknown songs, the cracking of the fire and the rustling of the night wind.

In a day or two we were sent to Minsk with a military transport going there.

Return

The euphoria of the first days of freedom was soon over. The return to Minsk was sad, and for the majority of us – even tragic. Most Jews did not have any homes to which they could return, or any families. It was like coming back to the cemetery.

The three of us – my mother, sister, and I – were a rare exception. The three of us had experienced the beginning of the war together; we had been together in the ghetto, had escaped from it and had come back to Minsk together. It was enormous luck. However, we were homeless again. We could not return to our old flat, as the house had been destroyed by a bomb on the 24th of June 1941. We did not have any clothes or shoes, we were hungry, and to crown it all, we were homeless... Before long we got letters from my eldest brother from Samarqand and from the second one, who was in the Army at war. We were overjoyed – the whole of our family were alive!

As for lodgings, the parents of my sister's classmate offered us a room in their flat. The room was small and used to serve as a through-passage, but it was the only shelter we had. I believe that one of the reasons for the kindness of our landlords was to placate the authorities. One of their sons was in the Red Army, but the other one had been a local policeman during the war. He was even said to have been a driver of a mobile, gas chamber. In such a situation, the help given to a partisan family could be regarded as extenuating circumstances.

The room was about 6 square meters large, with four doors leading to it. Two of them were boarded up, the third one, leading from the street to the kitchen, we curtained off with a blanket. Then the blanket was replaced with a plywood partition. We lived in that room for about ten years.

During the first weeks, we hardly had a single peaceful night. Minsk was often bombarded. The retreating Germans tried to destroy the little that had not been destroyed at the beginning of the war. I remember seeing, under West Bridge, a man with his legs torn off by a bomb.

During one night a bomb got into a train, full of ammunition, and the burning train fired and shelled the neighboring part of the city for the rest of the night. It was a night of ceaseless cannonade. The shells whined above the roofs of the houses and exploded somewhere in the neighborhood until morning.

I remember the only night that I spent in the bomb-shelter under Saint Paul and Peter's church on Nemiga³⁶. Women were screaming, children crying, and men swearing. It was terribly stuffy, and there was no toilet, so people used the shelter also as a toilet.

After that night our landlord, Lyavontiy, and I dug out a small shelter in the yard of our house and hid there during air-raid alarms. Again, like on the 24th of June 1941, I was lying with my cheek pressed to the damp ground, which was shaking violently, and it felt as if every bomb was aimed right at the back of my head. And the carbide lamps that were thrown from the planes with parachutes lit with their blinding white light, not the neighborhood, nor even Lyavontiy, lying next to me, but me personally.

Once, during a bombardment, I looked out of our earth hole and saw a parachute, going down in the yard of the house across the street. I was sure that it was a pilot of a German aircraft that had been shot down.

³⁶ [A street in Minsk]

I ran to the soldiers and reported it. In short bounds, hiding from the bombs that were still falling, we came back to the place where I had seen it, jumped over the fence and saw a burning parachute of a German carbide lamp.

Go A-Begging

On my way from the ghetto to the partisans, I had already had to ask for food or, to call a spade a spade, to go a-begging. During our first weeks in Minsk, after returning back home from the partisans, we did not have any food or money, and I had to take up begging again. As far as I remember, I went a-begging in the houses that were situated not far from the former ghetto.

I still had my sub-machine gun. We had to give up the weapons only after the partisan parade on the 26th of July 1944. Until that day I could not leave my gun anywhere and used to carry it on me all the time. You can imagine what it looked like when a 17-year-old boy, armed with a sub-machine gun, came into the house and asked for something to eat. People did not usually refuse. They invited me to share their meals with them and sometimes even gave me something for later on.

It did not last long, though. We were soon put down for allowance and started getting ration cards. Besides, an additional opportunity to earn some money appeared, and I had to take up shoemaking again.

That is what our life was like in the first weeks and months after Minsk was liberated. But the war was still going on in the West.

Laughing Through Tears (A Short Digression from the Topic)

Did the prisoners of the ghetto ever smile? Someone may find this idea appalling, but all that is written below was seen and heard by the author himself, in real life.

Poems written in the ghetto, songs composed there under absolutely inhuman conditions, they will forever remain memorials of the tragedy and courage of Jewish people.

But did the prisoners of the ghetto ever smile?

I say – yes! Not often, but they did. They smiled at a child, at a beloved one; they smiled when they managed to get a bit of food or to escape from a raid. I remember the joy that I felt when I found a German cigarette packet on the road. There were two, whole cigarettes in it. One can, by no means, compare those feelings with ones that people experience in our safe and peaceful life.

One can survive not more than 5 days without water and a month – without food, but it is just as impossible to live long without a single smile. I insist on it, judging from my own experience as a prisoner of the ghetto, SS concentration camp and a fighter of a partisan unit. Here are a few examples from my own life.

Haggling

The story took place in 1943 at the shoe workshop of the factory that was repairing uniforms for the East Front Air Force, where I used to work for about two years.

I had been thinking of escaping from the ghetto, in order to join the partisans, for a long time already and, by the spring of 1943, I had made the final decision – now or never. I could not do it as I had planned, because we all were sent to the SS camp, but, in the end, it only speeded up the fulfilment of my plan.

So I had to go to the partisans. I needed special clothes and, especially, boots for it, however, one could not buy them. It meant that I had to make them myself. Moreover, working in a shoe workshop, I could get the necessary material.

I managed to steal and hide almost everything that I needed – front and back parts, soles and inner soles, etc. – but I did not have the tops of the boots, because we did not make them in the workshop.

The rumor that I was looking for tops spread in the workshop very quickly. (I could only hope that the reason for my making them remained secret.) During the break a shoemaker from the Polish Jews came up to me and, winking at me in a conspiratorial way, gave me a hint that he knew of my problem and could help.

While winking he looked as if his face had become distorted, and he spoke in a strange mixture of Polish, Russian, German and Yiddish.

He then took a pair of good, box calf tops from the drawer of his working table. Everybody who saw it gathered around us, in order to enjoy the scene of haggling. I did not need any witnesses but could do nothing to prevent it.

The seller names his price – 25 German Marks.

As I have mentioned already, theft was flourishing in the workshop; I was no exception, and I did have some money. At that time I had 14 Marks on me – my whole cash reserve. I could not expect him to give me any credit either because, at that time, both debtor and creditor could, at any moment, get to such a place where debts were of no importance any more. So my 14 Marks were all that I had at my disposal.

The haggling started. The seller's friends, Polish Jews, were bidding up noisily; my people and our Russian colleagues, who were on my side, were beating it down in the same heated manner. Everybody was enjoying the entertainment. Each price offer was accompanied with a hit on the shoemaker's bench. The haggling was in full swing.

I offered 12 Marks, which he took almost for an insult, but he lowered the price to 20 Marks; I bid one Mark more; he went down to 18 and held his ground. I decided to break the bank and offer everything I had – 14 Marks. And, in order to do it in the most intelligible and pleasant form for him, I decided to say it in his native language – Yiddish. Here I hit my palm on the bench as hard and loudly as I could, concentrated and played my trumps:

– Willst du farzen?!

Everyone who heard it, even the Russians, who, having worked side by side with Jews for a long time, understood Yiddish a bit, burst out laughing so thunderously that Overseer Müller came running to find out what the matter was.

It turned out that the number 14, translated into Yiddish as *vierzehn*, is pronounced [fi:rtsein], and that *farzen* means “to give a fart”. Thus, I had asked the seller if he would like to fart.

He was so touched by my knowledge of Yiddish that, having stopped laughing, he wiped the tears that had come to his eyes from laughter and sold the tops to me for the price I had offered in such an unusual way. The haggling became a remarkable event in the workshop and, for a long time after it took place, I was vexed by my colleagues, who would ask me if I wanted *farzen*. What can one expect from shoemakers?

The only thing that is left for me to add to this story is that I finally made excellent boots for myself, cherished them as the apple of my eye, put them on, fleeing from the ghetto, and wore them the whole way to the partisans. And the first partisans whom I met near Staroe Selo made me take them off and took them away from me.

That's how it was.

Occurrence on Shoemakers' Street

Shoemakers are no scientists, nor are they psychologists; they are nice, but very simple people. And the jokes that they tell are also very simple and cannot usually be told in good society. However, I managed to recollect one shoemakers' joke, which I can tell you here.

Here it is.

There was a small Jewish town and there was a street there. The street was not the only one; there were other streets in the town too, but this one differed from the rest of the town because it was a street inhabited only by shoemakers. That is why it was called in this way – Shoemakers' Street.

At that time there was no radio, nor TV, so the shoemakers used their own gates to advertise themselves.

Once, a new inhabitant came to the street. He was a shoemaker too. He built a house for himself at the very end of the street and started thinking over what to write on his gate, in order to attract as many customers as possible.

He went along the street reading the neighbors' advertisements: "The Best Shoemaker of Moscow", "The Best Shoemaker of New York", "The Best Shoemaker of London", "The Best Shoemaker of Paris", etc. All of the capitals were already occupied, but no advertisement – no customers. Then the new shoemaker took a big brush and wrote on his gate the following – "The Best Shoemaker on This Street". That's the whole story.

I heard it in the ghetto from my first teacher in the shoemaking craft, an excellent master and a very gentle man, Mordukh Kaplan. He was born in the town of Uzda and perished in the SS concentration camp on Shirokaya Street in August 1943.

Long live his memory.

Forest Maniac

The setting of this story is the camp of partisan unit 106 in the spring of 1944.

Almost everyone of the unit had had scab. Sometimes it even took a very bad form. Almost everybody was swearing and scratching. People had to be cured and, in order to stop the spread of the disease, those who were sick were sent to a special, quarantine dugout. The only medicine available was a self-made balm, prepared from fresh, non-salty fat, tar, and crushed tolite³⁷ (Trinitrotoluene), instead of sulphur.

I managed to keep out of harm's way for a long time. I even washed regularly, which was not easy in those conditions. But when everybody had already been cured, I finally got sick. It meant that I had to smear myself with the balm. And it meant, literally, all of me – my whole body.

I collected the rest of the medicine still available and started looking for a place where I could carry out the procedure. One could not possibly do it in public. Here I recollected the quarantine dugout, which was already empty – a secluded place on the edge of the forest. Exactly what I needed!

The dugout was a long room with beds on both long sides. On one short side there was a door, on the other – a window and a stove in the middle. The beds and the floor were covered with straw. In the light coming from the window, I noticed some insects swarming in the air. I decided that they were gnats, as the dugout was near the swamp. I did not pay much attention to them and started undressing. No sooner had I put my clothes at the stove and taken out the balm than, suddenly, hundreds or even thousands (as it seemed to me) of tiny needles dug into my body.

Those insects turned out to be, not gnats, but fleas, which had been hungry since the dugout had been empty. And now they suddenly got a juicy treat in my person.

What happened next went extremely quickly, which was quite natural under the circumstances. I forgot about my clothes and rushed out of the dugout, as naked as a jaybird. When I darted out of the dugout, I almost bumped into two girls, who were newcomers in the unit. They were scared to death and charged in the direction of the camp at the same speed as I was moving. Here I regained my presence of mind, got back to my clothes, snatched them and got out of the dugout as quickly as possible; then I went into the forest, smeared myself with the balm there and got dressed.

In the evening my friends, who shared the dugout with me, told me that a maniac-exhibitionist had appeared, (they certainly did not know such complicated words and expressed the news in a much simpler way) who had run naked about the forest and had rushed at our girls that day but could not catch up with them.

My friends had heard that the man was extremely dangerous, and that it was ordered to shoot to kill, if one were to see him.

After I listened to their news, I told them the real story and we did not sleep for half of the night, laughing and discussing the event in detail.

That is how legends are created.

Afterword

³⁷ [An explosive]

So my story has come to its end. It has taken a lot of time and force. And I am already rather short of both of them.

One can ask why I started telling this story, moreover that I dislike remembering the war, looking at old photos and, in general, rummaging in the past.

There are two answers to this question:

First, I was asked to do it by a person, whom I could not refuse – my friend, Victor Lyaskovsky, editor-in-chief of the newspaper Aviv, who was the first publisher of these memoirs.

Second, there are too many publications on the topic of the Holocaust, written by people who should not have done it.

And, finally, I wanted the reader, who may know the statistics of the Holocaust, to be able to also feel the atmosphere of that time, while people who are able to tell about it honestly still live. Whether or not I have succeeded to do it is for the reader to decide.

VISIT TO KGB

Farce from the Times of Developed Anti-Semitism³⁸

*I dedicate this story to my teachers and colleagues, highly qualified electrical engineers who became the innocent victims of state anti-Semitism at the end of the 60s*³⁹.
(All events described in this story are real.)

³⁸ [The phrase, “developed anti-Semitism”, is an ironical parallel to the phrase, “developed socialism”, which was very widely used in the USSR. The USSR was often proclaimed to be the country of “developed socialism”.]

³⁹ [1960s]

Part I. KGB

It was in the autumn of 1968...

– Misha, – said Oleg, trying to avoid my eyes, – you are invited to come to the KGB.

We used to study together and had mutual friends. Since then, in private, we called each other Oleg and Misha, but at meetings, technical councils, and, generally, in public he was Oleg Vassilievitch, director of the Electrical Nets Project Institute, and I was Mikhail Abramovitch⁴⁰, chief electrical engineer of the Institute.

The conversation took place in his office.

– What on Earth could they want from me? – asked I, well aware of the falseness of my intonation.

– It may concern Leopold's case. Many of our colleagues have already been interrogated.

– Oh, yes, I heard. When do I have to be there?

– Today at 14:00. The investigator, Gorshkov, will be meeting you.

I had only 40 minutes left.

– Then I'd better be off...

– Yes, – here he looked directly at me for the first time. However, it was not Oleg's familiar glance. It was the hard look of the director, and a man with experience in Communist Party schooling; those were the eyes of a man of the System.

I went upstairs, put a book (we will return to it later) into my pocket, and went out.

Have you ever noticed that the engines of old buses usually sound as if they were having a heart attack? My bus, №18, sounded exactly like that. But its breathless groans helped me to concentrate on my thoughts and I had a lot to think over. So they were finally after me too, and I had hoped that, this time, I would be able to escape the trouble.

Leopold Solomonovitch Greenblat was the oldest and most experienced specialist with an unbelievably long record of service. In 1937⁴¹ he had had trouble with the KGB, but, fortunately, he was neither arrested nor sent to the GULAG. He was a kind, old man with a nice, equine face. Everybody liked him and he had no enemies; however, one day he disappeared. The rumors that spread were quite absurd, until Oleg Vassilievich informed his dumbfounded colleagues that Leopold Solomonovitch had been arrested and charged with "crimes that were within the jurisdiction of the national security bodies"⁴². And in view of that shocking incident, our team, which was characterized in his speech as mostly loyal and reliable, had to redouble its vigilance and also to increase its working efficiency and its production quality. "The mostly loyal and reliable team" gasped with horror and promised to redouble whatever was required.

I was one of the few who knew what was meant by "crimes that were within the jurisdiction of the national security bodies".

After being retired, Leopold had stayed at the Institute as a consultant and had gone on coming to work once a week, which had suited the director, his colleagues (as he was a great authority in the field) and himself (as he could sometimes have a rest from his wife). Thus, he suddenly had a lot of free time. His energetic nature was longing for an employment, and his enthusiasm, aroused by the victory in the Six-Day War⁴³, directed him onto an unexpected course. He suddenly recollected that he was, not only an electrical engineer, but also a Jew, and he set about collecting everything connected with Israel with all his ardour. He collected books, maps, photos, letters, etc. He copied some of his materials and, like any true collector, was willing to share his passion with as many Jews as he could – friends, acquaintances, and colleagues. Some of them took what he gave them out of interest; others just did not want to offend the old man with their refusal. The

⁴⁰ [First name + patronymic is the polite and respectful way of addressing an adult, especially in official situations. The patronymic is actually the genitive form of the father's first name, e.g., "Abramovitch" shows that the father's first name was "Abram" (Abraham).]

⁴¹ [1937 was the year of the most terrible Stalin repressions. They started in that year and lasted till 1939.]

⁴² [That is, the KGB. It is translated into English as "Committee of National Security".]

⁴³ The war between Israel, Egypt and Jordan that took place on 5-10 June 1967 and was won by Israel; one of its results was the annexation of East Jerusalem by Israel.

books and articles were handed over from one to another. Naturally, some of them passed through my hands too.

Here we should take into account two circumstances. The first is that, after the Six-Day War, the “Yiddish mug” became “the aggressor’s face”⁴⁴. And right at that time, it [the aggressor’s face] did not give a moment’s peace to “all progressive humanity”. And the second is that, in the Soviet Union, each “loyal and reliable team” always had a sufficient number of KGB informers in it⁴⁵. Keeping all of this in mind, one cannot be surprised by the fact that the good soul, Leopold, soon found himself in a well-known and very secure place – the KGB round, inner prison.

I was thinking all this over on the bus, which seemed to be dying of a heart attack. When I arrived at the KGB building and was going up the front stairs towards the door, I was already thinking of something different. I remembered a joke about that door. “The outer handle is completely worn out and the inner one is brand new.” It was not true. The “visitors of the house” were brought, not to the front door, but directly to poor Leopold’s present abode – the prison on Uritsky Street. So both polished handles looked just the same and shone bright. It meant that the number of those who entered that door approximately equalled the number of those who exited, which reassured me a bit.

The lobby was empty. Directly opposite the door, there was a huge, bronze bust of Felix Dzerzhinsky⁴⁶. It was very quiet when bronze Felix suddenly said in a rich baritone: “Mikhail Abramovitch, come upstairs, please”.

I gave a start and stared at the Knight of the Revolution⁹. But no, he said nothing and remained silent and indifferent. I looked up and, right above Dzerzhinsky’s head, saw an elegant, thin man in his early fifties. He was leaning on the banisters of the second⁴⁷ floor and was smiling at me. He gestured for me to go up the stairs that were on my right. That is how I met the KGB investigator, Lieutenant Colonel Gorshkov.

In the course of my meetings with people from the KGB, I noticed that when they summon someone, they, first of all, try to watch him or her secretly. Evidently, it helps to estimate the person’s state of mind (fear, anxiety) and makes it easier to influence people. As for my state of mind, at that moment, as far as I can judge it now, I knew for sure that I would neither be shot dead, nor probably be sent to prison – the time of the Stalin repressions was already over. But I also knew that those guys did not start a case in order to terminate the proceedings for lack of evidence and to apologize to everybody for causing trouble. The accusation was certainly absurd, but I knew whose order it had been to start the proceedings. So it was clear that they would go until the very end, and I would probably lose my job (so it happened). I was vexed by all of this. And vexation does not coexist in me with fear. That, in a way, accounts for my further behavior.

But, at that moment, we were still walking along a long, empty corridor. The walk took us a long time.

– Is this your first time in our office?

– No, I already was here in 1947.

He looked at me in an inquiring way.

⁴⁴ [The first expression, “the Yiddish mug”, is the most widely-used of all anti-Semitic slurs in Russian. The second, “the aggressor’s face”, was a very popular expression, used in Soviet newspapers and on the radio. After the Six-Day War, Israel was constantly called “aggressor”.]

⁴⁵ [In the Soviet Union a lot of books were forbidden. Even the quite innocent (from a political point of view) novel by Pasternak, *Doctor Zhivago*, was forbidden. This meant that it was not permissible to publish such books in the USSR, or to read them. It was considered a crime to bring them from abroad. But the worst thing was to copy them – this was regarded as spreading forbidden information, which was a really serious, political crime. Throughout the existence of the USSR, copying forbidden books was punished severely. If an American reader wants to imagine how serious the situation was, he/she can think of what it would have been like at the time of McCarthy, if a senator had been caught reading works by Marx or Lenin, or some other communist literature, or had turned out to be a member of the Communist Party.]

⁴⁶ [Felix Dzerzhinsky was the founder and first director of the first Soviet national security body that later transformed itself into the KGB. He was called by Lenin, “Knight of the Revolution”, which meant that he was fearless and loyal to the ideals of the Revolution and the Communist Party. It is common knowledge among people who grew up in the USSR and all watched many films about the Revolution (1917), the Civil War (1917-1923), Lenin, etc. In the course of time, these words acquired ironical meaning.]

⁴⁷ [The second floor is one story above the ground floor.]

– I was invited to work here, – and seeing his surprise, I explained, – I was good at sports, joined the Komsomol⁴⁸ in the partisan unit, and my brother, after coming back from the war, worked in your office, so they must have thought me eligible.

– And what came out of it?

– Brother talked me out of it.

– Why?

– Probably, he could foresee what was to come.

– What do you mean?

– The years from 1948 to 1953⁴⁹.

– I see...

Here we came at last. A small office. A table and a sofa. He sat at the table, I, on the sofa. On the table to his right, there were piles of books. As it turned out later, those were confiscated, “discrediting evidence”. Lots of books. Leopold had done a lot of work...

The interrogation lasted for three hours and started with quite an unexpected question:

– Mikhail Abramovitch, I have had a lot to do with Jews lately and, according to the protocol, I have to ask you a question. Do you need the service of an interpreter?

– Excuse me? I’m afraid I don’t quite understand you.

– In which language are you going to testify?

– Oh, that’s what you mean. Well, it depends. If you ask your questions in Hebrew or Yiddish, then I’ll need an interpreter, because I am not good at my native tongue, but if you speak Russian to me, I think we’ll be able to dispense with him.

I could see that my answer and my behavior, in general, were rather unexpected for him. He must have been used to another reaction. During the trial I was surprised to see other people behave in a different way. They were mostly elderly ones, Leopold’s friends, who were already retired and had nothing to lose. It must have been a repercussion of 1937.

In order to make a long story short, I’ll compress the questions and answers of the first hour into one paragraph.

Questions: “Are you a Communist?”, “Do you surmise the reason of your being invited here?”, “Do you know Leopold Solomonovitch?”, “What kind of person is he?”, “What was he busy with?”, “Have you ever noticed anything?”, “Do you know the reason for his arrest?”, “What did he give to people? To whom?”, “And to you?”, “Are you sure?”, “Try to remember.”, “Try again. It is very important. And it does not threaten you in any way. Even if you have read something, it doesn’t matter.”..., etc., etc.

Answers: “No, I am not”, “No I don’t know, why I am here”, “Leopold is a very decent person and an outstanding specialist”, “Yes, I was told why he had been arrested, but I don’t know any details”, “I can very well understand that it is important, if you arrested such a man”, “He did not give me anything”, “My memory is good enough”, “No, I didn’t notice anything”, etc., etc.

In the second hour, the tone of the questions (and answers) changed.

“Do you have children?”, “Don’t forget where you work. You’ve got security clearance, haven’t you? And you are working on a thesis, aren’t you?”, “Don’t forget that we are capable of lots of things”... etc.

⁴⁸ [The Youth Communist Organization: When I (V.T.) was at school (1971 – 1981) membership in it was already obligatory for everybody and the refusal to join it could have serious consequences. For example, it was almost impossible to go to University after school without being a member of Komsomol. But at the time of war it was an honour to be admitted to it, as it was to join the Communist party. To be a Communist during the war was an honour and an additional responsibility, because Communists were supposed to set an example of courage and to go first when it was especially hard and dangerous. Besides, if troops were captured by Germans, they would shoot Communists and Jews at once; the others had a chance to be sent to a camp and to stay alive there. Those who decided to become Communists during the war were considered to be real heroes, because this decision meant a double risk for them, and they took their membership in the Party extremely seriously. I am explaining this in order to make the last chapter of this story, “Lev Rogov”, clear.]

⁴⁹ The outbreak of Soviet State anti-Semitism: A lot of Jews were arrested, killed and sent to the GULAG in those years. These years were the time of the “Doctors’ plot” and persecution of so-called “Cosmopolitans”. “Cosmopolitans” was a derogatory word for Jews who wanted to go to Israel. They were accused in the media of being ungrateful to the Soviet State. “Cosmopolitan” was understood as a “person devoid of love for the Motherland”.

“Yes, I have a daughter. She is four years old.”, “I know very well where I work and what my position is.”, “And I know what you are capable of.”, “But don’t try to scare me. I ate my portion of fear 25 years ago in the SS concentration camp.”

“No, I did not mean to scare you. We know of the concentration camp.” “But it is in your own interest.” “By the way, do you remember what N (I omit the name here) gave you?”

So he had finally spilled the beans, dolt! And he had not said a word to warn me, though we had seen each other a hundred times in the library where he worked. A bit later, it turned out that another one, whose name I omit here too, had also let it out. So I needn’t have played a firm partisan. Here I suddenly “recollected” two books that those two had given me.

Another hour was spent arguing about a map of “Greater Israel”, which I had never seen in my life, neither before nor after that day. It even came to his threatening me with an immediate search of my flat in order to find that map. He really had a bee in his bonnet about geography!

The most interesting thing happened at the end, while he was writing the protocol. I felt bored, sitting on the sofa and looking at the piles of the “discrediting” books, until I remembered the book in my pocket. I took it out and started reading. Several minutes passed quietly – he was squeaking with his pen and I, reading. Suddenly he asked, almost shouted: “What are you reading there?” He must have thought that I had taken some “baddie” from his table.

– *Seven Among Penguins*.

– WHAT?

– *Seven Among Penguins*. A book by a Frenchman about an expedition to the Antarctic. A very interesting book. You can have a look.

– So, so...

His face expressed surprise and annoyance. While he was working hard, the unmasked accomplice of Zionism⁵⁰ was reading about penguins! In 1937 we would have shown you penguins and Frenchmen as well...

However, the protocol was correct and unexpectedly objective. After I had signed it and he had warned me against divulging our conversation, he accompanied me as far as the bronze Felix. We shook hands and, looking straight at me, he confessed:

– I don’t like you.

– And I like you.

I was not lying – he was a regular man, clever, quite decent, and polite. As for his job... Well, he was on duty. Service is service. He died a couple of years later, and did not live long enough to eradicate Zionism in the Soviet Union. God be his judge.

Part II. Trial

The trial proceeding took place at the beginning of 1969. The courtroom was overcrowded. After all, the crime was a “state” one – a group of Jews had “read and approved of” books published in Israel and not previously checked by our national security “vice squad”. One also has to take into account that tensions were extremely high because of the recent events of the Six-Day War and those in Czechoslovakia.

This wording, “read and approved of”, was a real puzzle. As for “reading” – it was clear because they had confessed it. But why was it stated that they had “approved of” what they had read? It is still a mystery to me. But it was, namely, for this wording that those “readers” who were Communists were expelled from the Communist Party right after the trial, and those who were lecturers or professors at colleges or University, or specialists at key positions in research and design institutes, were dismissed or downgraded.

The key person in the trial was Leopold Solomonovich Greenblat. The rest of us, “readers”, were summoned as witnesses for the prosecution. We were let into the courtroom one after another and, after being interrogated, we were allowed to stay there and to watch what was going on.

⁵⁰ [“Zionism” was an extremely bad word in the USSR. Starting from 1948, being a Zionist was actually regarded as a serious crime.]

My turn came. First, the secretary read aloud the protocol of my interrogation by the KGB investigator; then I answered the questions of the court and the sides. To be exact – only one side – the prosecution, as I did not notice any defense attorneys in the courtroom. If there had been any there, they must have been so shocked by the “insolence of the crime” that they totally lost their power of speech.

I said that Leopold was respected by all of his colleagues and was an outstanding specialist... that even if he had gotten interested in the wrong sort of books, it had originated only from an excess of time and energy after retirement, and that surely he would never make any such mistake again, or something of the kind.

As far as I remember, none of the witnesses interrogated after me said a single bad word about Leopold. I remember one man of a venerable age. During the search of his flat, the KGB found there not only the prohibited books, but also his own “anti-Soviet” poems, which were read aloud in the courtroom. However, the “poet” declared that he had also written many patriotic poems and insisted on being allowed to read them, too. The judge refused him, which, in my opinion, was the right decision, because the “anti-Soviet” poems were horrible and the patriotic ones could not have been any better. Graphomania is an incurable disease. It was sad and a bit funny, though we were in no mood for laughter at all.

The front rows of chairs were occupied by KGB officers and the heads of personnel departments of the organizations and institutes infected with heterodoxy. I could feel how vast was the gulf that lay between us.

When Leopold was given the last plea, he said that he had realized the harm that he had done to the Motherland, had repented his deeds, and was asking them to set him free so that he could go on working for the good of his family, the Institute, and the Native Land.

Finally, the sentence was read. Leopold was given exactly as long a sentence as he had already spent in prison, so he could go home right from the courtroom. In such cases, for the benefit of the accused, the sentence did not usually exceed the interlocutory one. The system worked like clockwork. All of the witnesses were also passed a special court determination⁵¹ with an exact indication of his place of work, his occupied position, and his degree of involvement in the case. Three of the accomplices worked in our institute – two heads of sections and I, the chief engineer.

Part III. Persona Non Grata

When I arrived at work the next day, I could feel at once that the atmosphere around me became so tense that I could almost feel its density. My colleagues still consulted me and asked for my advice but, somehow, it was clear that I would not be staying here long.

The last scene of the drama started with an invitation to the First or so-called Special Department⁵². Its head was a young and very nice woman, the wife of a KGB colonel. Now, after a long time has passed, I can confess that she used to lavish smiles upon me, though we had never crossed the boundary between flirtation and an affaire. Pity, actually. But on that day, she invited me to her office – the sanctuary of state secrecy – in order to inform me that she was terribly sorry, but (she blushed and stammered) that I had been denied access to confidential documents. That put an end to one of my projects – designing mains⁵³ electricity lines – as they were based on topographical maps, made and used by General Headquarters⁵⁴. Nor could I continue working on my thesis, because it included confidential, statistical data.

That was the KGB's usual way of doing away with those who fell out of favor with it. When the KGB did not have any legal grounds for putting someone in prison, it could still deny him access to confidential information. And taking into account that in the USSR almost everything was confidential, as a matter of fact, it

⁵¹ [All the people involved in the case, though they were not directly accused or sentenced, were still mentioned in the sentence.]

⁵² [KGB department – In all institutes there was such a department, connected with the KGB and headed by a KGB officer. Its task was to keep the necessary secrecy level. It was, namely, they who decided who was allowed access to confidential information.]

⁵³ [Mains: feeders of electric power into businesses or homes; in the U.S. also referred to as household power or grid power]

⁵⁴ [Everything connected with the Army, especially the Main Headquarters, was top secret in the USSR.]

meant a ban on one's profession. And, thereby, the aggrieved person could neither appeal against the decision, nor even learn the reason for it.

And it was then, of all times, that I was in the prime of my career. Two years before that time, in 1967, I had spent three months in the Far East on a mission of the National Ministry of Energy and Electrification – my mission was to prepare a technical-economic report on accelerating the electrification of Sakhalin⁵⁵ and Kamtchatka⁵⁶. It was an unparalleled honor for a specialist from a provincial institute, situated on the other end of the Soviet Union⁵⁷. The topic of the report also agreed with the topic of my thesis. It was a very promising beginning. And suddenly that misfortune...

On the next morning, after the news from the First Department, I had a talk with the director, for which I was already morally prepared:

- Take a seat, Misha. I am very sorry, but I have to raise a question about your being downgraded.
- To which grade?
- I am not sure... probably senior engineer⁵⁸.
- I understand that you do not make decisions alone, but you do know that Moscow⁵⁹ is interested in my thesis. I need about a year-and-a-half to finish it... I am ready to work this time in the position of group leader⁶⁰.

- Good. We'll think about it.
- When will you make the decision?
- Tomorrow, at the party bureau meeting. They are hastening us.

In the afternoon I learned that they had already thought about it and had decided to downgrade me to senior engineer, that is, directly two grades lower. I also learned that the one who had insisted on it was one of the chief engineers of the Institute, my fellow student in the Energetic Faculty (I omit his name). His argument was very reasonable: if they downgraded me to group leader, those who had initiated the case would probably find the measure insufficient and might demand that I be downgraded further. But, being a group leader, I would be able to go to the court which surely would be on my side, because their arguments were really ridiculous. And "chief engineer" is an administrative position, and a downgrade requires a joint decision by the three top people of the Institute: the director, the Party Organization leader, and the head of the Institute's labor union committee. Here I was absolutely powerless. It was very reasonable of my old fellow student. He had thought of everything. His years at a technical department of the KGB, where he had worked right after graduating from the Polytechnic Institute, had definitely not been lost. And he had been a normal guy, actually: during the war he had been the commander of a machine-gun platoon. Evidently, civilian life requires another kind of courage. I have often been convinced of this and still receive added evidence of it almost every day.

The other two "Zionist accomplices" had the same talks on that day and, at the end of the working day, all three of us handed in our notice of voluntary termination of our employment contract. We simply did not want to take part in tomorrow's farce.

Thus, two Institute departments lost their heads and a third one, its chief engineer, on the same day.

Part IV. Life Goes On

The next day all three of us went to look for a job and, as we were rather well known in the electro-technical circles, rumors of the Jewish electrical engineers being fired started spreading throughout the city.

⁵⁵ [The island at the Far East of Russia]

⁵⁶ [The peninsula at the Far East of Russia]

⁵⁷ [Byelorussia is the most western republic, situated exactly on the other side of the USSR.]

⁵⁸ [Two grades lower]

⁵⁹ [That is, the National Ministry of Energy and Electrification]

⁶⁰ [One grade lower]

Local wits did not remain aloof either. A joke appeared immediately: “There’s no smoke without fire. They must have sold something to Israel, probably the Ohm law or the corkscrew rule⁶¹. Jews are capable of anything!”

I started looking for a job at the institutions where people knew me very well, as they had worked on my projects and had turned to me for consultations. At one of them I was told that they had no vacancies, at the other, that the access to confidential information, which I was denied, was a necessary condition, and at the third the chief engineer (I omit his name here) had been my fellow student in the technical college. We also used to go boxing together. He said that he was willing and ready to take me immediately, but that the director was afraid of getting into trouble. However, it was common knowledge that, in that institute, it was namely the chief engineer, not the director, who had the final word. He did not used to give in when in the boxing ring, but in this situation he evidently preferred to stay on the safe side.

Before long I was able to find a job as senior engineer in a planning institute, where I worked for the next 24 years. Running ahead, I can say that I was promoted to the position of group leader half-a-year later, and a year after that, to chief project engineer. There I found reliable colleagues and good friends, and among them, one of the best friends of my life, strange as it may seem – the head of the First Department, the leader of the Communist Party Organization of the Institute, a former Secret Service colonel, the unforgettable Georgy Leonidovich Zotkov. About five years after the events described here, I learned, by chance (and not from him), that when the question of my promotion to the position of chief project engineer had been discussed, and some members of the party bureau had objected to it on the grounds of my being denied access to confidential documents, Zotkov went to the KGB personally and insisted that they withdraw all of the bans and he succeeded.

This wonderful man died in 1988 in a car accident.

However, let us return to 1969.

Shortly after I had found the new job, I got a postcard, “Please, come to see me about a matter in your interest”. The name of the sender: Professor Vitaly Plugachev, head of a department at the Central Research Institute of Agriculture, Mechanization and Electrification. He was the author and ardent adherent of a project that could help save many thousands of tons of aluminium, used to produce wire for mains electricity lines. It was clear to me, though, (and not only to me) that the disadvantages of his system whittled away all of its advantages and I had openly objected to his brainchild at all conferences. Thereby, I was sure that Professor Plugachev hated me as his sworn enemy. To my surprise, he spent a good hour persuading me to accept the post of chief engineer in his laboratory. He also promised that I would be able to defend my thesis and to become a PhD within a year. “You have worked all your life on the state; work a couple of years on yourself”, said he. I understood that, were I to work in his laboratory, I would have to uphold the system that I had disputed for all the previous years; that is why I thanked him and refused. But I felt a profound respect for the man who offered me, his firm opponent, and on top of it, with my trouble with the KGB, a helping hand. But the most interesting thing happened a bit later. About two weeks after I had to quit my job, I was invited by Nikolay Vyacheslavovich Karpovich, an active member of the Communist organization and the deputy chief engineer of my former institute. He was a competent engineer and an intelligent, very decent man. The institute management used to play on those qualities and sometimes made use of him in situations in which he should not have been involved. I think that he, himself, understood that and found it irksome.

We used to go fishing together and, once, long before this story happened, he tried to explain to me the principles of “Party Ethics” while we were sitting at a fire one evening. I told him on that occasion:

– Kolya, please, don’t. I can’t always afford to say what I think, but, unlike you⁶², I can afford the luxury not to say what I don’t think. Let’s have a drink instead.

So, having received his invitation, I went to see him.

– We have decided to ask you to come back to the position of group leader – said he.

– Why?

⁶¹ [The basic physical laws taught at school]

⁶² [He meant that he was not a member of the Communist Party and thus was free from its hypocrisy.]

– Anya Halfen was here not long ago. (She was the postgraduate student of two Moscow professors, Levin and Ebin. They were very much interested in my thesis, because it provided data for their large-scale research.) ... Well, we have thought it all over again... and have made a decision.

– I saw Anya too and explained everything to her. But you are not telling me everything. I can feel that there is something more in it.

– You are right, but this is between us. The City Party Committee gave us a scolding: “We told you to give them a scare, and you have thrown them away! The whole city is agitated. That is that last thing we needed!”

– So you have overdone it?

– Exactly.

– City Party Committee? I thought it was the KGB.

– The KGB is only an instrument, an armed unit of the CPSU⁶³.

– I see. Well, here’s what I can tell you. First, I have already talked with Anya and have told her that I am not able to work on this topic any more and have explained the reason. Second, I have already found a job and it satisfies me. And third, I did offer a compromise to you, didn’t I? And now I’d rather work as a taxi driver than come back here, after what happened. I don’t mind you in the least, so I’ll see you at the next fishing outing.

That was the end of the story that began with my visit to KGB.

The only thing that is left for me to add is that my former colleagues used to come to my new office on my birthdays for the next 10 years. They used to bring me flowers and cognac, which surprised my new colleagues a lot. It seemed to be a kind of delayed protest against the authorities’ tyranny.

The lives of the other “state criminals” took different turns. Some of them gradually achieved their previous positions. The others could never fulfill themselves nor use their unique experience and qualifications. The shock and wanton mortification undermined the health of some, and they died before their time. The names of some victims of that case are listed in the Afterword. But the ones that came out the worst were Soviet science and economics.

Part V. Lev Rogov

I would like to tell the story of one of the steamrollered in this case – Lev Rogov. He was a veteran of World War II and a Communist. He joined the Communist Party at the front, between two terrible attacks. Lev was the greatest authority in relay protection and automation of power supply systems and was an honest, direct and courageous man. May he rest in peace.

After the trial he was expelled from the Communist Party and was dismissed from his office in a research institute. To crown it all, his thesis, which was ready for defense, was turned down. All this was punishment for reading the book *Exodus* by Leon Uris⁶⁴ (by the way, my fault lay in reading the same book and *Before and After Sinai Campaign*⁶⁵ by Ben-Gurion⁶⁶.) After he was expelled from the Party, Lev Rogov suddenly found out that the book by Uris, in English, could be freely borrowed from the Moscow Central Library. He appealed against his expulsion at the Party Control Commission of the Regional Communist Party Committee. His appeal was rejected. He appealed to the City Party Committee. Another refusal followed.

⁶³ [Communist Party of the Soviet Union]

⁶⁴ *Exodus* – the novel by Leon Uris published in 1958- The novel made its author famous throughout the world. The total number of printed copies exceeded 7 million. The author described the novel as a book about “fighting people, people who do not apologize either for being born Jews or the right to live in human dignity.” The first translation of the novel *Exodus* into Russian was spread in the USSR in handwritten copies already at the end of 1960s. In 1969 the Soviet media called Uris a “low-graded” writer, who “blindly hated the USSR and Russians in particular”. In modern Russia, as of 1994, *Exodus* has been published repeatedly.

⁶⁵ Sinai Campaign – a military operation of Israeli Army against Egyptian Army in Sinai and Gaza Strip. It took place from October 29 to November 5, 1956. It is also known as 2nd Arab-Israel War.

⁶⁶ David Ben-Gurion (was born in 1886, Plonsk, Poland – died in 1973, Tel-Aviv, Israel) was an Israeli politician and the political leader of Zionism. Prime Minister and Minister of Defense of Israel in 1948 – 1953, 1955 – 1963.

Thus, he went as far as the Party Control Commission of the Byelorussian Central Committee of the Communist Party.

When he came to it on the appointed day, there were many penalized Party members there. All were waiting for their hearing – some had been expelled from the Party because of drinking, others had been punished for having a mistress, some even had been found guilty of having unclean hands⁶⁷, and among those people, Lev, a lonely, wretched Zionist, felt quite out of place.

His turn came. He came into the room. A very long table. At its farther end – Petr Mironovitch Masherov⁶⁸, the members of the council seated at the sides of the table, at the other end of it, some 15 meters away from Masherov – the “Zionist”.

The secretary read the list of the Zionist’s evil deeds, the main one of which – “reading and approving”.

Masherov makes an artistic gesture, expressing extreme astonishment:

– Communism and Zionism?! – meaning the absolute incompatibility of the two notions.

(The late Petr Mironovitch could not possibly have foreseen that many convinced Communists would repatriate to Israel some twenty years later, that namely Communists would become the most zealous Christians, Jews, and Moslems, and that Russian TV would broadcast programs in which former Secretaries of the Communist Party Committees would crowd around altars, candles in hand, and would restore churches that had been destroyed by their predecessors. The ways of the Lord are indeed mysterious!)

Lev Rogov looked directly into his eyes and answered boldly:

– I am a Zionist to the same extent that you are a Catholic⁶⁹!

The staff became dumb and pale.

Petr Mironovitch remained calm:

– Who is for? Against? Who abstains? No one? Unanimous. Your application for your restoration to the Party is rejected. But you have the right to join the Party again on common ground.⁷⁰

– I joined the Party at the front and I am not going to do it again.

– It is up to you. You may go.

That is how Lev Rogov, a war veteran, a pure internationalist, an upright Communist, forever parted with his dear Communist Party.

⁶⁷ [It means that one has stolen something or misused the public money.]

⁶⁸ [The Head of Central Committee of the Communist Party in the Byelorussian Republic and, thus, the leader of the whole Republic till 4th October 1980, when he died in a car accident.]

⁶⁹ [Masherov’s great-grandfather was a French soldier, Machéreau, who remained in a Byelorussian village in 1812 and was a Catholic.]

⁷⁰ [It meant that he could apply for membership in the Party again, but would not have any privileges, that his application would be considered with all of the others and that he could also be rejected as not eligible, which surely would have been the case.]

Instead of an Afterword

(On the Destinies of Some of the Victims)

GREENBLAT Leopold Solomonovitch – the eldest electrical engineer of the Byelorussian Republic – died.

MINKOVSKY Daniil Ignatyevitch – PhD in Technical Sciences, associate professor of Byelorussian Polytechnic University – was dismissed from his office, died.

SLEPYAN Yakov Yuryevitch – PhD in Technical Sciences, associate professor of Byelorussian Polytechnic University, veteran of World War II – was expelled from the Communist Party and was dismissed from his office, died.

ROGOV Lev Davidovitch – the greatest authority in relay protection and the automation of power supply systems, veteran of World War II – was expelled from the Communist Party and was dismissed from his office in a research institute, was not permitted to defend a ready thesis, died.

DEITCH Semen Moiseyevitch – head of the Technical Department of the Research Institute “Energosetproekt”⁷¹, a known authority in mains electricity lines projecting, former prisoner of Nazi regime – had to quit his job, lives in the USA.

DREER Semen Geronimovitch – head of Relay Protection and Automatics of the Research Institute “Energosetproekt”, a real expert and an excellent manager – had to quit his job, lives in Israel.

GRAIFER Joseph Ovseyevitch – head of a sector in “Belpromnaladka”⁷² Corporation, one of the greatest authorities in the field, former prisoner of ghetto – was dismissed from his office, lives in Minsk, works as the chief electrical engineer of a plant.

I do not know anything of the destinies of the others.

⁷¹ [Institute for Projecting of Energy Supply Networks]

⁷² [Byelorussian corporation for industrial setup, tooling, etc. of different equipment]

COVER OF A PARTY-MEMBERSHIP CARD

Father and Son Sokolenko: Reverses of Fortune

The article is based on the stories that I heard from my friend, Sokolenko-Junior, his sister Mila, and our mutual friends, extracts from the court decision and rehabilitation case, articles from Siberian newspapers and magazines, letters and other materials.

(All the events described in the story are real.)

Sokolenko Senior

Moscow. May 17, 1938. In the middle of the night there came a knock at the door. The house, inhabited by employees of the Ministry of Heavy Industry, had gotten accustomed to night knocks in the last year. Almost every night, the “black raven”⁷³ took away “enemies of the people” – employees of the Ministry, often, together with their wives.

This time, it was the turn of Alexander Sokolenko, Head of Central Administration for Manufacturing Enterprises of the Ministry of Telecommunications, “enemy of the people, saboteur, traitor and ardent counter-revolutionary”, “flaming Communist, devoted to the Party and the cause of Revolution, a man of enormous will and self-control and fearless fighter against the enemies of the Communist Party”.

No, these are not the ravings of a madman, nor are they about two different people. This is all about one and the same man – Alexander Sokolenko. The matter is that the first quotation is taken from the guilty verdict, resulting in the death sentence, passed by the USSR Supreme Court Military Panel of Judges on September 27, 1938, and the second – from the rehabilitation court decision, passed by the USSR Supreme Court Military Panel of Judges on May 10, 1956.

The second court decision (of May 10, 1956) totally rehabilitated Alexander Sokolenko. He was simultaneously restored into the Communist Party posthumously, which, in my opinion, was the last sophisticated mockery of the innocent murder victim.

But let me tell you about the real life of the man of such conflicting descriptions. He was born in 1897 in Mogilev⁷⁴. He used to have a different surname, and probably a different first name too, but when he joined the Bolshevik (Communist) Party in 1917, he adopted this Party nickname, which became his name and the name of his children, grandchildren, and great-grandchildren.

He was one of those Jewish Bolsheviks who became revolutionaries out of resentment against injustice and oppression. This resentment accumulated in Jewish towns for ages and, finally, took the form of a struggle for the future happiness of the whole of mankind and for immediate World Revolution as the only means to achieve it.

The young Alexander Sokolenko had worked as a metal worker before becoming a revolutionary and a soldier in the Civil War⁷⁵. After the war he first worked in Cheka⁷⁶, where he fought against real enemies of the Soviet power for the survival of the new social system; then he studied at the Moscow Industrial Academy and, after graduating from it, became an assistant to the legendary, People’s Commissar, Sergo Ordzhonikidze⁷⁷. At different times, Sokolenko occupied the posts of: Authorized Representative of the USSR People’s Commissar for Heavy Industry in Byelorussia, director of a big defense plant in Gorky⁷⁸, and, finally, Head of Central Administration for Manufacturing Enterprises of the Ministry of Telecommunications.

In the 1930s, he was the head of the corporation for which my father worked as the chief accountant. That was when I heard Sokolenko’s name for the first time and saw him too, when he would sometimes come over to our house.

And then the time came when “the Revolution started devouring its own children”⁷⁹.

For Alexander Sokolenko, this time came with a knock at the door on a May night in 1938.

⁷³ [A special car that was used for transporting people arrested by KGB]

⁷⁴ [One of the five biggest cities in Byelorussia]

⁷⁵ [The Civil War started after the Revolution of 1917 and lasted till 1923-1924.]

⁷⁶ [The first national security body, organized by Bolsheviks soon after the Revolution: It was a kind of secret political police with extraordinary authorities, which can be seen from its title – “Cheka” is translated as “Extraordinary Commission”. Cheka was later reorganized as the GPU, the NKVD, and finally into the KGB.]

⁷⁷ [One of the first persons of the Soviet State was the People’s Commissar (Minister) for Industry.]

⁷⁸ [A city on the Volga River, originally (and now, again) named Nizhny Novgorod. During the time of the USSR, the city was called Gorky, after the great, Russian and Soviet writer, Maxim Gorky, because he was born there.]

⁷⁹ [The words of Pierre Vergniaud, a significant figure of the French Revolution. He was guillotined in 1793.]

Three men came into the flat: one of them was wearing an NKVD uniform, the other two, civilian clothes. They produced search and arrest warrants, searched the whole house, sealed Sokolenko's study, and ordered him to get ready. They let him bid farewell to his family and took him away. Forever.

I met his son, Willy Sokolenko, after the war was already over. Once he told me about that night and parting with his father. One detail of that story is, for some reason, engraved in my memory.

When Sokolenko-father was handing in his documents to the "visitors", he kept his party-card for a moment, and started to remove its cover. The visitors even got a bit nervous about this. The father removed it and handed it to his son, saying,

– Take it, son. You'll surely need it.

That is what the "enemy of people" was thinking about, while bidding his last farewell to his family and his life. By the way, the cover really proved useful to his son.

On September 27, 1938 Alexander Sokolenko was judged by the Military Board of the Supreme Court of the USSR, was sentenced to death, and was shot dead on the same day. He was 41 years old. His family was informed that he had been sentenced to "ten years with correspondence ban"⁸⁰.

Family

The family only learned that he had been executed in May of 1956, that is, 18 years later. Only then did it become clear what the sentence "ten years with correspondence ban" had meant.

One could even say that the family had good luck. The wife, Rachel Moiseevna, who was a violinist, was not arrested with her husband and was not sent to the concentration camp for wives of "enemies of the people". And the children (Mila, 14, and Willy, 13) were not taken into special NKVD orphanages, as was customary after the husband and father had been arrested. Most of such children became orphans and most of the parents who survived the imprisonment lost track of their children forever.

The roads of tortures began for the family: long hours of lining up among other women and children at the NKVD office on Lubyanka Square⁸¹ and at the gate of Butyrskaya Prison, confusing explanations about where the person in question was, and the menacing, obscure words "ten years with correspondence ban", which sounded like a threatening spell and made life especially gloomy. At the same time, the most cheerful songs were composed and were broadcast on the radio. They told of the beautiful and free Motherland and of the happiness of living in such a wonderful country, for which everybody is deeply and personally grateful to Comrade Stalin. To whom else could we be grateful at that time?

The family was soon evicted, and all their possessions were confiscated. Their beds and other minor utensils were thrown into the yard. The mother's sister gave shelter to the children in her room of 12-square-meters, where they slept on the floor, together with their two cousins.

The mother managed to find a job in the orchestra of the children's theatre at Mayakovsky Square and wandered around the city all day long or sat in the underground, waiting for the beginning of each performance.

However, as soon as the management of the theater found out that she was the wife of a people's enemy, she was immediately fired. She spent the nights taking turns at the houses of those few friends who still dared to admit her to their homes. Sometimes people were arrested, even for that.

In 1940 the mother sent the children to their Grandmother, who lived in Minsk, and she soon came there too. The authorities refused to register her and she could not find work there either. Some time later, her friends helped her to find a job in the Jewish Theatre's orchestra; the children started going to school № 47 on Sverdlov Street.

⁸⁰ [A common sentence, which actually meant that the person had been executed within a few days after the trial. But, at that time, nobody knew that except those who served in the NKVD. And they certainly could not tell anyone about this, not that they wanted to, either.]

⁸¹ [The square in the center of Moscow where the main building of NKVD/ KGB is situated. At the time of the USSR, in the center of the square stood the statue of Felix Dzerzhinsky, which was removed in 1991.]

Here is what Willy's and my mutual friend (he also had to change schools and came to school № 47 in 1940) told me about meeting with Willy:

I came to the eighth class, found a vacant desk and sat at it. The senior schoolgirl⁸² (one could see at once that she was an exemplary pupil) came to me and said:

- Don't sit here!
- Why?
- This is the desk for children of the people's enemies.

In a couple of minutes the "enemies" children came. They were Edik Komissarov and the former Moscovite, Willy Sokolenko. As I was an enemy's child too, we became friends. And my friendship with Willy has lasted all my life.

Willy's sister, Mila Alexandrovna Sokolenko, relates:

In May of 1941, the Jewish Theatre went on a tour to Vitebsk⁸³. When the war broke out, it was still possible to evacuate from there, and the local authorities managed to send the company on one of the last trains. Almost all of the staff, including our Mom, left, as they were sure that the Minsk authorities would arrange for the evacuation of their relatives. Those who returned to Minsk were killed in the ghetto. All of Mom's relatives died there too.

After June 25, 1941, when Minsk was seized by fire and anarchy, the older boys from grades 8-10 organized a group for "self-defense", which included 13 students.

We left burning Minsk and set off in the direction of Mogilev⁸⁴. Most of us had left our parents in Minsk, but we hoped that the Red Army would soon come and we would be able to return home. We had to postpone our return for three years, but we were lucky. We managed to avoid the German paratroopers, who were landing on all the main roads leading to the East.

When we came to the villages, the inhabitants gave us something to eat. We divided all the food among all, in equal parts, of course. About ten days later, we reached Mogilev; there the older boys could help us, two girls and Willy (as he was the youngest), to take one of the last trains eastbound. They, themselves, went in the direction of Moscow, in order to join the Army. So they did. Many of them were killed; one was awarded the golden star of Hero of the Soviet Union⁸⁵.

Our train was bombarded and fired at by flybys, but we still managed to go as far as Mordovia⁸⁶.

We even were lucky enough to find our Mother in the evacuation. We had to work hard; the hunger was terrible, but Mother used to tell us, "It is good so. Now we don't differ from the rest of people." I think she meant that we got lost in the stream of evacuated people and got rid of the brand of the "family of the people's enemy" for a while, at least.

Sokolenko-son

⁸² [the monitor of the class]

⁸³ [One of the five biggest Byelorussian cities, north of Minsk]

⁸⁴ [Another of the 5 biggest cities in Byelorussia. It is situated in the north-eastern part of the Republic. From the first days of the war, the big road leading from Minsk directly to the East – the Moscow highway – was heavily bombarded, was burning, and was fired at so hard that it was totally impassible. The only way to leave Minsk was along the roads leading to Mogilev. Many people who took that direction could escape from the approaching enemy and evacuated from there further to the East.]

⁸⁵ [The highest military decoration of the USSR]

⁸⁶ [A republic not far from the Volga River]

Now let us start the story of the main character of this narrative – my friend, Willy (whom I met after the war was already over) and the destiny of his Father's Party card cover. (By the way, I think that the Father, a convinced Communist, composed his son's name from the initial letters of Lenin's name – Vladimir Ilyich Lenin – VIL⁸⁷. It was fashionable at that time.)

From Mogilev he could get as far as Mordovia. Life was extremely hard; he was homeless for a while and was always hungry; he soon got himself in with bad company. According to his own account of his life at that time, he was quite close to the edge, between a difficult teenager and a criminal. But there were also some kind people in his life, who helped him at that moment. They were simple workers, but they managed to stop him in time, taught him a craft, helped to find him lodgings at a dormitory.

He worked at a plant in the town of Zlatoust until the end of the war. He became a foreman, the leader of the Komsomol⁸⁸ organization of the plant, one of the best workers of the plant. He could sleep for only 3 - 4 hours a day; often he did not even go home, but slept right in the workshop on the cartridge boxes, beneath the poster "What have you done for the front?"

He was doing his best and even more. It was during that time when he came to love the smell of hempseed oil, which was used for drilling the machine gun barrels. After the war Willy's mother and sister returned to Minsk, and, soon afterwards, he was sent there because Minsk had been almost totally destroyed and people were needed to restore it.

In August of 1947 he wrote a letter to his teachers and colleagues in Zlatoust. In this letter he thanked them for their help and informed them that he was studying, was already in his second year at the Byelorussian Polytechnic Institute and, at the same time, was managing the tool stock of the mechanical shop at the Molotov⁸⁹ Radio plant.

Willy and I met around the year 1945, found out that our fathers used to work together, and made friends.

He was not very tall, with a round face and slightly slanting eyes. To my mind he slightly resembled a Chinese worker or a Nepal Sherpa. He was stockily built and looked solid and very reliable. His eyes shone with interest in everything around him and with eagerness to solve any problem that he might meet on his way. If you add to this image a mop of black, curly hair, the portrayal will be complete. He was a real romantic – not a dreamer, but a man of action.

Such people often get into trouble. He was no exception to the rule. Once he defended a woman from a whole gang of scum, who beat him black and blue. When I met him a few days later, I saw his face, which looked like one swollen bruise with one tiny chink, through which shone his right eye. It took him almost a month to recover.

In 1952 Willy graduated from the Faculty of Agricultural Mechanization, which was then part of the Polytechnic Institute. When he was asked where he would like to work, and it was two years before the decision was made for the cultivation of the virgin-lands in Kazakhstan⁹⁰, he pointed with his finger to a spot on the map of Siberia. The place turned out to be Altai Krai⁹¹. There he went, carrying a suitcase full of books,

⁸⁷ [In Russian we pronounce the name "Willy" as "Villy". So, it really could be formed from the initials "VIL" and not be short for William.]

⁸⁸ ["Komsomol" is the short form of the name "Kommunistichesky Soyuz Molodezhi" which means "the Communist Youth Union". It was a youth organization whose objective was to unite young people of the USSR and implant in them the ideas of Communism. Gradually Komsomol membership became obligatory (see the commentary to "A Visit to KGB") and the organization, itself, became corrupt and hypocritical, as did almost everything in the Soviet Union. But during the war, young people still took their membership in it quite seriously.]

⁸⁹ [At that time Molotov was Minister of Foreign Affairs of the USSR. Although everything in the Soviet Union was usually named after Lenin or Stalin, sometimes something could also be named after other leaders of the State, i.e., Kaganovich, Molotov, etc.]

⁹⁰ ["The Virgin Lands campaign was a huge operation designed to open up a vast tract of steppe land, mainly in northern Kazakhstan and the Altai region of the RSFSR, for grain cultivation. The area initially plowed up in 1954, the first year of the campaign, was no less than 19 million hectares (47 million acres). An additional 14 million hectares were plowed in 1955." Siegelbaum, Lewis. "1954: Virgin Lands Campaign." *Seventeen Moments in Soviet History*. James von Geldern (Macalester College), Lewis Siegelbaum (Michigan State University), Kristen Edwards (Menlo College).

MATRIX, the Center for Humane Arts, Letters and Social Sciences Online.

2/15/11 <<http://www.soviethistory.org/index.php?page=subject&SubjectID=1954tselina&Year=1954>>]

⁹¹ [A land in the south of Siberia, bordering on Kazakhstan]

with his beautiful wife and his five-year-old daughter. He was not going to stay just until the fixed two-year term⁹² was over; he went there to settle in the place once and for all.

When, from Moscow, he was buying his railway tickets to Barnaul⁹³ the woman in the ticket office asked him where it was. At that time one could get there only via a trailer car that went there twice a week from Novosibirsk. It was in Altai Krai that Sokolenko-son started his ascent to the summits of his life course.

First he worked at the Sychevskaya machine and tractor station.⁹⁴ He was the first engineer with higher education, not only at his working place, but also in the whole region. He refused to take the offered post of chief engineer, as he had no idea about half of the local tractors (the models had not been taught at the Institute). He asked to be appointed as control repair master⁹⁵. Having learned all details of the work, he became chief engineer. Here he suddenly became an object of sabotage.

At that time he wrote in his letters to his mother about his hardships at work, the Siberian frosts, the steppe storms. But all of these were surmountable, save for [problems with] the director and other supervisors... "The superiors are throwing sand in the wheels. I can't understand the reason for it. I did not believe that one could be sabotaged in this way because of nationality. And they do it in such a faultless way, so that everything seems legal. It is hard. They are rummaging in my biography, looking for something".

I would like to remind the reader that this was taking place soon after the "Doctors' Plot" case and before the XXth Party Congress⁹⁶.

Then he worked as director of the Anisimovskaya machine and tractor station for several years.

And several years later, he started the main cause and accomplishment of his life – Sovkhoz⁹⁷ "Sannikovsky".

"The First Day of Creation" was April 3, 1963 – the birthday of a new sovkhaz. The "childbirth" was assisted by two people – the director of the future sovkhaz, Willy Sokolenko, and the chief livestock expert, Michael Sirota. They came to the place where the new enterprise was supposed to be situated, were congratulated on the assumption of office, and were wished success in their new activity.

What was there on the place of their new activity? There was a village called "Sannikovo", known as the "drunken" village, and nothing else – no office, no cattle, no machinery, no cars, no farm sheds, no brick, not even accountancy forms. Absolutely nothing!

However, the big city of Barnaul was nearby. There were many plants there that wanted to find suppliers of food for their workers and were ready to help out the new settlers. What they did have were energy, quick wit, and enthusiasm of pioneers.

After five years the sovkhaz "Sannikovsky" had already become one of the leading enterprises of the region.

And in 1977 Journalist George Egorov published an article in the magazine *Siberian Lights*, where he wrote:

Driving along the highway Novosibirsk – Barnaul, you cannot help paying attention to the huge animal farm – the beautiful 5-storied buildings, a school, a clubhouse, a cantina. There is a wonderful birch grove and pine forest all around. All of this is the central farm of the

⁹² [After graduating from high school, all young specialists were sent to different places to work. They were obliged to work at the places where they were sent for at least two years. This term was legally fixed. It was a kind of payment for free education. Not all of them were willing to go so far from home, or happy to live in the middle of nowhere, after living in the big cities where they had studied, so many of them would return home as soon as the term was over.]

⁹³ [The center of Altai Krai]

⁹⁴ [A station for repairing agricultural machinery]

⁹⁵ [Quality assurance specialist who checks to ensure that the repair has been done correctly]

⁹⁶ [The 20th Congress of the Communist Party (February 1956) denounced the personality cult and dictatorship of Stalin.]

⁹⁷ [(In the former USSR) a state-owned, wage-paying farm]

sovkhoz “Sannikovsky”. The long farm sheds stand in the shadow of the trees and in the summer it looks as if the cows were living at a resort.

The journalist did not mention the canning factory, the formula-feed plant, the music school, the sovkhoz museum, the brass band, a choir that became professional and toured around the whole Soviet Union, and even a House of Agricultural Sciences.

By the way, Willy Sokolenko was the founder of the “sovkhoz – shop” program, which allowed him to supply fresh food to Barnaul, directly, without intermediaries.

I saw him speaking about this topic on TV more than once.

In 1976 “Sannikovsky” built 120, comfortable apartments. Every family of a sovkhoz worker got an apartment, accommodated with all of the necessary facilities. This was considered an inadmissible “excess” by a commission from Moscow and was severely criticized. And when the sovkhoz director asked the members of the commission if they, themselves, had such facilities in their Moscow apartments, the commission resented his question and left.

The director gained experience and developed, along with his creation, and so did his personnel. Twenty-two directors of sovkhozes and other big enterprises came out of Sokolenko’s sovkhoz.

People from Altai Krai and other republics wanted to work in his sovkhoz, but there were too many candidates. Many of them had to wait their turn, take part in the candidates’ competition, and then do a special preparatory course. A lot of letters from different cities and villages came to the sovkhoz. Often they were addressed to “Altai Krai, village Sannikovo, sovkhoz Sokolenkovsky”. And the sovkhoz was constantly visited by leaders of Party organizations and different delegations from the whole USSR, who wanted to learn from him.

When Willy Sokolenko wanted to see somebody from the leadership of the country, he never had to wait in their waiting rooms, rather was welcomed by the highest authorities at once.

He was awarded all the decorations of the Soviet Union, including the Lenin Order⁹⁸. He was twice nominated for the Golden Star of the Hero of Socialist Labor, and both times his nomination was turned down. I do not want to pass judgment about the reasons; thus, I avoid the well-known stereotype⁹⁹.

It [success] certainly did not come easily to him. He could not afford more than 4 to 5 hours of sleep a day. He was always on the way – from home to the car, from the car to the office, from there to the field. Always on the run, that is, literally running.

Meetings were rare, short, and only for business -- no long speeches or reports, no long telephone talks.

The first thing he started with was the eradication of drinking. He sent drunken workers into a cold shower or simply beat some of them. But he also took care of them, as no one had ever done before, nor did after him. He, himself, an abstainer, he never sacked a single worker during his 27 years of running the sovkhoz.

He built a real road leading from the city to the village, planted lots of trees, and charged the inhabitants with the duty of watering them daily. He also had lawns and flower beds laid out and had flowers planted. Thus, a green oasis appeared in the heart of endless fields and steppes.

His methods of struggle against slovenliness were sometimes rather extravagant. Let me give you one example. When the director found out that drivers had left their cars, without paying attention to where, including on the well-groomed lawns, and his orders did not have any effect on them, he distributed awls among the boys and ordered them to puncture the rule breakers’ tires. A couple of days later, the order was maintained.

Then Perestroika started, and with it, the ruin of everything to which he had dedicated his life. Nobody thought of watering the trees any more: they were cut down. All property that had been acquired through

⁹⁸ [The second highest decoration of the USSR, after the Golden Star of the Hero of the Soviet Union/Socialist Labor]

⁹⁹ [The author means the well-know statement that Jews in the Soviet Union were often treated in an unjust way; however, he does not want to repeat it here in order not to be banal.]

mutual work was being stolen and wasted. The convinced Communist, Sokolenko, could not endure that, and he left the sovkhoz.

He worked in the Altai Krai Ministry of Agriculture, but it was not his cup of tea. His soul yearned for the spaciousness of the fields and farms.

In the winter of 1996, he got an opportunity to return to his vocation. At the age of 70, he got an offer to head the ruined sovkhoz "Kossikhinsky". At that moment the sovkhoz had almost no cattle left. The electricity and telephone had been turned off. There was even no coal left in the boiler room. Sokolenko rushed into battle again. He used his connections and managed to get electricity and telephone turned on, found some coal on credit, and set in motion the process of repairing the machinery. The sovkhoz started to produce food. Sokolenko arranged a network of shops along the Biysk highway. The sovkhoz started to make a profit. It looked like a new "Sokolenko's wonder" was about to appear.

But, at that moment, his main creation – the sovkhoz "Sannikovsky" – was wrecked completely, and he was called in for help. He could not resist this appeal, and having left his post in "Kossikhinsky", he returned to rescue his brainchild.

It was probably his mistake, because he forgot that no one can step in one river twice. Everything had changed. The time and morals were different, yet he remained the same, indomitable Communist and "iron rod" director. He started maintaining discipline and he probably overdid it, because a year later the sovkhoz elected a new director (there was a short period during which the directors were elected by a general vote).

However, his experience was in demand for a long time, and he worked in the enterprise "Altai Agricultural Product" until he was 80.

Nowadays, he is a pensioner. What tales were not told of him during the days of his power: that he owned a house in Germany, that he had Israeli citizenship, that he had an account in a Swiss bank and that he would flee abroad as soon as things took a bad turn. Only one question was not clear: would he take a scheduled flight on a public plane or would he fly in his personal jet?

And he lives in the very same village, Sannikovo, in one half of a house, which he refused to connect to the hot water mains long ago, as he thought it to be immodest. The hands of the director of a huge sovkhoz, known to the whole USSR, remained clean: he did not earn anything for himself. He even refused his share when the sovkhoz property was privatized. The man, who disposed of many millions in old times, does not have enough money for building a bathhouse. He had a car, which was stolen; he still has an old TV-set and modest furniture.

He lives in that house, together with his sick wife, who has gone blind. More than fifty years ago, he took the beautiful woman, who was a singer in the Minsk Opera Theater, to Altai Krai and she dedicated her entire life to the cultural development of that Siberian corner.

The reporter of the *Evening Barnaul* newspaper who came to Sannikovo in 2004 to speak to Sokolenko wrote in his article that three out of four people whom he met on the way to his house, and whom he asked for directions, could not tell him where the sovkhoz's former director lives. He concludes his article with the following words: "It was preordained that he should see his dream realized and then destroyed".

Afterword

I have not seen my friend from youth, Willy Sokolenko, and I am not sure that we would be able to understand each other, if we were to meet nowadays.

He was, and remains, a convinced Communist and I am no admirer of Communism, especially of its Soviet (as well as its Chinese, Korean or Cuban) implementation. I do not know its other versions.

At the same time, I do not think it possible to judge the people who gave their whole lives in service to this high idea or chimera, as you would call it.

Moreover, the idleness of our life of today makes me even envy them sometimes, as I envy all people who are able to believe sincerely. Because blessed are those who believe.

DOCUMENT EXTRACTS

(Appendix to “Gleams of Memory”)

Order of Field Commandant's Office on the Establishment of a Ghetto in Minsk

Minsk, 19 July 1941

1. On the day of issuance of this order, a special part of the city is allotted in Minsk for settling exclusively Jews.
2. The entire Jewish population of Minsk must move to the Jewish district within 5 days after the present order is announced. If a Jew is found outside of the Jewish district after the deadline, he/she will be arrested and punished severely.
3. The migrants are allowed to take with them their personal possessions. Those who are caught stealing or taking away the property of the others will be shot to death on the spot.
4. The Jewish district is restricted to the following streets: Kolkhozny Lane, Kolkhoznaya St., the river Svislotch, Nemiga St. (with the exception of the Orthodox Church), Respublikan-skaya St., Shornaya St., Kollektornaya St., Mebelny Lane, Perekopskaya St., Nizovaya St., Jewish Cemetery, Obuvnaya St., 2nd Opansky Lane, and Zaslavlskaya St. until Kolkhozny Lane.
5. After all the Jews move to the Jewish district, it is to be surrounded with a stone wall and separated from the rest of the city. The wall is to be built by the residents of the Jewish district. The bricks from uninhabited and destroyed buildings are to be used for construction of the wall.
6. The Jews who are mobilized for the working units are strictly forbidden to get out of the Jewish district. The working units leave the Jewish district only for the place of work and only with a special permit, issued by the Minsk city council. Any violation of the present order will be punished by death by shooting.
7. Jews are allowed to enter and exit the Jewish district only along Opansky and Ostrovsky Streets. It is forbidden to climb over the wall. German guards and the local police are given the order to shoot to kill those who violate the present order.
8. Entrance to the Jewish district is allowed only for Jews and German officers and soldiers or employees of the Minsk city council on an official errand.
9. A loan of 300 thousand Rubles is imposed on the Jewish council. The money will be spent to compensate the expenses connected with the resettlement of Jews. The percentage of the payment for each family will be defined later. The stated sum is to be handed over to the town council at the address: 28 Karl Marx Street, within 12 hours after the present order is announced.
10. The Jewish council is to present immediately, to the housing department of the city council, information on the flats outside the Jewish district, vacated by Jews and not yet occupied by Aryan (non-Jewish) population.
11. Order in the Jewish district is to be maintained by special Jewish order units. The order for their establishment will be issued in due course.
12. The Jewish Council of Minsk is responsible for the punctual resettlement of the Jewish population in the allotted district. Any violation of the present order will be punished severely.

Minsk Field Commandant

inventory 1, doc. 8, pp. 1–2.

From Report № 20 of the Operation Group “B” on the Situation in Minsk

Minsk, 12 July 1941

Minsk is the capital of the Byelorussian Soviet Socialist Republic. In 1926 its population was 131,803 inhabitants, in 1939 – 237,772 inhabitants.

Minsk is a significant industrial centre. The center of the city is totally destroyed as the result of bombardments and fire. The University, Red Army House, the Opera Theater, and the Government House have been partly spared by the fire and destruction.

The suburbs, where most of the plants and factories are situated, have been less destroyed.

The city has neither electricity nor water supply. The Party and State leaders have fled.

The public mood of the population is very low, as many people are homeless and the food supply situation is deteriorating constantly. All the men of age 18 to 45 have been arrested, according to the order of the Field Commandant's office, in order to provide security of the rear communications and to prevent sabotage. The civilian captives are now being examined.

According to the last report of Group “B”, the wooden houses in the western part of the city were set on fire.

The houses were evidently set on fire by Jews, as they had to vacate them for the returning Byelorussian refugees. The non-Jewish population is ready to start pogroms. The fury of the population has already led to several actions against Jews. A part of the Jewish population has been exterminated for the arson.

Order in the Jewish district will be maintained by a special Jewish service of order maintenance (a special regulation on it will be issued further).

The Jewish council of Minsk is fully responsible for carrying out the order on the resettlement of Jews. Anyone who violates the order will be punished severely.

Field Commandant

NARB, fund 4683, inventory 3, doc. 948, pp. 80—81; microfilm, arch. №175, frame 722186–90. Translated from German.

From Report № 31 of the SD Security Police on the Establishment of the Jewish Council (Judenrat)

Minsk, 23 July 1941

The solution of the Jewish question during the war on this territory seems impossible, taking into account the huge number of the Jewish population; it can be solved only by means of the resettlement of Jews. However, in order to provide a decent basis for its solution, Operation Group “B” has taken the following measures everywhere it has carried out its activities.

In each town, a temporary head of the Jewish Council has been appointed. Their task is to organize a Jewish Council, which would include from 3 to 10 members. The Jewish Council is fully responsible for the behavior of the Jewish population. In addition, it must immediately start registration of all Jews who live in the town or city. Another task of the Jewish Councils is to organize Jews of age 15 to 55 into working units that are to clear out the ruins of buildings and to do other jobs for German establishments and military units. Female working units, consisting of women of the same age group, are to be organized too.

As German soldiers cannot always immediately tell Jews from the non-Jewish local population, there were several misunderstandings. That is why it was ordered everywhere that all Jews – men and women of all ages, older than 10 years – immediately start wearing a yellow patch on the front and back of their clothes.

Jewish Councils are subordinate to temporary Town Commissioners. Reliable Byelorussians, chosen by Operation Groups, are appointed as Town Commissioners.

The top priority task and, at the same time, a very complicated one because of the huge number of Jews, is their accommodation in ghettos. This work is already being carried out. Town districts, suitable for this purpose, have already been chosen by field and local commandants' offices.

The economic life of the region was paralyzed at first because of the destruction and plundering. Some enterprises in Minsk and Borisov are already being put into operation. The agricultural production is hindered through requisitions and theft; as a result the food supply of the inhabitants suffers to a great extent. Money has no force here so far and work is paid with bread.

We have come to complete agreement and unanimity with the Commandant of the back area of the armies group concerning the handling of partisans and former soldiers in civilian clothes.

Large scale operations with participation of the police and SD units have been started. They will be carried out mercilessly.

On 14.07.1941 [July 14, 1941]¹⁰⁰ we already informed on the annihilation of 4,234 people. On 19.07.1941 [July 19, 1941] this number has increased by 3,386 people.

NARB, fund 4683, inventory 3, doc. 943, pp. 88—89. Translated from German.

From Report of SD Security Police № 31

23 July 1941

Confidential

The top priority task, and at the same time, a very complicated one because of the huge number of Jews, is their accommodation in ghettos. This work is already being carried out. Town districts suitable for this purpose have already been chosen by field and local commandants' offices.

The order has been given to dissolve the Communist Party and all Communist unions and organizations. Confiscation of the valuable documents, valuables, etc. has been ensured. The special operations group regularly receives information on the confiscations that are carried out, etc.

NARB, fund 510, inventory 1, doc. 71, p. 56; microfilm, arch. № 131. frames 721618, 721626, 721627. Translated from German.

From Administrative Order № 5 of the Commandant of the Rear of the Armies Group "Center" Forbidding Jews the Freedom to Travel and Trade

Minsk, 21 August 1941

IX. In order to maintain strict control over the activities of Jews it is ordered:

1. Jews are prohibited from leaving the district where they live. The exclusion is those Jews who have the written permit of the local commandant's office, issued by way of exception, in the interests of the German Wehrmacht [Army].

¹⁰⁰ [Throughout this appendix the German date format is retained, and the equivalent U.S. format is shown in brackets.]

2. Jews are prohibited from trading (buying and selling) with the local Aryan population. The prohibition does not concern the Jews who work with a permit of German establishments in cooperation with commercial and industrial enterprises.

3. Any breach of the present regulations will be punished severely.

Commandant of the Rear of the Armies Group "Center", General of the Infantry von Schenkendorf

NARB, fund 412, inventory 1, doc. 19, pp. 118, 120. Translated from German.

From Report of SD Security Police № 92 on the Annihilating Raid Carried Out in Minsk Ghetto

23 September 1941

...A big raid was carried out in the ghetto by a joint effort of the police and field gendarmerie. About 2,500 Jews were arrested, men and women. Within 3 days 2,278 of them were executed. Those who were executed were exclusively saboteurs and Jewish activists. Among them were also lots of those who did not wear the ordered identification marks on their clothes.

NARB, fund 4683, inventory 3, doc. 1065, p. 190; microfilm, arch. №175, frames 72379–72380. Translated from German.

From the Diary of the Combatant Operations of the 322nd Police Battalion on the Annihilating Raids in the Minsk Ghetto

30 September 1941.

...on the 30th of August 1941, the battalion, with the exception of 8th company, is doing military training:

At 16:30 – preliminary meeting of the Battalion Commander with Obergruppenführer Koch, in the presence of companies' commandants. At the meeting a question of carrying out a punitive action against Jews in the Minsk Ghetto on the 31st of August and the 1st of September 1941 was considered. The time of the action's beginning is the 31st of August 1941, 15:00. The battalion assigns 2 companies.

Captain of the Security police (Schutzpolizei) Ijurke reports of the 7th company being totally overworked.

On August 30th, 1941 the 7th and 9th companies carry out the punitive action against Minsk Jews.

During the action about 70 Jews (among them 64 women) were arrested and put into prison.

1st of September 1941. The 9th company, together with SD Units and NSMC (National-Socialist Motor Corps) takes part in shooting 914 Jews near Minsk, 64 Jewish women among them. This number includes about 700 Jewish men and women, arrested yesterday by the 7th and 9th companies during the punitive action in the Minsk Ghetto. The execution took place without much trouble. There were no attempts to escape, due to the well-chosen location and precise organization. The reports on the special activities and actions carried out by the 8th company on the 28-29th and 30th of August 1941: see in attachments 105-107. The Jewish women were shot for not having the ordered identification marks during the action in Minsk Ghetto.

NARB, fund 4683, inventory 3, doc. 936, pp. 43–45; microfilm, arch. № 454, frames 610–611. Translated from German.

From an Order of the State Commissioner of Ostland (Eastern Lands) H. Lose

Riga, 1941

§ 3. The local district commissioner determines a special curfew for Jews, depending on local conditions.

State Archive of the Minsk District, fund 623, inventory 1, doc. 1, p. 146. Translated from German.

The Order of the State Commissioner of Ostland [Eastern Lands] on the Disposal of Jewish Property in the State Commissioner's Office

Riga, 13 October 1941

§1

All the movable and real property of the Jewish population on the territory ruled by the State Commissioner of the Eastern Lands is subject to confiscation. It will be disposed by the Commissioner and recorded according the following directions:

§2

Property is movable belongings and real estate, as well as all accessories, debt obligations, shares, rights and interests of different kinds.

§3

1. The confiscation is carried out by the State Commissioner of the Eastern Lands or by institutions appointed by him. The confiscation is carried out by means of orders concerning certain individuals or by means of an announcement of a general draft; it also can be restricted to separate articles of property.

2. The following articles are not to be confiscated:

- a) part of household articles necessary for the normal course of everyday life;
- b) cash, bank certificates, savings bank books and other valuables of the value less than 100 German Marks.

§4

1. As a result of the confiscation, the former owners lose the right to dispose of the confiscated property.

2. The person who will get the confiscated property or stores it, will dispose of it in the future too. The changes, concerning the disposal of the property or the income it brings, are allowed only within the bounds of the same household. Any activities that are beyond the limits of one household require the consent of the Reich Commissioner of the Eastern Lands or the establishments authorized by him.

§5

1. The property subject to confiscation can be taken over by the Commissioner's management, if this measure makes the management more efficient.

2. Imposition of Commissioner's management automatically counts as confiscation.

3. The State Commissioner of the Eastern Lands makes the decision about establishing and carrying out Commissioner's management.

§6

1. The confiscated property can be taken away by the State Commissioner of the Eastern Lands or the establishments authorized by him.

2. The right of disposing of the withdrawn property is granted to the establishments authorized for it.

3. The establishments in question will finally settle all administrative questions of eventual debts referring to the property. Liability is restricted by the cost rate of the sold, confiscated property.

§7

The authorities can oblige the population to register the property subjected to confiscation.

§8

The authorities can demand information necessary for carrying out their tasks from any citizen.

§9

1. The following infringements will be punished with imprisonment or fine:

- a) the attempt to hide from German authorities or establishments authorized by them anything subjected to confiscation or any attempt to prevent or hinder the confiscation;
- b) deliberately not fulfilling or not completely fulfilling a task with which the person was charged, according to the present order and the instructions concerning registration of the property and its confiscation.

2. In case of serious infringements the guilty person will be sentenced to imprisonment. If the guilty person persists in his actions or the case is even more serious, the person in question can be even sentenced to death.

§ 10

All orders and regulations necessary for carrying out the present order will be issued by the State Commissioner of the Eastern Lands.

§ 11

The order comes into force on the day of its issue.

Reichs [State] Commissioner of the Eastern Lands Lose

NARB, fund 370, inventory 5, doc. 2, p. 15. Translated from German.

Order № 24 of the Commandant of Byelorussia on the Annihilation of Jews and Gypsies

Minsk, 24 November 1941

...Jews and Gypsies: orders № 9 of 28.9.1941 [September 28, 1941], p. 6; № 11 of 4.10.1941 [October 4, 1941], p. 2. c, № 13 of 10.10.41 [October 10, 1941], p. 18. As it is stated in the enumerated orders — Jews must vanish from the face of the Earth and Gypsies must be annihilated too. The carrying out of large-scale operations against Jews is not a task of the German Army, its divisions, or their parts. These operations are to be carried out by civilians and the police, according to the order of the Commandant of Byelorussia, if special units are assigned under his command... Small groups of Jews can be annihilated on the spot or sent to ghettos, where they will be handed over to civil authorities or SD.

Baron von Bechtolsheim

NARB, fund 378, inventory 1, doc. 698, p. 32. Translated from German.

Letter from Commissioner General of Byelorussia W. Kube to State Commissioner of Eastern Lands H. Lose on the Deportation of Jews from Germany to Byelorussia

Minsk, 16 December 1941

My dear Heinrich! I am asking for an official instruction of the position of civil authorities towards the Jews deported to Byelorussia from Germany. Among them there are people who were at the front during the World War and who were decorated with an Iron Cross of the 1st or 2nd grade, war invalids, some of them are half and even three-quarters Aryan. At the present moment, only 6,000-7,000, out of the expected 25,000, about whom we were informed, have arrived. I have no idea about the whereabouts of the rest. During my official visits to the ghetto I noticed that, among German Jews, who differ from local Jews with their cleanliness, there are qualified workers who are able to do five times as much in one day as the Russian Jews.

These Jews will, in all probability, die from cold and hunger within a few weeks. They are a terrible danger for us as disease spreaders, as they are, as are all Germans, susceptible to the 22 epidemic diseases

existing in Byelorussia.

I will not take personal responsibility for giving instructions to SD units, concerning the way they should treat those people. Some Army and Police units have already put their hands on the property of the Jews deported from Germany. For example, SD has confiscated 400 mattresses and other things. I am definitely firm in my conviction and am willing to promote the solution of the Jewish question, but these people who belong to our culture differ from the stupid herd of local inhabitants. Should we commission the Latvians and the Lithuanians with mass-shooting executions, as they are strangers here? I cannot do it alone. I am asking you to give me exact instructions, so that the necessary action can be carried out in the most humane way.

With kind regards. Heil Hitler! Yours Wilhelm Kube.

Translated from German.

Annihilation of Jews in USSR during the Years of Nazi Occupation (1941—1944). Collection of Documents and Materials. Jerusalem, 1991. pp.178 —179.

From Attachment № 1 to the Report of the Activities of Group GFP-723 on the Attitude of the Local Inhabitants to the Annihilation Raids Against Jews

Minsk, December 1941

... The attitude of the local inhabitants towards Jews and the measures taken against them by the German authorities is peculiar. Russians are not acquainted with the race problem, it is alien to them.

... Russians take the mass annihilation raids for atrocities by Germans, which, however, bring no loss to them. In different places, there are cases in which the mass annihilation of Jews provokes fierce anti-German propaganda and statements that Russians will share the fate of Jews. However, the instigators did not manage to gain the local inhabitants on their side. In the majority of cases, they were exposed and shot dead.

Commissioner of the Field Police and Group Commander Rodbade

NARB, fund 4683, inventory 3, doc. 962, p. 24. Translated from German.

From the Report of the State Minister of Foreign Affairs' Office Concerning Jews

Berlin, 1941

...During the Eastern campaign Jews proved to be saboteurs, robbers, spies, terrorists, corrupt. They spread Communist propaganda, offered passive resistance, spread defeatist rumors and disbelief in the successful offensive. This conduct, dictated by the Soviet Government, would naturally cause a splitting of German society, and, as a result, the German society would not be able to do its utmost. Jews could disguise themselves as interpreters; some even managed to get jobs in German administration and enterprises that work on the German War industry, as managers, in order to misuse their positions for concealed hostile activities in their own interest.

Such behavior of Jews necessitated preliminary purges...

All in all, more than 11 thousand Jews were annihilated. The detailed information on the annihilated Jews can be found in three District Commissioners' offices, in special books. The majority of Jews had to be isolated in special camps because of the danger of sabotage. In big camps special ghettos were established, into which Jews were brought from different places of the region and district ...

NARB, fund 4683, inventory 3, doc. 928, pp. 45–46. Translated from German.

From the Report № 156 of the Head of SD Security Police of the Annihilation of Jews

16 January 1942

...Purge is in full swing in Byelorussia. The number of Jews in the part of Byelorussia that has been handed over to civil administration so far equals, at the present time, 139,000 people.

Operation group A, starting from the day of the beginning of their activities in Byelorussia, has already shot dead 33,210 Jews.

NARB, fund 4683, inventory 3, doc. 91, p. 196; microfilm, arch. № 175, frames 723979—723981. Translated from German.

From the Protocol of the Meeting of Heads of Main Departments of Byelorussian Commissioner General Office. Topic of the Meeting – Local and German Jews

Minsk, 29 January 1942

... The number of Jews cannot be defined, though it is very high in the country. The Jewish population is being annihilated. However the complete annihilation of Jews is impossible at the moment because of strong frosts. The earth is too frozen-through for digging pits that will be common graves for Jews. The complete extermination of Jews is also impossible because some of them are labor force.

There are 2 two big groups of Jews:

a) Russian Jews; b) German Jews. Russian Jews – are obstinate and unwilling to work, while German Jews work diligently. It is clear that they believe that after the war is finished with victory of the German Reich, they will be allowed to go back home. Thus, they are trying to survive. It is necessary to encourage them in this belief of going back to Germany and to achieve a high rate of working efficiency.

However, the spring will start with extensive extermination raids. At first it was planned that the raids would be carried out by the Latvian units that are attached to the auxiliary police forces.

In the Minsk Ghetto the accommodation of Jews is bad. Besides, profiteering flourishes there. Because of the overcrowding of the lodgings, the control is very complicated.

SARF (State Archive of Russian Federation), fund 7021, inventory 1, doc. 53, p. 164.

From the Report of the Activities of Operation Group 4 “A” of the SD Security Police during the Period from 16 October 1941 to 31 January 1942

...Decisive and complete extermination of Jews on the territory of Byelorussia after it was taken over by the German Army encounters certain difficulties. Exactly here, a very high percentage of qualified specialists are Jews. The region has no other labor resources and, for this reason, the Jews are necessary for German enterprises. Furthermore, Operation Group “A” took over this territory after the strong frosts had set in, which made mass annihilation actions extremely difficult.

A further difficulty is that Jews are scattered; they live on the whole territory of Byelorussia. And taking into account the long distances, bad roads, lack of vehicles and petrol, and insufficient forces of the SD Security police, carrying out the mass shootings demands maximum effort. In spite of all the difficulties, 41,000

Jews have already been shot dead. This number does not include the Jews shot by previous operating groups...

The Commander of the police in Byelorussia received instructions to solve the Jewish problem as soon as possible, in spite of the difficult situation. Still, this task may take about two months, depending on the weather.

The accommodation of the Jews in the ghettos and concentration camps in Byelorussia is coming to an end...

Nürnberg Trial Proceedings. Collection of Documents. Vol. 1. Moscow, 1954. p. 849.

From the Report of the Commandant of Byelorussia on the Activities of Operating Groups as of 1 February 1942

...The number of Jewish population annihilated by Operation Group "A" during the raid against Jews:

Minsk – 41,828 people

The approximate number of Jews still remaining in Minsk Ghetto is 128,000.

NARB. fund 4683, inventory 3, doc. 945. p. 35. Translated from German.

From Report № 178 of SD Security Police of the Raid Against Jews in Minsk

Minsk, 9 March 1942

Commander Hofmann ordered to carry out a large-scale raid against Russian Jews of both sexes in Minsk and Koidanovo on 1st-3rd March. In order to keep the planned action secret, the Judenrat [Jewish Council] was informed that 5,000 Jews would be resettled. They had to be selected by the Judenrat and gathered for the departure. Each Jew was allowed to take 5 kg. of luggage. The real objective of the Head of the SD Security police was kept secret. When, on March 1st, 1942, the ghetto was encircled, not a single Jew was produced by the Judenrat for departure. That is why crews for liberation of the ghetto's territory from Jews were set in action. Only after this the Jews were gathered and, in a long column, were sent in the direction of Minsk-Tovarnaya station. Many of them did not leave their lodgings voluntarily and tried to avoid being sent away. We had to use force against them; some were shot dead on the spot. After the purge raid in the ghetto there were many corpses in the houses and on the streets. They were later removed. At the station the gathered people were herded into the carriages. Those were united in one long train and were directed to Koidanovo, a small town, 30 kilometers south-west of Minsk, along the railway Minsk – Baranovitchi – Brest-Litovsk.

On the next day, March 2nd, 1942, all the units of the SD Security Police were directed to Koidanovo in order to carry out the execution of the train passengers. A lot of trenches were prepared for the action near Koidanovo. First, the Jews were let out of the carriages; then they were separated into small groups and, under the escort of Lithuanian troops, they were taken to the trenches. The escorting troops had to use force. At the trenches the Jews were ordered to take off their coats and jackets. It was done in order to make the shooting more effective. Then the Jews were ordered to go along the trenches, near which there stood shooters, armed with pistols. The crew of shooters consisted of 10-20 people. Each shooter chose a victim for himself and ordered the person to stop, or stopped him with a touch. If the victim was in a convenient position for shooting, the soldier shot him in the back of his head. If, after the shot, the person did not fall into the trench, he was pushed or thrown into it.

The trenches were so long and deep that they could hold many hundreds of corpses.

The groups of Jews that were far from the trenches heard the shots and could understand that the

mass execution had already started and that they were going to be the next victims. Later, when they saw the trenches and the corpses lying in them, at least the adults understood what was in store for them. Many ran, cried and shouted, but the majority submitted to their destiny without howling and lamentations. There was no doctor to state the death, but the troops made sure to shoot dead those who were still moving or if there was doubt that somebody was dead.

The police forces did not cope with shooting all the people on that day. That is why the execution was continued on the next day, March 3rd, 1942. All in all, not less than 3,000 people were killed. How many were shot on March 2nd and how many on March 3rd was not stated, but it is clear that not less than 1000 people were shot on each day.

According to report № 178 of March 9th, 1942, 3,412 Jews were shot during the action carried out in Minsk and Koidanovo on March 2nd-3rd, 1942.

... the action against Jews carried out in Minsk on 3.3.1942 [March 3rd, 1942] prompted in the local population the assumption that other, even larger-scale operations against Jews would be carried out in the next weeks on the whole territory of Byelorussia.

Koblenz Federal Archive 9KS/62. Justice and Nazi Crimes Cases. Vol. 19. Current № 552. Translated from German.

From Report of the Activities of Arlt, Junior Squad Leader of the SS Operation Group

Minsk, 17 May 1942

...after you left the further combat activity of the platoon (1 junior officer, 10 soldiers) consisted of overseeing the digging out of the trenches, 22 kilometers from Minsk.

The digging took 8 days and finished on 30.04.42 [April 30, 1942], when the whole platoon took part in the action of unloading the prisons.

4.5.42 [May 4, 1942] We went to the same place in order to dig out new trenches ourselves. This work took us 4 days.

4.5.42 [May 4, 1942] A train with Jews from Vienna (1000 people) arrived. Directly from the station the Jews were transported to the trenches. For that the train was driven directly to the trenches...

13.5.42 [May 13, 1942] 8 soldiers supervised the digging out of new trenches as another train with Jews from the Reich (Germany) is to arrive one of these days.

Arlt, Unterscharführer [Junior Squad Leader] SS

From Report of the Activities of Arlt, Junior Squad Leader of the SS Operation Group

Minsk, 16-18 June 1942

21.05. [May 21] Cleaning of the weapon and uniform.

26.05. [May 26] A train with 1,000 Jews from the Reich arrived in Minsk. It was taken directly to the stated trenches. SS units were engaged in the work at the trenches.

25 and 19.05. [May 25 and 19] New trenches were dug out.

30.05. [May 30] Reichs [State] Minister Rosenberg visited Minsk. He was guarded by SS units.

1.06. [June 1] Another train with Jews arrived...

9.06. [June 9] Cleaning of the weapon and uniform.

15.06. [June 15] A train with 1,000 Jews arrived from Vienna... More trains arrived in the next days and were tended by our unit.

18 and 19.06. [June 18 and 19] We dig out the trenches again...

26.06. [June 26] The expected train with Jews arrived. The next days were given to cleaning of the weapon and uniform.

2.07. [July 2] We were ordered to get ready to receive a train with Jews and digging out new trenches...

17.07. [July 17] A train with Jews arrived...

21, 22 and 23.07. [July 21, 22, 23] New trenches were dug out...

24.07. [July 24] Another train with Jews from the Reich arrived...

25–27.07. [July 25–27] New trenches were dug out...

28.07. [July 28] Large-scale raid in Russian ghetto. 6,000 were delivered to the trenches. The next days were given to cleaning of the weapon and uniform...

Arlt, Unterscharführer [Junior Squad Leader] SS

Kolh Paul. *Ich wundere mich, daß ich noch lebe [I Am Amazed to Be Still Alive]*. Gutersloh: 1990. pp. 227—228. Translated from German.

Order of the Commissioner of Minsk District of Prohibition of Any Contact with Jews

Minsk, July 6, 1942.

It is strictly forbidden for all employees to contact Jews. It is especially inadmissible to talk to Jewish workers that work on the office premises.

Signed by Dr. Keiser

NARB, fund 393, inventory 1, doc. 138, p. 7. Translated from Byelorussian.

From the Report of Commissioner General of Byelorussia W. Kube to the State Minister of Finance on the Situation in the Occupied Eastern Regions

September 4, 1942

...At present there 9,000 Jewish workers in Minsk; 6,000 of them are Russian Jews and 3,000 – German Jews. The General Commissioner considers that the solution of the Jewish problem is not quite correct as far as the relatives of the German Jews are concerned. It turned out that among the exterminated German Jews there were 140 WWI veterans; some of them had military decorations.

The solution of the Jewish problem has lately been impeded by the transportation of Jews from Germany to Byelorussia. The Organization Todt and Air Force construction units transport Jews to Byelorussia, and then those Jews are gathered and annihilated by SD units. In view of these activities and, taking into account that the trains with Jews keep on arriving in Byelorussia from Germany, the General Commissioner of Byelorussia is not able to solve the Jewish problem before September of this year...

NARB, fund 4683, inventory 3, doc. 974. pp. 137–138. Translated from German.

From the Review of Obersturmführer Burkhardt, Criminal Police Commissioner, on the Situation of the German Jews in Minsk Ghetto

Minsk, 1942

7,000 German Jews, delivered to the Minsk Ghetto, present a special issue in the solution of the Jewish problem. These Jews are accommodated in different places in the ghetto which, according to the General Commissioner's wish, are separated from the rest of the ghetto territory, inhabited by Russian Jews, by means of a barbed entanglement. At present day the situation is as follows – the German Jews' lodgings are, not only surrounded with a barbed entanglement, but also separated from Russian Jews, while the ghetto itself has not been encircled with a barbed entanglement yet.

Though there are fewer specialists among German Jews, but taking into account their language knowledge and a higher culture level, they should be treated in a gentler way than the Russian Jews. The following information is of interest, as it reflects the real-life situation in the German ghetto: There are 7,000 Jews. Among them 1,800 people can work. 900 of these 1,800 cannot be used at work at the moment because of the diseases caused by malnourishment. The diseases are mainly the following:

- 370 – dysentery
- 102 – frostbite
- 135 – festering wounds
- 210 – conjunctive eye inflammation
- 25 – pneumonia
- 63 – flu and rheumatic diseases
- 30 – diseases of the urinary bladder

This information is as of December 31, 1941. The diseases among Russian Jews are similar. Only that the percent of the sick, according to the general acknowledgement, is even higher.

The German Jews are especially grateful to Commissioner General Gauleiter Kube for the care he takes of them. When Kube visited the Minsk Ghetto in November 1941, he learned that the relatives of some of the German Jews are fighting at the front. He took interest in this fact and promised to report it to the Führer.

Gauleiter Kube paid attention to two Jewish girls of quite Aryan appearance. He ordered the political leader to state their identity and to dismiss them from the ghetto. One of them worked later in the Commissioner General's office, combining the jobs of stenographer and barber. She was even allowed not to wear the "David star", in order not to hurt the feelings of Germans whom she shaved and not to irritate them by the sight of the Jewish star.

The elder of the ghetto was received by the Commissioner General and had an extensive opportunity to express all of his complaints. Before this, the elder deputy had complained that an old NSDAP¹⁰¹ member had threatened to beat him or even to shoot him with a bullet in the head. Numerous complaints were also made by the Jewish Council against Hauptsturmführer, of SS Headquarters, and against the heads of police about their beating of Jews for unsatisfactory work.

Taking into account the numerous complaints of the Jewish Council about the outrageously poor nutrition of German ghetto inhabitants, a question has been discussed about handing over the supply and support of the German ghetto to the Wehrmacht [Army]. The head of the Financial Department of the Army declared that, with the scale of Army food supplies, supporting 7,000 Jews presents no problem whatsoever.

The majority of German Jews, after they arrived in Minsk, believed that they had come here in order to colonize the Eastern lands. But after they had been herded into the ghetto and treated badly for a long time, a rumor spread that their resettlement is a temporary one, and that they will be allowed to return to Germany after the war is finished. The majority of Jews keep to this version, which helps them overcome the difficulties of their everyday life, and only a small number of them see their real future clearly, but they do not dare to speak about it aloud.

In this situation the amazing quality of Jews to adapt themselves, to which they resort to make life a bit easier, became apparent.

For example, Jews in these hard conditions organized a Jewish variety show, in which relatively good performers take part.

¹⁰¹ [National Socialist German Worker's Party]

From the talks among Jews themselves, one can conclude that there is sexual life in the ghetto. It is difficult to say whether it is done for itself, or it is dictated by the care for the tenacious posterity.

The overcrowded housing conditions – thousands of Jews live in a very small space – naturally lead to spreading contagious diseases.

As so, as spring comes, it is necessary to take this fact into account, as the ghetto presents a hotbed for catching diseases, from where they can spread not only to the Byelorussian population, but also to the German Army and citizens.

The confiscation of woolen and fur clothes, carried out in the ghetto in January 1942, yielded the following results:

Coats – 329

Jackets – 159

Different fur articles – 128

Muffs – 300

Fur collars – 2,146

Fur caps – 100

Boas – 440

Large scale annihilation of the Jews, even if permitted by economic interest, is impossible because of the climate conditions: the ground is too frozen-through and hard. It makes it impossible to dig out the graves and to bury the corpses.

Burkhard, Obersturmführer SS and Criminal Commissioner

NARB, fund 1216, inventory 1, doc. 3, pp. 253—261. Translated from German.

Testimony of G. Hoiser about the Assassination of Jews in Blagovshchina of Minsk Region in 1942

...I drove to the trench. Each driver knew where the execution place was. The execution was being carried out there by Burkhardt, according to the order of division IV. I was overtaken by a lorry with Jews, which stopped at a small, low-growing wood. We drove further to its left side, where there were many lorries. I got out, took out a pistol, took off my coat and went to the nearer end of the trench, in which dead Jews were lying. The trench was about 20 meters long and not less than 2 meters deep. Later the trenches were made deeper. When I came up to the trench I unlimbered my gun. The other guards were already shooting. I started shooting too. First I shot at the Jews lying in the trench, at those who were still alive. Then, like other guards, I started shooting at the back of the heads of the Jews standing at the trench... Shortly before the lunch break, Strauch and I drove to the village, where lorries with the Jewish luggage were waiting... The total number of Jews delivered to the trenches is not known. But each train contained a thousand Jews.

The next morning, at about 8 o'clock, I drove to the place of the execution. I do not know the exact number of those killed by me. I was shooting. There were Jewish women there, there were no children. The children were killed during the raid in the ghetto...

At this time, two trains from the West arrived in Minsk. We directed the Jews to the station Minsk-Tovarnaya and, from there, to the ghetto. There was not enough space for them, but it was not taken into account at that time (later those Jews were exterminated). I was in Minsk during the big annihilation raid of Jews in July 1942.

Starting in September, I carried out my usual, former service.

In September and October 1942, I took part in three actions connected with trains arriving from the West. Two of them arrived in September. During one of the executions, I was commanding an execution at one of the trenches. I was shooting too. During the other action in September 1942, I was first at the place where the Jews came off the lorries, and then I shot them at the trenches...

During the third action, (October 1942) another train with Jews from Germany arrived. I again was shooting them...

Kolh Paul. *Ich wundere mich, daß ich noch lebe [I Am Amazed to Be Still Alive]*. Gutersloh: 1990. p. 221. Translated from German.

Letter of Head of the Eastern Lands Security Police Hauptsturmführer Trüges to the State Security Central Administration About Additional Supply of Mobile Gas-chambers

1942

The trains with Jews that are to be subjected to special treatment arrive weekly at the administration of the Head of the Security Police and at the Security Service of Byelorussia. The three mobile gas-chambers that they have are not sufficient for this objective. I am asking for delivery of one more mobile gas-chamber (five-ton lorry). At the same time, I am asking for 20 gas-pipes for the vehicles that are at our disposal (two – Diamond, one – Sauer), as those pipes with which the cars are already equipped leak.

Nuremberg Trial. Proceeding. M. 1954. Vol. 1. p. 833.

From the Report of Untersturmführer SS Doctor Bäkker on the State of the Mobile Gas-chambers

16 May 1942

...The examination of mobile gas-chambers of type "D" and "S" is complete. While the mobile gas-chambers of the first type can be used in any weather, the vehicles of the second series "Sauer" get out-of-order completely in rainy weather. For example, if they stay in rain for more than half-an-hour, they cannot be operated any longer because they skid. These vehicles can be used only in absolutely dry weather. The question is whether the mobile gas-chamber can be used while it is standing at the place of execution. First, it must be delivered to the execution place, which is possible only in good weather. Second, an execution place is usually situated 10-15 kilometers away from the road and is rather difficult to get to. When it is muddy and wet, it is impossible to drive to it at all. If the people who are to be annihilated are taken to the place in a car or on foot, they quickly understand what is going on and get nervous, which is to be avoided by all means. There is only one way to achieve it – to load them into the vehicles in one place, and then to deliver them to the execution place.

I ordered to disguise the vehicles of "D" type as residential trailers, by means of attaching a pair of window shutters on each side of the smaller gas-vehicle, and two pairs of shutters on each side of bigger ones, so that they look like small peasant houses, which one can see in the country. These vehicles have become so well-known, that they are called "murder-buses", not only by the authorities, but also by civilians...

The gas is not always used correctly. Sometimes a driver wants to finish everything as fast as possible and presses the gas pedal to full. Thus, the people die from asphyxia, and not from gas poisoning, as was planned. After drivers started fulfilling my instructions, it became clear that at the correct position of the operating level, the prisoners fall fast asleep peacefully. One does not see the distorted faces and excrements any more, as before.

I am going to continue my inspection trip today and visit Group "B", where I will be able to get further information.

Nuremberg Trial. Proceeding. In 8 Volumes. Vol. 5. M. 1991. pp. 646—648.

Announcement of Housing Department of Minsk City Commissioner's Office of Resettlement of Minsk Inhabitants in Private Houses on the Former Territory of the Ghetto

10 September 1942

All owners who, when the Jewish ghetto was established, had to leave their houses and to change houses with Jews are obliged, within 10 days, to present themselves at the Housing Department of the Minsk City Commissioner's Office (Room № 42) for permission to return to their old houses on the former territory of the ghetto.

Resettling in private houses is to be carried out within the period of time stated by the Housing Department.

In case the owners of a house do not move into it during the stated term, enforceable resettlement will be carried out.

In order to get permission for moving houses, the owners are to present the house ownership document and the exchange certificate.

Housing Department of Minsk City Commissioner Office

Belaruskaya Gazeta [Byelorussian Newspaper]. September 10, 1942

Office Memo of Town Inspector Loebel on the State of Minsk Ghetto after the Annihilating Raid in August 1942

Minsk, 16 November 1942

At the end of July and the beginning of August 1942, a raid was carried out in the ghetto. Right after it, guarding and transportation of the movable property left by Jews were arranged with all possible responsibility. The main difficulty in preserving the property was, first, the lack of cars, and, second, the shortage of petrol. That is why the provision of property security took a longer time.

Then a store-house in the ghetto itself, in which this property can be kept, was arranged in order to avoid the long-distance transportation. According to the achieved agreement with the Security Police, its head [the head of the security police] reinforced the ghetto police district with German and Byelorussian police agents; however, the available forces turned out to be insufficient for preventing the attempts of the local population to plunder the property [from the store-house]. Thus, after part of the ghetto was cleared of the Jewish movables, it was necessary to inhabit it immediately. According to the Gauleiter's wish, the best houses were to be occupied first by *Volksdeutsche* [people of German nationality] and Byelorussian policemen. The majority of *Volksdeutsche* refused to move into the vacant flats on ghetto territory, as they had better flats in other places. After this and according to the agreement with the Commissioner General, the idea of resettlement of *Volksdeutsche* was given up. The local inhabitants who were allowed to occupy the free flats on the former ghetto territory started repairing them at the expense of the neighboring houses. It was impossible to avoid it, as there were no building materials available, while the flats had been, for the most part, seriously damaged in the raid and had also fallen into decay as a result of Russian Jews having lived in them for a long time. In those houses, in particular, there were no window-frames or door-casings, etc.

Soon after the property was taken over by the Agricultural Company with Restricted Authority on August 1st, 1942, an official of the Housing Department pointed out to the Agricultural Company with Restricted Authority that they were also responsible for managing the real estate and that they could prevent the destruction of the houses and their separate parts by organizing a managing board, which would take care of the vacant houses on the former territory of the ghetto. On October 4th, 1942, that is, a month after a part of the

ghetto was cleared out, the Agricultural Company with Restricted Authority arranged such a managing board – “Managing Board 31”; thus, within this period of time, the Agricultural Company with Restricted Authority, in fact, did not control the property in that part of the ghetto at all. After this part of the ghetto was cleared, approximately 1,896 rooms became vacant. The total area of the vacant apartments that are to be inhabited by the local population equals about 15,000 square meters, and not 17,000 square meters, as stated by the Agricultural Company with Restricted Authority. Approximately 150 rooms of them were unfit for habitation. 1,220 rooms, or exactly 8,000 sq m, have been inhabited since then. The houses that have not been inhabited up to the present time, now, for the reasons stated above, need extensive repairs, which today, understandably enough, will be much more labor-consuming than complete repair of the houses [would have been] at that time.

NARB, fund 370, inventory 1, doc. 486, p. 21. Translated from German.

Notes to the Statistical Report “On the Final Solution of the Jewish Problem in Europe”

Berlin, 1943

Confidential Document of National Importance!

Reichsführer SS has received your statistical report, “On the Final Solution of the Jewish Problem in Europe”. He wishes that “special treatment of Jews” should not be mentioned at all. On page 9, the following is to be written:

“Transportation of Jews from the Eastern provinces to the Russian East:

Jews were transported in big groups ... through the camps, under Governor-General command ... Through the camps situated in the Varta region...”

Other wording is not to be used. I return to you a copy of the report, with the notes made by Reichsführer of SS, and ask you to change page 9 in the required way and send it back.

Obersturmbannführer

SS in Action. Documents of the SS Crimes. M., 1960. p. 156.

Protocol of the Examination of the Place of Mass Burial in the District of Jewish Cemetery in Minsk

July 24, 1944

I, Doctor Melnikova Evgeniya Ivanovna, in the presence of the engineer land-surveyor, Shafransky, and the local inhabitant, Ioffe, examined the stated place and found the following:

On the South and South-West sides of the Jewish cemetery 4 mass graves were found, situated along the road, leading from the center of Minsk to the suburb of Tuchinka. The graves are two meters away from the road. Three of them are located parallel to the road, on its south-west side, and the forth one is placed angularly to it, on the south side.

The size of the graves is as follows:

1st grave: 18 meters long and 5 meters wide,

2nd grave: 14 meters long and 5,5 meters wide,

3rd grave: 15 meters long and 5,5 meters wide,

4th grave: 18 meters long and 6 meters wide.

It is impossible to find the other graves at the adjacent territory, as it is occupied by service buildings

and facilities. However, the witnesses of their construction confirm the existence of other graves beyond a doubt, as they had found many corpses while the facilities were being built.

Minsk District State Archive, fund 7021, inventory 87, doc. 123, p. 85. Translated from Russian.

Inventory of Michael Treister's Publications Used in the Book:

"Visit to KGB." Newspaper *Aviv* № 1-2 2003, № 8-9 2005.

"Gleams of Memory." *Minsk Ghetto 1941-1943 Tragedy. Heroes. Memory.* Minsk: 2003.

"Cover of a Party-Membership Card." Newspaper *Aviv* № 7-9 2007.

Interview taken on June 11, 2000. Project Group of Belarus. *Does the Ghetto Still Exist?* Berlin, Hamburg, Göttingen 2003.

"Gleams of Memory." Newspaper *Aviv* № 10 2003, № 1-4, 6—9 2004, № 4, 10 2008.

"Gleams of Memory." *Vesti*, Israel. № 3102, 3107, 3112 2005.

"Minsk Ghetto. Gleams of Memory." *Topical Questions of Studies of Holocaust in Byelorussia during the Years of Nazi Occupation.* Minsk: 2005.

"We Stood Shoulder to Shoulder." Newspaper *Soviet Byelorussia* Aug. 1, 2006 .

"Touch the Truth." *Vesti*, Israel № 3158 2006 (as a co-author).

"Holocaust and the Jews' Resistance to Nazi in Byelorussia." *Proceedings of the Conference "15 Years of the Association of Jews – Former Nazi Prisoners"*. Moscow: 2006, Saint Petersburg: 2007.

Statement at the International Congress Claims Conference. Berlin: 13-14 November 2002.

Part II Photographs

Часть II Фотографии

Семья Трейстер. Отец Абрам Самойлович, мать Рахиль Хоновна, братья Илья, Соломон (справа), сестра Анна (в центре). Витебск, 1926 г.
The family of Treisters. Father Abram Samoilovitch, mother Rachel Honovna, brothers Ilya, Solomon (right), sister Anna (center). Vitebsk, 1926.

Миша Трейстер. Минск, 1937.
Misha Treister. Minsk, 1937.

Оккупанты на улицах Минска. 1941 г.
Invaders on the streets of Minsk. 1941.

Переселение в Минское гетто. 1941 г.
Resettlement of Jews into Minsk Ghetto. 1941.

План Минского гетто с уточнениями Михаила Трейстера.
Map of Minsk Ghetto with amendments made by Michael Treister.

Здание возле Юбилейной площади, в котором в 1941-1943 размещался юденрат Минского гетто. Минск, 1950 г.
The building near Yubileinaya (Jubilee) square in which the Jewish Council of Minsk Ghetto was located in 1941 - 1943. Minsk, 1950.

Одна из улиц Минского Гетто.
One of the streets of Minsk Ghetto.

Ограда Минского гетто. 1941 – 1943 гг.
The barbed-wire entanglement around Minsk Ghetto. 1941 – 1943.

JUDENRAT IN MINSK
 ЖЫДОВСКИ КАМІТАТ
 у Мінску

MELDUNGSLISTE Nr. 396
 ПІСЬМОВЫ ЛІСТОК

PASS Nr. 11111
 АМБАСТЫ

Name und Vorname: *Михайло*
 Прозвішча і імя: *Трейстер*

Geburtsjahr und Geburtsort: *1912*
 Час і месца нараджэння: *Віцебск*

Familienstand: *Unverheiratet*
 Сямейны стан: *Незалежаны*

Beruf: *Schmelzer*
 Сямейна-прафесія: *Смалар*

Wohnort ab 1929:
 Месца пражывання з 1929 г.:

Kinder im Alter bis 15 Jahre — Дзеці ў веку да 15 гадоў

Männliches Geschlecht — Мужчынскага полу
 Name und Geburtsjahr — Імя і час нараджэння

Weibliches Geschlecht — Жаночага полу
 Name und Geburtsjahr — Імя і час нараджэння

Unterschrift des Registrierenden
 Падпіс рэгістрацыйнага

Wohn- und Wohnort gefahren
 Куды і куды ездзіў

Рэгістрацыйны знак

Аусвайс узніка Мінскага гетто Міхаіла Трейстера. Мінск, 1942 г.
 ID of Minsk Ghetto Prisoner Michael Treister. Minsk, 1942.

Рабочая колонна узнікаў Мінскага гетто. В центре Міхаіл Трейстер. Мінск 1942 г.
 Column of workers from Minsk Ghetto. In the middle of the first row — Michael Treister. Minsk 1942.

Михаил Трейстер. Минск, 1944 г.
Michael Treister. Minsk, 1944.

Бывшее еврейское кладбище. Минск, 1948 г.
Former Jewish cemetery. Minsk, 1948.

Друзья по партизанскому отряду № 106. Макс Конюхов и Аркадий Тейф. Минск, 1945 г.
Friends and soldiers of partisan unit № 106. Max Konyukhov and Arkadiy Teif. Minsk, 1945.

Молодые паргизаны отряда № 106 Ефим Гольдин и кавалер двух орденов Славы Леонид Окунь. Минск, 1945 г.
Young partisans of Unit № 106 Efim Goldin and the holder of two orders of Glory Leonid Okun. Minsk, 1945.

Михаил Трейстер. Минск. 1945 г.
Michael Treister. Minsk, 1945.

From the personal record of Michael Treister – partisan of unit № 106. Minsk, 1945. NARB, fund 3500, inventory 7, doc. 299, p. 98.

"During the time of service in the partisan unit comrade Treister M.A. proved a model and disciplined partisan. He fulfilled commander's orders in an orderly way and took part in fights with Germans."

Средний брат Михаила Соломон (справа) на фронте. 1942 г.
Michael's middle brother Solomon (right) on the front. 1942.

Мать Рахиль Хоновна и сестра Анна. Минск, 1969 г.
Mother Rachel Honovna and sister Anna. Minsk, 1969.

Мать Рахиль Хоновна. Минск, 1973 г.
Mother Rachel Honovna. Minsk, 1973.

Сестра Анна с семьей. Ленинград, 1957 г.
Sister Anna with her family. Leningrad, 1957.

Старший брат Илья. Самарканд, 1963 г.
Eldest brother Ilya. Samarkand, 1963.

Михаил Трейстер на военных сборах. Брест, 1961 г.
Michael Treister at a military training session. Brest, 1961.

Михаил Трейстер. Тянь-Шань, 1965 г.
Michael Treister as a mountaineer. Tyan-Shan, 1965.

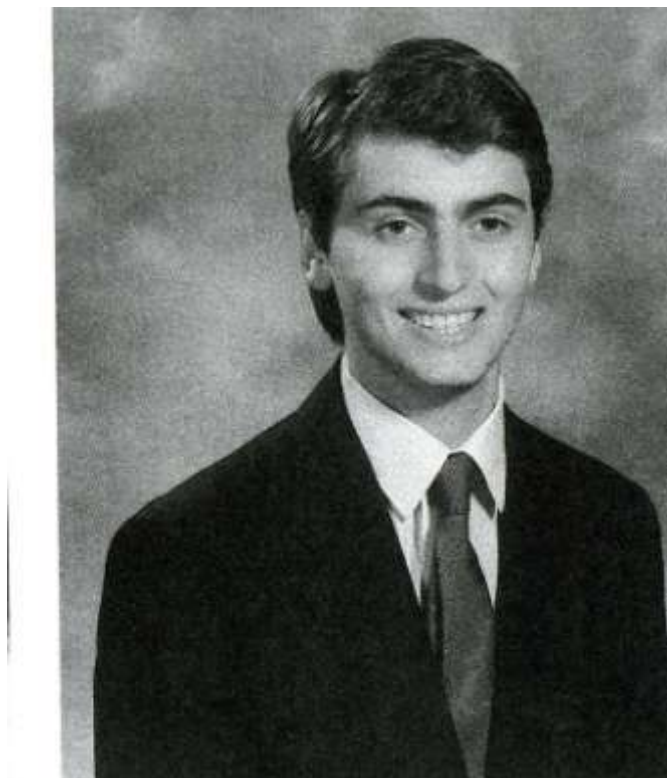
Михаил Трейстер со старшим сыном Александром. Минск, 1998 г.
Michael Treister with his eldest son Alexander. Minsk, 1998.

Сын Александр с женой Ларисой и младшей дочерью Мариной. Ашдод (Израиль), 2007 г.
Son Alexander with his wife Larissa and younger daughter Marina. Ashdod (Israel), 2007.

Дочь Виктория. Минск, 1991 г.
Daughter Victoria. Minsk, 1991.

Младший сын Артур. Бостон (США), 2003 г.
Younger son Arthur. Boston (USA), 2003.

Внуки Митя и Ваня. Москва, 1999 г.
Grandsons Mitya and Vanya. Moscow, 1999.

Внуки Митя и Ваня. Москва 2009.
Grandsons Mitya and Vanya. Moscow, 2009.

Техническая учеба с работниками ГПИ Энергосетьпроект на трассе ЛЭП. Минская область, 1958 г.
 Technical training for the workers of the Institute for Projecting of Energy Supply Networks at the mains electricity line. Minsk region, 1958.

Технический совет ГПИ Союзводоканалпроект. Минск, 1974 г.
 Technical council at the Institute for Water Supply and Canal Projecting. Minsk, 1974.

Бывший партизан отряда «Дяди Коли» Борис Млынский, Ленинград, 1986 г.
Former partisan from "Uncle Kolya's" unit Boris Mlynsky. Leningrad, 1986.

Друзья по войне. Бывший фронтовик Зиновий Шмеркович, бывшие партизаны Михаил Трейстер и Яков Негневицкий. Минск, 1995 г.

War friends. War veteran Zinovi Shmerkovich, former partisans Michael Treister and Yakov Negnevitsky. Minsk, 1995.

Партизанские друзья: Александр Каплан, Борис Млынский, Рита Каждан, Павел Рубинчик (слева-направо). Санкт-Петербург, 2003 г.

Friends from one partisan unit: Alexander Kaplan, Boris Mlynsky, Rita Kazhdan, Pavel Rubinchik (left to right). St. Petersburg, 2003.

С бывшим президентом БООУГК (Белорусское общественное объединение евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей) Феликсом Липским (четвертый слева-направо) в Налибокской пуще. 1998 г.

Michael Treister (third from left) with former President of Byelorussian Social Union of Jews, Former Prisoners of Ghettos and Nazi Concentration Camps Felix Lipsky (fourth from left) in Naliboksky Forest. 1998.

С председателем Союза евреев-ветеранов войны Александром Будницким. Минск, 2004 г.
Michael Treister with Alexander Budnitsky, Chairman of the Union of Jews, Veterans of WW II. Minsk, 2004.

У памятника партизанам отряда № 106, погибшим в бою 06.07.1944 г. Налибокская пуща, 2000 г.
At the monument to the partisans of Unit 106, killed in the battle of July 06, 1944. Naliboksky Forest, 2000.

Президент Международного союза евреев – бывших узников нацизма Ефим Гологорский и вице-президенты Михаил Трейстер и Павел Рубинчик. Санкт-Петербург, 2001 г.
President of International Union of Jews, Former Prisoners of Nazi Regime, Efim Gologorsky and Vice-Presidents Michael Treister and Pavel Rubinchik. St. Petersburg, 2001.

На Кирхентаге. Берлин, 2003 г.
At Kirchentag. Berlin, 2003.

В партизанских местах Налибокской пуши. Председатель колхоза им. Ленина Владимир Дешук, бывшие партизаны Павел Рубинчик и Михаил Трейстер, председатель Новогрудского райисполкома Анатолий Кулак (слева-направо), 2003 г.
In Naliboksky Forest at the place of partisan unit № 106 location. Head of Lenin kolhoz Vladimir Dshuk, former partisans Pavel Rubinchik and Michael Treister, chairman of Novogrudok district executive committee Anatoliy Kulak (from left to right), 2003.

Актив Международного союза евреев – бывших узников фашизма. Москва, 2004 г.
Group of activists of Union of Jews, Former Prisoners of Nazi Regime. Moscow, 2004.

Встреча белорусских и еврейских ветеранов Великой Отечественной Войны. Историческая мастерская, Минск, 2004 г.
Meeting of Byelorussian and German veterans of WW II. Historical Workshop, Minsk, 2004.

Михаил Трейстер, бывший посол Польши в Литве Ежи Бар, директор Исторической мастерской Кузьма Козак и посол ФРГ в республике Беларусь др. Хельмут Фрик. (справа-налево) Историческая мастерская, Минск, 2004 г.
Michael Treister, former Ambassador of Poland in Lithuania Mr. Jerzy Bar, director of Historical Workshop Kuzma Kozak and Ambassador of Germany in Byelorussia Dr. Helmut Frick (right to left). Historical Workshop, Minsk, 2004.

Руководители республиканских общественных объединений бывших узников нацизма Александра Борисова, Галина Романович, Михаил Трейстер и председатель Союза белорусских еврейских общественных объединений и общин Леонид Левин (слева-направо). Историческая мастерская, Минск, 2005 г.
 Leaders of Republican Non-Government Unions of Former Prisoners of Nazi Regime, Alexandra Borisova, Galina Romanovitch, Michael Treister and Leonid Levin, Chairman of Union of Public Associations and Communities of Jews in Byelorussia (left to right). Historical Workshop, Minsk, 2005.

На презентации книг Михаила Трейстера и Клары Хеккер. Историческая мастерская. Минск, 27 апреля 2007 г.
 Presentation of Michael Treister's and Clara Hekker's book. Historical Workshop. Minsk, April 27, 2007.

Члены белорусской и израильской делегаций на конференции бывших узников фашизма. Хельсинки, 2005 г.
Members of Byelorussian and Israeli delegations on the Conference of Former Prisoners of Nazism. Helsinki (Finland), 2005.

Бывшие узники нацизма из Белоруссии у памятника Бабьему Яру. Киев, 2006 г.
Former Prisoners of Nazism from Byelorussia at the monument of Babi Yar. Kiev, 2006.

«Тучинка», памятник жертвам погромов 7 и 20 ноября 1941. Установлен на месте захоронения около 14.000 человек. Минск.
 "Tuchinka", commemorative monument to the victims of annihilating raids of November 7th and 20th, 1941. Located at the place where about 14.000 people were buried. Minsk.

Мемориальный комплекс «Яма». Памятник евреям – жертвам погрома 2 марта 1942 г. Минск.
 Memorial monument "Yama" (Pit). Monument to Jews, victims of the annihilating raid of March 2nd 1942. Minsk.

Памятный знак на месте, где в 1941-1943 гг. находилась Центральная площадь Минского гетто.
Commemorative monument on the place where Central square of Minsk Ghetto was located in 1941-1943.

Памятники евреям, депортированным из стран Центральной и Западной Европы и погибшим в Минском гетто.
Memorial monuments to Jews who were deported to Byelorussia from different countries of Central and Western Europe and killed in Minsk Ghetto.

Открытие памятника берлинским евреям – жертвам Минского Гетто. Минск, 2009.
Opening of the monument to Berlin Jews who perished in Minsk Ghetto. Minsk, 2009.

Памятник патриотам, казненным 26.10.1941. Одной из казненных была Маша Брускина. Минск,
Monument to the patriots executed on October 26th 1941, including Masha Bruskina. Minsk.

На митинге памяти Маши Брускиной. Минск, 2003 г.

Michael Treister at the rally dedicated to the memory of Masha Bruskina (one of the executed on October 26th 1941). Minsk, 2003.

Михаил Трейстер, бывший узник концлагеря СС на ул. Широкой у памятного знака лагерю. Минск, 2002 г.

Michael Treister, former prisoner of the concentration camp of SS on Shirokaya St., at the commemorative monument on the place where the camp was located. Minsk, 2002.

Бывшие узники нацизма у памятника жертвам Холокоста под Ивенцом. 2002 г.
Former prisoners of Nazi regime at the monument to the Holocaust victims near the town of Ivenets. 2002.

Михаил Трейстер. Хельсинки, 2005 г.
Michael Treister. Helsinki, 2005.

Part III	Russian Original Text
Часть III	Русский оригинал

Михаил Трейстер

ПРОБЛЕСКИ ПАМЯТИ

ВИЗИТ В КГБ

ОБЛОЖКА ПАРТБИЛЕТА

Оглавление

Горькая память сердца	124
Холокост и Сопротивление евреев в Белоруссии	125
ПРОБЛЕСКИ ПАМЯТИ	128
ВИЗИТ В КГБ.....	159
ОБЛОЖКА ПАРТБИЛЕТА	168
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ (к повести «Проблески памяти»).....	174
Публикации Михаила Трейстера, использованные в книге	191

Научный редактор:
Козак Кузьма Иванович

Редактор:
Лясковский Виктор Леонидович

Предисловие

Горькая память сердца

Прошло 65 лет с тех пор, как нацисты уничтожили Минское гетто, одно из крупнейших на оккупированной территории бывшего СССР. Книга воспоминаний Михаила Трейстера, который в нем находился со дня его основания, и выжил благодаря мужеству, жажде жизни и счастливому стечению обстоятельств, посвящена короткой истории гетто, трагическим судьбам узников, испытавших на себе все муки ада.

Автор воспоминаний — не пассивная жертва, а человек, который активно противодействовал нацистской машине уничтожения людей, с оружием в руках защищал Родину, мстил за погибших родных и близких. Поэтому в настоящем сборнике собраны воспоминания не только о периоде его пребывания в Минском гетто, но и в партизанском отряде.

Несмотря на то, что о партизанском движении периода Великой Отечественной войны написаны сотни томов, об участии в нем евреев почти ничего не известно. Воспоминания в какой-то степени восполняют этот пробел и развенчивают миф о том, что евреи шли на смерть, как «стадо на бойню». К слову сказать, значительный вклад евреев в борьбу с нацизмом на оккупированной территории мог бы быть более весомым, если бы партизанское командование в ряде случаев не чинило препятствий вступлению в отряды евреев, уцелевших после фашистских истребительных акций и сбежавших из гетто.

Профессиональный специалист-электрик, главный инженер многих проектов Михаил Трейстер наделен несомненным литературным даром, позволившим с присущей ему страстностью и точностью донести до читателя правдиво написанные воспоминания, которые никого не могут оставить равнодушным. Они позволяют ощутить ту обстановку, которая давала мало шансов выжить.

Необходимость воссоздать историю Холокоста, чтобы он никогда не повторился, особенно важна сейчас: события, происходящие в последний период в разных странах, показывают, как живуча идеология нацизма. Неонацисты и их пособники пытаются «доказать», что трагедия еврейского народа в годы Второй мировой войны явно преувеличена или даже придумана. В ряде государств национализм, неонацизм и антисемитизм вспыхивают с новой силой, а свидетелей, оставшихся в живых, становится все меньше и меньше.

Именно поэтому мы должны помнить о том, что случилось с евреями во время Второй мировой войны, и передать память о катастрофе будущим поколениям. Этой задаче и служит книга вице-президента Международного союза евреев — бывших узников фашизма Михаила Трейстера.

*Президент Международного союза евреев – бывших узников фашизма,
академик Ефим Гологорский*

Холокост и Сопротивление евреев в Белоруссии

История знает немало трагедий народовбийства. Здесь слово «народ» употреблено не в смысле этнической общности, а как показатель масштаба преступлений. Это и турецко-армянская резня, и так называемые «социальные эксперименты» в Камбодже, и массовые политические убийства в Индонезии, и этнические в Руанде, и еще более знакомые нам сталинские репрессии, а также китайская «культурная революция». Однако даже на фоне этих массовых злодеяний невиданного масштаба Холокост занимает совершенно особое место.

Если прежде массы людей уничтожались по причине религиозной ненависти, захвата территорий или во имя «светлого будущего», то в процессе Холокоста евреи уничтожались только за то, что они евреи, или, говоря более точно, за сам факт их существования.

По словам Папы Иоанна-Павла II «XX век был веком безжалостной попытки уничтожения евреев». При этом идеологи и гитлеровское руководство третьего рейха даже не пытались скрыть или завуалировать причины этой массовой бойни. Более того, она была объявлена одной из основополагающих задач нацистского государства.

Остается лишь добавить, что на все это равнодушно взирал ряд стран антигитлеровской коалиции, в том числе нейтральная Швейцария, а некоторые из них даже отказывали евреям-беженцам в выдаче транзитных виз для проезда в третьи страны.

Таковы некоторые факты, определяющие Холокост, как явление совершенно уникальное. Итогом явилось уничтожение шести миллионов евреев, то есть около 60 процентов проживавших в довоенной Европе. Сюда не входят потери среди евреев, воевавших в армиях стран антигитлеровской коалиции, прежде всего в Красной Армии и в партизанских отрядах. Эти потери, вероятно, могут быть ориентировочно оценены в полмиллиона человек.

Теперь о Белоруссии. На фоне общей уникальности Холокоста судьба евреев в этой республике бывшего СССР во многом отличается от того, что нам известно о других оккупированных территориях.

Общие потери Белоруссии составили, по разным источникам, от одной четверти до одной трети ее населения, в том числе около 800 тысяч евреев, то есть почти 97 процентов всего еврейского населения, оставшегося на этой оккупированной территории. Другими словами, в живых осталось два-три человека из ста. Это те, кому удалось бежать из гетто, дойти до партизанских зон и, главное, быть принятыми в отряды. Есть основания полагать, что в партизаны попадал один из трех или четырех бежавших из гетто. Остальные лежат в безвестных могилах по дорогам в леса. Таких могил тысячи.

В числе немногих уцелевших были и те, главным образом — дети, которых, рискуя собственной жизнью и жизнью своих семей, спасало местное население. И это был героизм не менее высокий, чем подвиг на поле боя. Сегодня этим негромким героям иерусалимский институт Яд Вашем присваивает звание «Праведников народов мира». В республике его удостоились более 700 человек, в том числе ныне живущих — почти 50. Уверен, их было намного больше, но слишком поздно в нашей стране начали этот поиск.

Особенность Холокоста в Белоруссии еще и в том, что здесь, в отличие от ряда других регионов, истребление было поголовным. Если, например, в Транснистрии, в силу специфических условий румынской оккупации, какой-то процент узников гетто пережил войну, если в страшных лагерях смерти типа Майданека и Освенцима, кто-то дождался освобождения, то Белоруссия уже в октябре 1943 года, за девять месяцев до освобождения, стала, по определению гитлеровцев, полностью «юденфрай», то есть свободной от евреев.

Чтобы покончить с цифрами, следует напомнить, что в Белоруссии нацисты организовали более двухсот гетто, большинство из которых полностью уничтожили уже через недели и месяцы после начала оккупации. Сегодня в республике насчитывается

более 500 мест массового захоронения жертв Холокоста, около ста из них пока еще не обозначены памятниками. Многие памятные знаки требуют восстановления.

Еще одной отличительной особенностью Холокоста в Белоруссии является движение Сопротивления и участие евреев в партизанской борьбе. Уже в августе 1941 года в Минском гетто была создана подпольная организация. В целях конспирации она состояла из отдельных, изолированных друг от друга, групп по 5-10 человек. Основные задачи — вывод боеспособных людей в партизанские отряды, сбор оружия, одежды, медикаментов, создание подпольной типографии. Организаторами подполья в Минском гетто стали Смоляр, Фельдман, Киркаешто, Пруслин, Гебелев и другие. Михаил Гебелев в мае 1942 года был утвержден секретарем подпольного райкома, действовавшего на территории гетто. В августе 1942 года его казнили оккупанты. (В октябре 2005 года его имя присвоено одной из улиц Минска.)

Общегородским подпольем руководил Исай Казинец, который также был казнен в 1942 году. Он посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Подпольные организации действовали также в Копыле, Клецке, Несвиже, Глубоком, Лахве, Слониме, Мозыре, Мире, Барановичах и ряде других гетто Белоруссии. Во многих из них было организовано вооруженное сопротивление. Списки евреев, принимавших участие в партизанских формированиях Белоруссии, опубликованы в недавно увидевшей свет книге «Встали мы плечом к плечу...» В них включены только те народные мстители, которые значились евреями в партизанских документах. Надо ли говорить, что в то время не все стремились афишировать свое происхождение: окажись документ в руках немцев, он стал бы смертным приговором.

Итак, список партизан, доживших до освобождения, содержит 7442 фамилии, в том числе руководителей партизанских формирований на уровне бригад, отрядов, полков и батальонов (были и такие единицы) — 92. В списке № 2 — погибшие в борьбе: 1023 человека. Итого общее количество — 8465 человек. Можно предположить, что с учетом тех, кто в партизанских документах проходил под другой национальностью, цифра была бы еще более внушительной. Следует также учесть, что число узников, бежавших из различных гетто и не сумевших попасть в отряды, было намного большим.

В заключение приведу два интересных документа из книги профессора Э. Г. Иоффе «Страницы истории евреев Беларуси» (Минск, 1996). Они показывают, как нас оценивали наши «друзья» и наши враги.

Вот что П.К.Пономаренко, первый секретарь ЦК КПБ (с 1942 года начальник Центрального штаба партизанского движения), писал в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину («Записка» датируется не позднее 12 июля 1941 года и до недавнего времени считалась «совершенно секретным» документом):

«...Настроение белорусов исключительно патриотическое. ...Как вывод, должен подчеркнуть — исключительное бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу колхозников в отличие от некоторой части служащего люда городов, ни о чем не думающих, кроме спасения шкуры. *(Интересно, о чем думал сам Пономаренко, оставив свой народ за три дня до оккупации Минска? — Э. И.)* Это объясняется в известной степени большой еврейской прослойкой в городах. Их объял животный страх перед Гитлером, а вместо борьбы — бегство...»

(Естественно, что такие реляции не улучшали отношения к евреям «отца всех народов», у которого и своего антисемитизма хватало. Зерна гитлеровской пропаганды падали на хорошо унавоженную почву нашей «мудрой» национальной политики. В результате И.В.Сталин, безусловно, зная о поголовном уничтожении евреев на захваченных территориях, ни разу не возвысил свой голос протеста против этого варварства. Более того, не призвал мощную структуру партизанского движения, руководимую густой сетью подпольных обкомов и райкомов, к спасению хотя бы еврейских детей. А ведь мог. Это безразличие вождя к судьбе уничтожаемого народа в известной мере определило и отношение к евреям со стороны командования многих партизанских формирований. И тут, как говорится, из песни слов не выкинешь.)

А вот как оценивал роль евреев в партизанской войне генеральный комиссар Беларуси (в сентябре 1943 года его взорвали партизаны) В. Кубе в письме рейхскомиссару Лозе от 31 июля 1942 года:

«Во всех вооруженных столкновениях с партизанами в Белоруссии выяснилось, что еврейство как в бывшей польской, так и в советской частях генерального округа с польским движением Сопротивления на западе и красноармейцами на востоке, является главным вдохновителем партизанского движения».

И еще одно свидетельство. На немецкой выставке «Преступления вермахта», которая экспонировалась в 2002 году в ряде городов Германии, один из разделов назывался: «Еврей — это партизан, партизан — это еврей». Вот так.

И в заключение — пикантная деталь. Совсем недавно бывший мэр Москвы Гавриил Харитонович Попов в интервью на радио «Свобода» привел слова своего бывшего соседа по даче Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко о том, что «каждый десятый партизан Беларуси был евреем». Конечно, это явный перебор, однако интересно, что заставило этого сталинского сокола так резко изменить позицию?

В трех, сюжетно не связанных между собой частях книги, автор попытался затронуть не только вопросы гитлеровского геноцида, но и некоторые болевые точки истории минувшего века, в том числе сталинские репрессии и извечный антисемитизм, расцветающий махровым цветом, когда становится «неладно что-то в Датском королевстве».

В приложении приведены архивные документы периода оккупации Беларуси 1941-44 гг.

Можно лишь добавить, что без знания прошлого невозможно понимание настоящего и предощущение будущего.

Михаил Трейстер,

вице-президент Международного союза евреев — бывших узников фашизма

ПРОБЛЕСКИ ПАМЯТИ

(Автобиографическая повесть)

Войну, гетто, Холокост описать невозможно. Эти темы слишком огромны даже на расстоянии в шесть десятилетий. Только отдельные проблески памяти позволяют воссоздать хоть какую-то картину событий. Для каждого — свою.

*Эту повесть я посвящаю моей матери
Рахили Хоновне Трейстер (Пастернак),
самому дорогому мне человеку,
перед которым я в неоплатном долгу*

На круги своя

За 45 лет инженерной службы и увлечения туризмом судьба помотала меня от Калининграда до Камчатки и от Иссык-Куля до Белого моря, не говоря уже о родной Белоруссии. Однако у истоков семьи — на родине предков — так и не побывал. Все откладывал до удобного случая. Наконец пришел черед и для этого «хаджа».

В 1992 году меня командировали в Верхнедвинск для участия в выборе площадки под огромный целлюлозно-бумажный комбинат. Потом от этого экологического злодеяствия, слава Богу, отказались, так что повезло одному из последних чистых уголков Беларуси. Повезло и мне: Верхнедвинск — это и есть Дрисса, родина отца. Лежит она на крутом берегу Западной Двины.

Мать родилась тоже на Двине, в Друе, на самой границе с Латвией. Это километрах в двадцати вниз по течению. В обход туда около пятидесяти, в оба конца — сотня. Выкроил свободный день. Где пешком, где на попутках — и вот я на родине мамы, о которой она мне так много рассказывала. Жаль, плохо слушал.

Совершенно потрясающий уголок. Холмы, сосны, чистейшая речка Друйка.

Дрисса и Друя... Уютные местечки, где евреи когда-то составляли большинство. Теперь здесь только братские могилы жертв Холокоста и старые еврейские кладбища.

В братских могилах Дриссы — около 800 человек, Друи — около 1300. А почему «около»? Ведь человек — это целый мир, каждая жизнь бесценна. Да, это так, но Холокост, как и война, не знает точных цифр. Около 100 тысяч евреев — жертв Холокоста в Минске, около 800 тысяч — в Белоруссии, около 6 миллионов — в Европе. Около 60 миллионов — общее количество душ, унесенных ветром Второй мировой. Всё — «около». Это для кого-то погибшие мать, брат, ребенок — целый мир, незаживающая рана, а для истории — «лес рубят, щепки летят». Кто их сосчитает, эти «щепки»?..

Особо запомнилось старое еврейское кладбище в Друе. Песчаный холм, поросший сосновым лесом. Лежать бы людям спокойно, так нет же. Все изрыто черными старателями в поисках «еврейского золота».

Здесь лежат многие поколения и моих предков, но их могил найти не удалось. Все надписи на моем родном языке, который я так и не одолел. Пришлось поклониться сразу всему кладбищу.

Местные люди сочувственно отнеслись к моим розыскам, помогали в поиске, отказывались от денег за цветы из своих палисадников.

Это ностальгическое путешествие пробудило воспоминания о семье, родителях, доме и далеком теплом детстве, которое закончилось воскресным утром 22 июня 1941 года.

Семья

Война нарушила связь времен, и я почти ничего не знаю о своих предках. Бабушек и дедушек мне видеть не довелось. Знаю, что отец мамы торговал лесом, что было у него восемь сыновей и одна дочь. Жили в большом доме, держали несколько коров. Дед, Хона Пастернак, слыл набожным и суровым человеком. Домашних держал в ежовых рукавицах. Судя по рассказам мамы, к нему вполне подошли бы слова Тевье-молочника, сказанные священнику: «Я — русский мужик еврейской национальности иудейского вероисповедания».

Мать и ее братья получили приличное по тем временам образование. Дед с бабушкой умерли до войны, а все мамины братья погибли во время — кто в Латвии, кто в блокадном Ленинграде, один — в Минском гетто. Выжила только мама.

Многие из последующего поколения семьи Пастернаков воевали в Красной Армии и в армиях союзников. Один, Иосиф Пастернак, в 24 года закончил войну подполковником

Латышской национальной дивизии. Их дети и внуки теперь живут в разных странах мира. Почти все следы утеряны.

Семья отца была победнее, да и поменьше — двое сыновей, две дочери. Очередные поколения также разбросаны по миру. К сожалению, война и последующие передраги не способствовали укреплению дальних родственных связей.

Мои родители, Абрам Самойлович Трейстер и Рахиль Хоновна Пастернак, поженились в 1915 году. После придвинских местечек была Украина, охваченная Гражданской войной, петлюровские погромы, несколько лет жизни в Сумах, где родились старшие братья: Илья (1917 год) и Соломон (1919 год). Потом был Витебск. Там на свет появились сестра Анна (1924 год) и автор этих строк (1927 год). В Витебске отец работал главбухом одного из заводов. Вероятно, считался хорошим специалистом, так как в 1928 году его перевели в Минск на должность главного бухгалтера треста, объединявшего все заводы республики. Умер он в 1938 году в возрасте 48 лет. Умер своей смертью, что в те годы считалось большой удачей. В 1937-1938 годах в его тресте сменилось несколько управляющих. Каждый оказывался то троцкистом, то уклонистом, то агентом польской, английской или, хуже того, японской разведок.

Да что там трест! «Врагами народа» оказались все высшие руководители республики: председатель ЦИК Александр Червяков, председатель Совнаркома Николай Голодод, секретарь ЦК КП(б)Б Николай Гикало.

О генералах и маршалах и говорить не приходится — сплошные «враги»: Василий Блюхер, Александр Егоров, Михаил Тухачевский, Иона Якир, Иероним Уборевич, легендарный летчик, дважды Герой Советского Союза, уроженец белорусского еврейского местечка Яков Смушкевич... Всех не перечесать. Потом, правда, оказалось, что все они хорошие люди, честные коммунисты. Их именами стали называть улицы и пароходы. Но все это потом... Так что отцу действительно повезло умереть своей смертью.

К началу войны старший брат Илья окончил Политехнический институт, средний, Соломон, служил в армии, сестра окончила девять классов, я — шесть.

Был у нас еще один член семьи: полька Юзефа Никодимовна Кудак, моя няня Юзя. Она жила с нами в Витебске, потом несколько лет в Минске, а когда вышла замуж, стала жить отдельно.

Несколько слов о довоенном быте семьи. Отрыв от местечка, перипетии революции, Гражданской войны и реалии довоенной жизни привели к образованию некоего слоя естественно ассимилированной еврейской интеллигенции. Говоря короче, это был слой, для которого национальность и конфессия перестали быть главным определителем. Основными критериями стали профессионализм, должность, партийность, настоящая или чаще показная гражданская активность. Бытовали даже такие характеристики, как «беспартийный большевик», «сочувствующий», «попутчик». Думаю, что к отцу это не относилось. Он скорее был беспартийным трудоголиком.

Не припомню, чтобы в семье соблюдали религиозные обряды. Вероятно, среди госслужащих это не было принято. Родители говорили между собой на идише только тогда, когда надо было что-то скрыть от детей.

Дома всегда чисто и спокойно, никакой ругани, никаких воплей. А когда отец приходил с работы и садился за стол (в одной руке ложка, в другой газета), дом затихал, и не потому, что боялись, а просто понимали, что человеку надо перевести дух. Эти спокойные отношения так и остались основным воспоминанием и итогом семейного воспитания.

В доме — хорошая библиотека, из которой я почти полностью перечитал собрания Джека Лондона, Жюль Верна, Герберта Уэллса. Из всего прочитанного, особенно из Джека Лондона, усвоил главное — человек может все. Возможно, это и помогло пережить войну.

При мне родители ни разу не повысили друг на друга голос. Нам порой доставалось, но без рукоприкладства и всегда за дело.

И еще одно воспоминание той поры — сплошной дефицит. О хорошей одежде или о так называемой «модельной» обуви мечтали годами. Мне костюмы перешивали из отцовских. На весь Союз — две марки ручных часов: мужские — «Кировские», величиной с карманные, только с ушками для ремешка, и женские — «ЗИФ». Эти были поменьше.

Велосипед — недостижимая мечта. Запомнился трагикомический случай. Продавца, выдававшего у входа в магазин очередникам по списку чеки на велосипеды, сдавали так,

что он потерял сознание. В толпе оказался друг моего старшего брата, очень сильный парень Ваня, который подхватил продавца на руки и отнес его в магазин. Ну а тот, очнувшись, сунул своему спасителю чек. Этот велосипед был предметом зависти всей компании.

В народе ходили легенды о временах изобилия ликвидированного НЭПа. Никто не верил, что в магазинах тогда было пять сортов колбасы.

Дом и улица

Жили мы на тихой зеленой улице в десяти минутах ходьбы от Дома правительства, что было обычным для довоенного Минска. Снимали половину частного дома — трехкомнатную квартиру с маленьким кусочком земли. У хозяев такая же квартира с большим огородом и садом. Удобства — в конце огорода, вода — в колонке на улице.

Хозяин дома Иосиф Александрович Скуратович, повар школы милиции, в 1937-м тоже оказался «врагом народа» и навсегда исчез в бездонном чреве ГУЛАГа. Его сына Юру, одного из моих друзей, на год-два старше меня, после освобождения Минска в 1944 году сразу отправили на фронт, где такими «годными и не обученными» новобранцами затыкали все дыры. (Горько об этом говорить, но по «прейскуранту» того времени люди, пережившие оккупацию, считались вторым сортом, а вернувшиеся из концлагерей и плена — третьим. Это отчасти относилось и к бывшим узникам гетто.) Юра погиб в первом же бою. Вот так его мать Елизавета Васильевна осталась одна без мужа и единственного сына.

Еще один друг по улице (в школе была своя компания), Вася Беляев, эвакуировался в Горький, вернулся, учился, защитился и стал доктором наук, профессором БПИ. Однажды мне пришлось сдавать ему экзамен по металловедению. Правда, тогда он был еще доцентом.

Третий товарищ, Юра Сидоренко, тоже был призван в 1944 году, серьезно ранен. Это не помешало ему окончить мединститут и стать доктором наук, отцом белорусской кардиохирургии.

Так распорядилась война судьбами моих довоенных товарищей.

Еврейские семьи нашей улицы, а их было около половины, представляли собой пример социального среза общества. С одной стороны — служащие относительно высокого ранга (управляющий стройтрестом Поляков, директор фабрики «Октябрь» Каганов, мой отец), с другой — квалифицированные рабочие, члены профсоюза (в те годы это было немаловажно) и ремесленники. Эти проживали главным образом в жактовских домах, пропахших примусами и коммунальным бытом. На брандмауэрах таких домов красовался железный знак «Ж», похожий на огромного ржавого жука. С третьей стороны — откровенная беднота. Запомнилась нищая семья с бесчисленными детьми из уголовного полуподвала. С чьей-то легкой руки за их жилищем закрепилась кличка «царский дворец». До сих пор это словосочетание вызывает в памяти не Эрмитаж или Ливадию, а ораву веселых мурзатых оборванцев.

В других районах Минска обитали евреи, владевшие домами, земельными участками, а также разной живностью, включая лошадей.

Потом гетто и Тростенец уравнили всех.

Белорусское население улицы — основательные хозяева с хорошими домами, ухоженными садами и огородами: Скуратовичи, Филановичи, Матусевичи... Часть, конечно, проживала вперемежку с еврейскими семьями в жактовских домах.

Короче говоря, на нашей улице Розы Люксембург общество, как и везде, являло собой многослойный пирог с различной социальной и национальной начинкой.

Жили дружно. Если и случались конфликты местного значения, то только из-за несанкционированного набега соседской курицы на чужой огород или снайперского попадания мячом в «девятку», то есть в окно соседа.

Еще раз про это

Мне часто задают вопрос: был ли в Белоруссии до войны антисемитизм?

Отвечаю: государственного не было. Об этом говорит довоенное количество евреев на руководящих должностях в промышленности, медицине, в армии и даже в партии. О

музыке, кино, эстраде и торговле уже и говорить нечего. А что касается антисемитизма бытового, то он никуда не делся, а просто пребывал в латентной (скрытой) форме.

Причин этому было несколько, но основных, на мой взгляд, две. Во-первых, пребывала в загоне религия. Хорошо ли это? Нет, плохо. Даже очень плохо. Но, да простят меня верующие всех конфессий, религия при всей своей роли духовного воспитателя все же способствует разделению людей по национальному признаку. И не только. Достаточно вспомнить, на какое количество направлений и субконфессий разделены основные мировые религии. Неужели кто-нибудь станет утверждать, что это способствует объединению людей даже в пределах одной религии и одной нации?

Во-вторых, до войны не только существовал, но, в отличие от нынешнего времени, и действовал закон, карающий за оскорбление национального достоинства и разжигание межнациональной розни.

Что касается нас, довоенных ребят, то, если мы и знали, кто есть кто, это никак не влияло на наши взаимоотношения. В цене были иные качества, определявшие достоинство пацана.

В компаниях старших братьев также царил полный интернационал. За нашим большим обеденным столом иногда умещалось человек двадцать. Щелкали орехи, пили крем-соду. Странно, но как-то обходились без спиртного. Потом танцевали до упаду. При этом парней и девушек интересовала в основном одна тема, но вряд ли это был национальный вопрос. Кстати, и женились потом, далеко не всегда соблюдая национальный критерий.

В войну и послевоенные годы бацилла межнациональной розни ожила и активизировалась благодаря гитлеровской пропаганде и «мудрой национальной политике отца всех народов» И.В. Сталина, достигнув кризисной точки в 1948-52 годах (от убийства Михоэлса до «дела врачей»).

Теперь, похоже, начинают вспоминать, что, как сказано в Евангелии, во Христе «нет ни эллина, ни иудея» и что все мы на одном корабле. Но это уже другая тема.

Кстати, в довоенных свидетельствах о рождении не указывалась национальность родителей.

Школа

В нулевой класс меня «отдали» в 1934 году. Это была образцовая средняя белорусская школа № 25 имени Александра Червякова. Все предметы преподавались на белорусском языке. Не знаю, почему родители выбрали именно эту школу, но она стала нашей семейной: в ней учились оба старших брата и сестра.

Милая, уютная довоенная школа № 25. Предметы любимые и не очень. Учителя: Александр Трофимович Мухин, Владимир Петрович Гулис, Вульф Данциг, Ханина, Михлин. Всех и не упомнишь. Много их было, отдававших нам, лоботрясам, свои силы, знания, представления о мире.

В 1937 году школа перестала носить имя Червякова, поскольку он был «разоблачен» и расстрелян. В те годы мы чуть ли не ежедневно вычеркивали из учебников истории очередного врага народа, предварительно выколотив ему глаза острой ножкой циркуля.

Все дружно восхищались пограничником Карацупой и его собакой Индусом, которые почти ежедневно ловили шпионов, иногда с помощью бдительных пионеров. Все мы свирепо завидовали этим пионерам и даже собаке. Каждый мечтал поймать хотя бы одного шпиона и сдать его куда следует, чтобы о нем потом написали в «Пионерской правде». Но шпионов на всех не хватало.

Образцовая школа сохраняла добрые старые традиции прежних гимназий, даже швейцар Зинович носил усы и лампасы. Она стояла приблизительно там, где теперь почтамт, и была полностью разрушена при первой бомбежке 24 июня 1941 года, как и весь центр города.

Кстати, недавно мне вновь пришлось окунуться в далекое прошлое. Меня разыскала минская гимназия № 25 имени Риммы Шершневой, которая, хоть и расположена совсем в другом районе, но вместе с номером унаследовала славные традиции нашей довоенной школы. А Римма Шершнева — девочка из 9-го класса, одноклассница моей сестры — наша пионервожатая. Она в 1941-м эвакуировалась, окончила диверсионную

школу, была заброшена за линию фронта и 7 декабря 1942 года при штурме немецкого гарнизона погибла, прикрывая собою раненого командира. Ее имя присвоено еще и гимназии № 1 города Любань, где она похоронена на центральной площади.

К слову, наша гимназия ведет большую работу по розыску бывших учеников довоенной 25-й и изучает ее историю. Благодаря этой работе я встретил кое-кого из бывших своих одноклассников. Было очень интересно и трогательно. Как-никак 65 лет прошло. Довелось побывать и в Любани, а также в партизанских местах, связанных с именем Риммы Шершневой. Спасибо моей, теперь уже почти родной, гимназии № 25 и главному энтузиасту этого поиска Алине Казимировне Похваленной. На таких, как она, и держится наша хилая планета...

Учился я средне. После смерти отца, когда жить стало труднее, в том числе и в смысле карманных денег, мой дядя, брат мамы, предложил форму оплаты по результату: пятерка — 5 рублей, четверка — 3 рубля, тройка — 0, двойка — минус 5 рублей. За месяц стал круглым отличником и вполне состоятельным пацаном. Через пару месяцев уже не выдержал дядя и перестал платить, ну а я по инерции так и остался отличником, но уже бесплатным. Было, конечно, очень обидно.

Хотелось бы здесь назвать имена моих друзей-одноклассников: Феликс Гродштейн, Гриша Дубовский, Кима Рудина, Борис Млынский, Юлик Дворецкий, Фима Гуров, Вадим Ясюкевич, Гена Ткаченко, Таня Кобяк, Ада Наркевич, Люся Шимес, Вова Будрыс... Всех не перечесать. Я их не делю на живых и ушедших. Все они живут в моей памяти пацанами и девочками далекого 1941-го.

Дворец

Школа — лишь часть моей довоенной жизни. Был в ней и Дворец пионеров. Поиск себя. Сначала транспортный кружок. Действующий макет дрезины. Потом баржи. Баржу не закончил — ушел в гимнастический. Это уже было мое. Запах пота — главный запах гимнастического зала, запах труда и успеха. Странно, что на него так дружно ополчились косметологи и парфюмеры всех стран.

Еще и сегодня для меня, как музыка, звучат имена наших тренеров, настоящих мастеров: Маркина, Боброва, Кацева-старшего, Добровольского. В жизни у меня было много разных учителей, среди них и высочайшие специалисты. Приходилось и самому преподавать. Однако мой первый тренер по гимнастике Сергей Добровольский, стройный интеллигентный немногословный парень, студент физфака университета, так и остался в памяти образцом Учителя, которому хотелось подражать. Потом он воевал... Два ранения, возраст — со спортом пришлось расстаться. Где-то в 1950-х годах мы с ним встретились в БИМСХе, где он заведовал кафедрой физики, а я по совместительству преподавал электропривод. Тогда наконец я смог выразить ему свое уважение, сохранившееся с детских лет. Ну а гимнастикой я продолжал заниматься еще несколько лет после войны.

Кстати, Дворец пионеров многим помог определить свой жизненный путь.

Рыбалка

Если теория реинкарнации душ — правда, то в одной из предыдущих жизней я, наверное, был рыбаком где-нибудь на Ниле или Тивериадском озере.

Начиналось в детстве. Два наших основных пеших рыбацких маршрута: ближний — Людамант, нынешнее Комсомольское озеро, и дальний — Дрозды. Это на целый день, с утра до вечера.

Основные орудия лова — самодельные удочки с леской, сплетенной из хвоста белой лошади. Волосы из хвостов дергали у пивных, куда водители кобыл заезжали освежиться. Тут главным было не жадничать, наматывая на палец прядь, иначе лошадь могла от возмущения выскочить из оглоблей. Еще важнее было не попасть под кнут владельца, который мог выскочить из пивной в самый неподходящий момент. Тут уж как повезет.

Вторая снасть — большие винные бутылки с вогнутым донцем, центральную часть которого выбивали особым способом. Внутрь — хлеб или кашу. Рыба-дура заходила в бутылку перекусить, а выйти не могла. Плывть вперед хвостом не получалось, а развернуться невозможно.

Так за пару часов надергивали целый кулан мелочи. После войны приходилось ловить рыбу и покрупнее, но до сих пор ноздри щекочет незабываемый запах мелкой рыбешки, водорослей и свежей речной воды.

Один из моментов полного счастья. Теплый июньский вечер. Усталый и голодный, возвращаюсь домой. Иду на свет наших окон, где лучи заходящего солнца, пересекаясь с мягким светом абажура, играют на кристально чистом стекле голубоватыми бликами. Там меня ждет теплота небогатого, но уютного и надежного дома. На следующее воскресенье запланирована дальняя рыбалка в Дроздах. Надо готовить снасти, надо копать червей. Впереди море удовольствий. Впереди целая жизнь.

Однако рыбалка не состоялась. Воскресенье пришлось на 22 июня 1941 года.

24 июня 41-го

Два дня идет война. Наши, наверное, уже под Варшавой. А может быть, под Берлином... Ведь «мы готовы к бою с армией любой...» Конечно, на всякий случай приказано блюсти светомаскировку, а окна заклеить крест-накрест. Мало ли на что способен агонизирующий враг.

Полдень. Небо потемнело от армады самолетов. Друг Юрка насчитал 50. Мы — мама, сестра, Юрка и я — легли на пол в спальне, сунув головы под кровать (это, между прочим, нас и спасло). В голове, под кроватью, опять какая-то бравурная мелодия, вроде «броня крепка и танки наши...», и горькое сожаление, что война окончится без моего участия.

Бомбы ложатся все ближе. Дом ходит ходуном. От предпоследней вылетели все стекла: наклейки не помогли. Последней бомбы не услышал. Сколько минут или часов пролежал, не знаю. Очнулся, задыхаясь от печной пыли. Все ломит и болит, но руки, ноги и, главное, голова при мне. Как-то удалось выбраться из-под обломков печи. Но Боже! Надо мною ни потолка, ни чердака — чистое июньское небо и мертвая тишина (слух вернулся только вечером). Из-под развалин торчат три пары ног. Стал откапывать. Потом все очухались, помогли сами себе. В синяках и ссадинах, но живые.

Странное ощущение бездомности.

Так 24 июня для меня началась настоящая война.

Безвластие

Город горит. Потом узнал, что правительство и Центральный Комитет КП(б)Б в ночь с 24-го на 25-е сбежали в Могилев, оттуда — дальше на восток.

Город горит. Самолеты с крестами утюжат Минск на бреющем, почти задевая фонарные столбы. Не бомбят и не стреляют — берегут остатки кварталов, в которые войдут через пару дней. С запада накатывается гул канонады. Пожалуй, со взятием Берлина придется подождать. Город горит. Поэтому народ грабит магазины, склады, предприятия. Пожарные машины прорываются сквозь горящие улицы к базам; дюжие пожарные грузят мешки с мукой и под вой своих сирен уезжают. Люди грабят с разбором. Полоснет мужик ножом по мешку, а там не то, что ему надо, — пошел дальше. Люди бродят по колону в муке, крупе, соли и сахаре.

Кое-что досталось и мне — соленая треска, ящик туалетного мыла, бутылка какого-то ароматизированного спирта, еще что-то.

28-го июня. В городе немцы. На складах поставили часовых.

На заборах — листовки: будут стрелять. Не поверили, пока не убедились — эти не шутят. Так закончилось безвластие. Начался новый порядок.

Город пахнет пожарищем и горелой человечинной — запах, который невозможно ни описать, ни забыть. Почему-то запомнилась кровать, зацепившаяся за перекрытие третьего этажа разрушенной бывшей больницы. На кровати, на растяжке, висит бывший больной.

Оказывается, я — жид

До войны я знал, что есть такое слово. За него привлекали к суду. Надо было быть уж очень убежденным антисемитом, чтобы так дорого платить за «скромное удовольствие» обозвать кого-то жидом. Ликвидация церквей, костелов, мечетей, синагог и смешанные браки вопрос о национальности перевели в какую-то виртуальную плоскость.

Я не был евреем. И я не был русским. Я был никаким. И вдруг... На всех заборах и развалинах — листовки со строжайшим приказом (от 19.07.1941 г.) полевого коменданта: «О создании жидовского жилого района в г.Минске».

«...В течение 5 суток... Выделены улицы, переулки... Изоляция от остальной части города... Кирпичная стена... Стену возводят сами жидаы... Для покрытия затрат — принудительный заем 30 тысяч червонцев... Собрать в течение 12 часов с момента опубликования настоящего приказа... За любое неподчинение — расстрел.»

Что касается кирпичной стены — ограничились «колючкой». Основное переселение — путем обмена квартирами с неевреями. У нас меняться нечем. Значит, я не просто жид, а жид бездомный.

Моя жизнь в кино

Живем в зале бывшего кинотеатра, что на улице Раковской, напротив хлебозавода. Таких бедолаг в зале — человек сто. Семьи отгораживаются друг от друга одеялами на проволоке.

Продукты добываем в обмен на вещи, найденные под развалами нашего дома. Я меняюсь с немцами: мыло на хлеб, табак, сахарин. Торг честный. Мы им бросаем свой товар из окна второго этажа конторы хлебозавода, они нам — свой.

Вдруг кто-то хватает меня за шиворот, тащит на территорию завода и швыряет в темный подвал. Начал выть, но быстро понял, что это бесполезно, и впал в анабиоз. Сколько просидел, не знаю. Выкупили меня за пять кусков мыла. Потом оказалось, что пацан, похожий на меня, бросил в окно, вместо мыла, булыжник. Отвечать пришлось мне.

Охота

Часами лежу в лопухах у самой проволоки (где-то в районе нынешней Ямы). Внизу, за проволокой, Свислочь — ее русло тогда проходило намного ближе. Перед рекой — татарские огороды, а там — брюква, свекла, морковь... словом, деликатесы. Лежу, как охотник, поджидающий добычу. Наконец, вблизи — никого. Бросок под проволоку, и в мешке — килограммов десять добычи. Значит, еще пару дней не помрем с голоду.

Первый погром

7 ноября 1941 г. Не знаю, от кого мать прослышала о погроме, но в 5 часов утра, проскочив через еще не замкнувшееся окружение, бежим по свежему снегу через еврейское кладбище в единственное место, где можно спастись, — к моей «второй маме» Юзе, домработнице, прожившей в нашей семье 14 лет. Она, рискуя жизнью (в коммуналке от соседей ничего не скроешь), продержала нас три дня, накормила, обогрела. Вернулись мы, потеряв «свой» кинотеатр — район был уже отрезан от гетто. И опять мы — бездомные.

За картой мира

Мы — в другом зале, но не в зрительном, а в спортивном — в бывшей школе на углу Обувной и Шорной. Одеяла с прочим скарбом остались в кинотеатре. Пришлось отгородить свой угол от остального мира огромной картой мира, которую я стащил из бывшего кабинета географии. Кроме нас в зале — десятки бомжей.

Все запасы еды и мыла остались в кинотеатре. А жить надо. На работу в 14 лет, да еще без специальности, не возьмут. Значит, мне — 16 и я — сапожник. Документы, естественно, сгорели. Это — единственное, что было правдой.

На геттовской бирже труда меня окинули скептическим взглядом и записали в сапожный цех базы ремонта обмундирования ВВС Восточного фронта. Это — бывшая фабрика «Октябрь». Там, разумеется, поняли, что я — такой же сапожник, как и музыкант, но не выгнали, и через месяц я уже был сапожником, причем не последним. К весне мои коллеги по верстаку и сапожной лапе — и русские, и евреи — признали своим.

Почти два года ежедневно меня в колонне под конвоем водили на работу и жестоко эксплуатировали за миску баланды, где «крупина за крупинкой гоняется с дубиной», и 150 граммов глиноподобного хлеба. Остальное я добывал иным способом, ежедневно рискуя жизнью, но это уже другая история.

Этажом выше, в портняжном цеху, работали мама и сестра. Это нам помогло пережить самые страшные погромы, поскольку в те дни колонну не отправляли в гетто: спали мы, сапожники, под верстаками, портнихи — на грудах шинелей.

Дом на Шорной

1 марта 1942 года нашу колонну не повели в гетто — людей оставили в цехах на два дня. 2 марта был погром. Когда мы вернулись в залитое кровью гетто, в нем оказались свободные дома. Из школьного зала нас переселили в небольшой деревянный домик на Шорной, у самой проволоки. В комнате метров на десять кроме нас — Фридманы: мать и три дочери (отец погиб еще в первые дни гетто); молодая женщина Реня с девочкой лет пяти и две привлекательные, следившие за собой девушки — яркая брюнетка Анна из Польши и веселая толстушка Клара.

Спали поперек двух кроватей и под кроватями. Даже в этих нечеловеческих условиях жили дружно, по-человечески. Анна и Клара иногда приносили какие-то гостинцы и угощали всех. Никто не спрашивал, откуда подарки.

Однажды, когда мы уже жили на Республиканской, я увидел, как офицеры СД привезли Анну и Клару на Юбилейную площадь, провели по Сухой и расстреляли на кладбище, у одного из рвов. Клара заламывала руки и рыдала, Анна шла молча, с гордо поднятой головой. Чем бы они ни занимались, уверен: этим мученицам нашлось место в раю, если хотя бы там есть какая-то справедливость.

Пожар

Поздней осенней ночью 42-го дом на Шорной загорелся. Перед тем, как рухнул чердак, мы успели выскочить кто в чем был. В разгар паники в зареве пожара по ту сторону проволоки остановилась легковая машина с тремя офицерами. Старшая дочь Фридманов, 17-летняя красавица Сарра, владевшая немецким, подошла и стала что-то объяснять офицерам.

Когда суматоха улеглась и дом догорел, обнаружилось, что Сарра исчезла. Навсегда... Я не видел, но кто-то сказал, что офицеры предложили ей сесть в машину и поехать куда-то за помощью. По сей день я стараюсь не думать о финале этой истории.

В очередном погроме погибли мать Сарры и ее младшая сестра Лариса. Средняя, Роза, бежала из гетто, смогла добраться до партизан и там встретила Освобождение.

Зарисовки с натуры

В гетто все направлено на то, чтобы лишить человека не только чувства собственного достоинства, но и человеческого облика.

Голод, холод, лохмотья, опознавательные знаки — латы и таблички с номерами домов на спине и груди. меховые вещи запрещены, да и откуда им взяться, когда уже все обменено у проволоки на кусок хлеба, на ведро картошки.

Деликатесом считается лек-рассол из селедочных бочек. В него макают хлеб, когда хлеб есть. Едят оладьи из картофельных очисток, пропущенных через мясорубку. Едят сало, соскобленное со старых шкур на кожзаводе. Едят баланду, приносимую, если удастся, с работы. Постоянные мысли и разговоры о еде. Любимая тема — кто что ел до войны и кто что любил. Такого наслушаешься!

Ходить можно только по мостовой. Завидев немца, метров за 15 снимать шапку. Однажды зимой я замешкался, развязывая шнурки своего «треуха на рыбьем меху», не успел его сдернуть и получил предметный урок учтивости в виде оплеухи, отбросившей меня в сугроб.

Человеческая жизнь не стоит ничего. Один из примеров. Колонны возвращаются с работы. На перекрестке Республиканской и Сухой люди расходятся — одни в левые ворота, в сторону кладбища, другие — в правые, к Юбилейной площади. Скопление людей. Вдруг со стороны Опанского в толпу на полном ходу врзается открытый грузовик с солдатами. Люди разбегаются. Одна женщина не успела. Громкий звук лопнувшего черепа. Солдатня хохочет — все-таки развлечение. Естественно, водитель и не подумал остановиться. Ведь это не люди, а всего лишь евреи.

Зимой дома холодрыга, а если не сподобишься прихватить с работы какие-нибудь обрезки, то и мороз. На входе в гетто колонны часто шмонают — отбирают «дрова». Непонятно, правда, что они потом с ними делают.

Об электричестве нечего и думать — в гетто его нет. Освещаемся свечами, которые я научился отливать в стеклянной трубке из найденного где-то парафина. Иногда используем лучины. Потом приспособил снарядную гильзу под карбидную лампу. До сих пор запах карбида возвращает меня в гетто. Запахи, как и мелодии, способны переносить человека в прошлое ярче любых воспоминаний.

Только на работе я немного отходил от этой беспросветности. За общими верстаками русские и евреи были равны. Более того, среди евреев, особенно среди беженцев из Польши, были мастера экстра класса, у которых даже профессионалы многому учились.

Разница проявлялась лишь во время обеда, когда мы хлебали пустую баланду, а они доставали хлеб, сало, огурцы и в сторонке жевали эти совершенно немыслимые деликатесы. При этом и мы, и они старались не смотреть друг на друга. Кстати, им за работу платили деньги. По-разному и уходили с работы — они к своим семьям, мы — в колонне под конвоем в свою преисподнюю, где семьи у большинства уже погибли.

И еще одно воспоминание. Колонну вели с работы по улице Раковской (одно время вход был через нее). Проходя мимо своего первого геттовского приюта, который после ноябрьских погромов 41-го года отошел в «русский район» и вновь стал кинотеатром, я смотрел на нарядно одетых парней и девушек, стоявших в ожидании киносеанса. А они смотрели на нашу серую колонну, расцвеченную только желтыми латами и белыми номерами. Не знаю, о чем думали они, а я думал о том, что человек удивительно быстро привыкает к любому распределению ролей в этой драме под названием жизнь. Впрочем, наверное, я подумал об этом сейчас, а тогда я мог думать только о еде.

Кругом голод, холод, беспросветная темень, смерть. Но при всем этом, несмотря на нечеловеческие условия, люди оставались людьми — иногда улыбались, изредка шутили, подначивали друг друга, любили, надеялись, боролись... Низкий поклон за это мертвым и живым.

Ночные погромы

Вероятно, у фашистов был жесткий график «окончательного решения» по регионам, и когда они из этого графика выбивались, включали дополнительные резервы. Одним из таких резервов были ночные погромы.

При плотности заселения, которая образовалась при создании гетто и поддерживалась почти до его ликвидации, в одноэтажном 2-х-3-х-квартирном доме могло ютиться до ста человек, в небольшом двухэтажном — до двухсот-трехсот. Республиканская улица, переименованная немцами в Миттельштрассе, была сквозной, т.е. была выгорожена с обеих сторон колючей проволокой, и там днем ходил обычный транспорт, однако ночью, насколько помню, по ней никто не ездил. И когда ночью на этой улице раздавался рев машин, это означало только одно. Минут через 20-30 где-то рядом слышались крики, проклятия, автоматные очереди, лай собак. Через полчаса все затихало, а затем — звук уходящих машин. У стервятников закончилась ночная смена.

Утром, поднимаясь по Обувной к месту сбора колонны, прохожу мимо очередного выбитого дома. Вокруг — на тротуарах, фундаментах, стенах — кровь и мозги (стреляли разрывными). Кругом автоматные и винтовочные гильзы, бутылки из-под водки. Иногда догоняю возы с высокими бортами. Груз накрыт брезентом с бурыми пятнами, из-под брезента свисает то рука, то нога. За каждым возом широкая красная полоса. Груз колышется. Еще не остыл. Возы идут к Сухой и по ней налево, к кладбищу. Мне — направо, на Юбилейную площадь, к своей колонне.

Сбором и вывозом трупов руководит геттовская (еврейская) полиция с белыми повязками.

В цехе некоторые верстаки пусты. Причины никто не обсуждает, даже мастера немцы.

Были периоды, когда это повторялось почти каждую ночь и каждый раз, при звуке ночных машин несчастные узники гадали, не по их ли душу... Как правило, даже не прятались в «малины» — не успевали.

Еще лет пять после войны при звуке ночной машины я просыпался в холодном поту.

Коррекция профиля

В первый период гетто я нарушал строжайший запрет и делал вылазки в «русский район». Так называлось все, что не гетто. Иногда удавалось добыть кое-какие продукты у знакомых, иногда заглядывал к «маме Юзе» — бывшей моей няне Юзефе Никодимовне Кудак. Эти операции были смертельно опасны. В случае неудачи — тюрьма и неизбежный расстрел или пуля на месте, прямо у проволоки. Выручала меня славянская внешность, но была ахиллесова пята — нос, который не только не был славянским, но даже совсем наоборот. Боже, как я его ненавидел! Ну, понимаю, погибнуть за Родину, за Сталина, наконец, за маму. Но из-за своего носа?! Ведь должен быть какой-то выход.

Говорят, великие открытия плавают в воздухе. Одно из них приплыло и ко мне. Я даже удивился, что так поздно сообразил — ведь все так просто! Нос надо формовать. Решено-сделано. Вырезаю небольшую дощечку с желобком, завожу ее под нос, под нее шнурок, который завязываю на темени. Агрегат регулируемый — чем туже затянешь шнурок, тем курносее. Затягиваю еще. Отлично! Почти как свиной лыч. Понимаю, что такой степени курносости за ночь, увы, не добьешься, но ведь что-то останется. А потом ведь будет еще ночь, и еще...

Обитатели нашей юдоли на Шорной восприняли мое открытие с некоторой долей сарказма и пытались меня подначивать, но мне было наплевать. Завтра они увидят! И увидели. Всю ночь я промучился — нос просто немел и отекал, но я терпел, а на утро результат был налицо. Вернее, на пол-лица — нос опух и напоминал красную картофелину, из которой капало. Весь день чем-то отмачивал, а к вечеру нос пришел в норму и стал таким, каким был, то есть настоящим еврейским носом. И я понял, что от своего носа, как и от своей национальности, никуда не денешься.

После войны Роза Фридман, одна из немногих обитателей дома на Шорной оставшаяся в живых, при встрече со мной с грустной улыбкой вспоминала этот мой эксперимент по коррекции профиля.

Про баранов и про козлов

Когда слышу наигранно-сочувственное: «Ах, отчего это евреи шли на смерть покорно, как бараны на убой?» — я вспоминаю...

Зима 41-42 годов. Уже работаю. Колонну приводят и уводят затемно. Пользуясь этим, иногда вечером снимаю латы (они у меня на булавках) и ныряю в подворотню, чтобы переночевать, отогреться и поесть у Юзи. Правда, мозг сверлит мысль, как утром опять внедриться в колонну, но это будет только завтра. А пока впереди ночь под кожухом у теплой печки и еда. Много еды.

Утром, в полутьме, выхожу по улице Дзержинского на Московскую, в то место, где сейчас Дом быта, чтобы идти к Западному мосту и там проводить «операцию внедрения». Гляжу — на противоположной стороне, вроде, большая куча мусора, которую рассматривают несколько прохожих. Остальные отворачиваются и проходят, ускоряя шаг. Мне, «по оперативному плану», надо идти по левой стороне, но какая-то сила заставила перейти на другую сторону, к этой куче. Это оказался не мусор, а сваленные друг на друга шесть или семь тел военнопленных. Исхудавшие до самых костей, в подранных шинелях, под которыми почти ничего. Черепа обтянуты желто-серой кожей, ноги обмотаны тряпками. Пристрелены кто куда: в грудь, в живот, в голову. Некоторые с открытыми глазами, в которых застыла предсмертная мука, а, может быть, радость избавления от нее. Крови почти нет — видно, ее в них почти не осталось.

Прошел еще метров пятьдесят — опять такая же куча. И так до самого моста. В цеху рабочие, пришедшие с восточной части города, рассказали, что такая же картина аж до самой обсерватории. Ночью вели через город 10-тысячную колонну военнопленных. Обессиленные, больные и раненные неизбежно скапливались в хвосте колонны, а сзади шла зондеркоманда, методично делавшая свое дело.

Обычно такие колонны конвоировались какой-нибудь сотней немцев, а иногда своих — капо. В колонне, хотя и истощенные, но все же молодые, еще сильные мужики, знающие, как передернуть затвор и как работать прикладом. Обученные. Домой из них

вернутся, дай бог, трое-четверо из десяти (по германским официальным данным, в плену погибло 60 процентов наших). Казалось бы... Но надежда умирает последней. И они идут...

Ну, а в гетто — старики, женщины, дети. Боеспособных мужчин выбили в первые месяцы оккупации. Трудно, господа «сочувствующие», старухе с ребенком на руках вырвать автомат у дюжего эсэсовца. Хотя это вы понимаете?

Нормальный человек никогда не назовет бараном ни военнопленного, ни, тем более, женщину с ребенком. Это может сделать только дурак или подонок. Поэтому, если при вас, читатель, кто-нибудь сравнит узника, идущего на смерть, с бараном, смело назовите его козлом. Не ошибетесь.

Деликатная тема

Должен сказать, что сапожный цех, в котором я работал, хотя и относился к военнотыловой базе, был оборудован лучше наших обувных предприятий. Последние полгода своей сапожной карьеры я, получив повышение, работал на огромном кольцевом прессе. Не вдаваясь в подробности скажу, что готовил сапоги и подметки для клейки и, в нужный момент, устанавливал их в пресс. Потом снимал и обрабатывал на специальных станках. Так вот, когда наступал момент установки очередной партии сапог (30 пар) в пресс, значительная часть подготовленных подметок уже была украдена. Это были добротные, толстые, штампованные подметки, которые в те времена, когда ничего кругом не было, пользовались огромным спросом в городе, в деревне и у партизан.

Воровство нарастало лавинообразно: от единичных пар до массового увода кожи на разных технологических стадиях. Воровали русские, воровали евреи (больше других; чуть позже расскажу почему) и, как я однажды с удивлением обнаружил, воровали и сами немцы. А дело было так. По дороге с работы один из конвоиров нагнулся зашнуровать ботинок, и в заднем кармане брюк на его толстой заднице рельефно проступила пачка подметок (они поставлялись пачками по пять пар). Глаз у меня был наметан.

Объясню, почему евреи воровали больше. Они ходили на работу с банками для баланды — этикие небольшие, литров на пять, цинковые цилиндрические ведра с крышками. Иногда удавалось «закосить» пару лишних черпаков баланды и в банке принести в гетто для семьи, пока семьи были еще живы. Так вот, какой-то гениальный еврей изобрел банку с двойным дном — во внешний цилиндр задвигался внутренний, покороче, с верхним буртиком. В банку наливалась баланда, ставилась ложка с укороченным черенком (для оптического обмана) и в образовавшуюся полость влезало до пяти пар подметок. В короткое время такими чудо-банками обзавелись многие евреи.

Забегая вперед, скажу, что история с банками раскрылась только в июле 43-го года, когда нас всех забрали в концлагерь СС на Широкую и кто-то из наших успел «зарядить» банку, но не успел ее задвинуть. Об этом мне рассказали русские ребята, когда я пришел из партизан, несказанно удивив их тем, что живой. Самое удивительное в этой истории, что никто никого не заложил, хотя все всё знали. В цехе даже была уважительная табель о рангах: вор №1, вор №2 и т.д. Ворами под №1 значились отец и два сына Рогозиных, сапожники из Червеня — отчаянные мужики, картежники, воровавшие по-черному, любители выпить, когда выпадал хороший улов. Вторым был мой довоенный друг Феликс Гродштейн. Вся его семья погибла в гетто, а он сам был убит позднее, по дороге в партизаны. Были и другие отчаянные ребята.

Воровство было смертельным номером. Это считалось диверсией, и тех, кто попадался, заводили на вахту, там забивали до полусмерти и отправляли в СД, откуда никто не возвращался.

Так погибли мой второй школьный друг Гриша Дубовский и еще несколько рабочих цеха.

Думаю, что это воровство было для нас чем-то вроде пассивного сопротивления режиму. Кстати, за все нарушения мера наказания была одна. Так, в отсеке, где я работал с клеем АГО и ацетоном, на стене огромными буквами было написано: «За курение — расстрел». Вот так. Между прочим, похожий «уголовный кодекс» был и в партизанах: трое суток «губы», пять суток, пятнадцать суток (по-нынешнему — пожизненное заключение), расстрел. У войны свои законы.

Ну а теперь самое время признаться, что воровал и я, и банка у меня была. Воровал не только подметки, но иногда и сапоги, на что была своя метода. Часть улова

продавал, что помогало бороться с голодом, кое-что отдавал тем, кто помогал семье, часть, через связных, попадала к партизанам. И по рейтингу был не последним — где-то входил в десятку. Это было предметом некоторой гордости, замешанной на ежедневном смертельном страхе. О том, как я по-дурному попался, кто меня спас и какое это имело продолжение после войны и даже совсем недавно, как-нибудь в другой раз.

Этого быть не могло. Но было

Я хочу, чтобы читатель не умом, но сердцем ощутил, что Холокост — не только тысячи и миллионы погибших, то есть, не только статистика.

Так что же такое Холокост?

Это состояние человека, приговоренного к смерти без вины и без надежды на помилование.

Это голод, но не тот, когда просто очень хочется есть, а тот, когда в голове ни одной мысли, кроме как о еде, и когда никак не можешь понять: на земле столько народу, и все что-то едят. Неужели на всех хватает?

Это холод, но не теперешний, от которого можно спрятаться в магазине, метро или кафе, а зловещее дыхание смерти, заползающее под твою ветхую одежку, и ты понимаешь, что если не укроешься от него сейчас, немедленно, то тебе крышка. И ты готов пойти на смерть, если перед этим дадут согреться.

Это лежащий на углу Обувной и Шорной раздувшийся от голода и водянки пока еще живой ребенок лет четырех, которому не повезло — каратели не заметили его в последнем погроме, где погибли все его родные, и он выполз, чтобы умереть на тротуаре под роем мух. И никто не может ему помочь, потому что в этом же погроме расстреляли детский дом и больницу — детей, больных (прямо в постелях) и весь персонал.

Это, наконец, глаза моего соседа по верстаку, которого третьи сутки не выпускают из цеха, поскольку в гетто, где остались его жена и двое детей, третий день идет июльский погром 1942 года, а мой сосед, классный специалист, еще нужен Рейху и по плану «окончательного решения» его должны убить не ранее октября 43-го. Но и не позже.

А теперь закройте глаза, сосредоточьтесь и представьте, что все это происходит, упаси Бог, с вами. И если вам это удастся, то вы поймете, что Холокост — это не поле для борьбы амбиций и состязания красноречий. Это тема, о которой надо меньше говорить и больше думать. Как на краю могилы.

Однажды школьник в Германии после нашей беседы спросил:

— Как все это могло быть?!

И я ему ответил:

— Этого быть не могло. Но все это было...

Малина

По фене (воровскому жаргону) «малина» — это тайное убежище, где воры отсиживаются и отдыхают после «трудов праведных», вдали от правоохранительных органов. Сейчас, правда, и воры другие, и малины у них на Канарах или в Швейцарских Альпах, но речь не об этом.

В гетто «малинами» назывались убежища, в которых узники прятались от погромов.

Трудно перечислить все варианты «малин» — они зависели от местных условий, количества скрывавшихся и фантазии их создателей: ложные стенки или фронтоны, оставляющие свободное пространство для укрытия; погреб с замаскированными люками, иногда за пределами дома, с подземными ходами к ним; крайняя комнатуха, дверь в которую заставлялась шкафом.

Возникает естественный вопрос — кто маскировал крышки погребов, задвигал шкафы, камуфлировал входы? Это делали старики, сознательно отдавая свою жизнь ради хоть какой-то надежды на спасение детей и внуков. (Информация для моралистов, рассуждающих о покорности обреченных.)

К сожалению, жертвы часто оказывались напрасными, так как у карателей были свои методы: собаки, простукивание стен, гранаты, дымовые шашки в погреба и т.д.

Ну а после погрома 21-23 октября 1943 года (последнего), многие через несколько дней сами выходили из «малин» на верную смерть. Убежища годились лишь для кратковременной отсидки. Случалось, ребенок начинал кричать в тот самый момент, когда

каратели шарили по квартире. Тогда ребенка душили... Куда там Федору Достоевскому с его «слезой невинного ребенка»!

Мой скромный «малиновый» опыт сводится к одной ночи, которую я просидел среди десятка других несчастных в узкой щели между двумя стенками. После этого решил, что помирать лучше на свежем воздухе.

Мастера

Итак, осенью 41-го меня в колонне привели на базу ремонта обмундирования ВВС Восточного фронта (бывшая фабрика «Октябрь»), завели в сапожный цех и показали мое рабочее место за общим верстаком: низкий стульчик с натянутым брезентовым сиденьем, комплект инструментов, набор гвоздей и, главное, массивную чугунную лапу со сменными насадками. Да, забыл еще про ванночку с водой, как потом выяснилось, для умягчения кожи.

Спрашиваю у соседа слева:

— Что делать?

— Мочи лапу.

— Какую?

— Ту, что побольше.

Чувствую, что это подвох — кругом веселое оживление, но указание выполнил. Положил. Чугунная насадка еле влезла в ванночку — здоровая, зараза. Пришлось долить воды, чтобы покрыть ее целиком. Через полчаса спрашиваю:

— Может, уже хватит?

— Нет, — говорит, — рано еще. Не размокла.

Подходит мастер, местный немец (фольксдойче):

— Что делаешь?

— Вот, мочу лапу. Можно уже вынимать?

Засмеялся и отошел.

Так прошло «боевое крещение» и определилась степень моего «профессионализма».

(Настоящим сапожником я стал, отработав почти два года.)

Теперь о мастерах.

Хочу оговориться. Речь пойдет не об извергах из СС, СД, гестапо. Этих и сегодня, через 65 лет, я бы, не задумываясь, поставил к стенке — без суда и без срока давности. Я — о гражданских немцах, присланных из Германии для организации производства.

Цех работал, как хорошо отлаженный механизм, если не считать воровства, о котором я писал в главе «Деликатная тема». И должен признаться, что хотя нас жестоко эксплуатировали и держали впроголодь, но именно эти люди научили меня работать. Никто из них ни разу меня не ударил и даже не повысил голос. Причем, я перед ними не шестерил.

Одних помню по имени, других — по фамилии. Это — гроссмайстер Розе, мастера Рудольф Кнот, Мюллер, Вилли (только имя), «Памаешь» (кличка — этот местный немец так произносил слово «понимаешь»).

Были ли среди них фашисты?

Были — Розе и Кнот, но их политическая принадлежность никак не сказывалась на отношении к рабочим. Несколько эпизодов.

Однажды Кнот, отпрыск аристократического рода, избежавший фронта из-за небольшой хромоты, участливо спросил:

— Michel, warum bist du Jude geboren? (Миша, отчего ты родился евреем?)

А другой фашист, Розе, поначалу учил меня:

— Schauer Messer — halbes Arbeit, Mishel. (Острый нож — половина работы, Миша.)

А когда я научился точить нож острее бритвы и отхватил себе лоскут в полпальца, Розе отвез меня в бывший Дом Правительства, где доктор-немец отрезал висящий лоскут и сделал перевязку, после чего меня на три дня освободили от работы (и, следовательно, от еды).

Впрочем, все это не помешало Розе остановить и вернуть меня, когда я пытался смыться в день отправки всех евреев, прямо с фабрики, в концлагерь СС на ул. Широкой, откуда никто не возвращался. И здесь порядок оказался превыше всего.

Не могу не вспомнить и о добром, суетливом мастере Вилли, больше похожем на бедного местечкового еврея, который едва ли не ежедневно показывал мне фотографию своей фразы и трех пацанов. Так вот, когда каратели из РОА забирали нас на Широкую, он стоял, отвернувшись к стене, и плакал. И такие немцы попадались.

Борис

Был он года на два старше меня, высок, широкоплеч, белобрыс. До войны был чемпионом республики по борьбе среди юношей в тяжелом весе. Держался дружелюбно и уверенно, без обычной геттовской пришибленности, будто заброшен был сюда из другой жизни. К моменту нашего знакомства семья его уже погибла. Работал он в какой-то немецкой мастерской, где ремонтировали оружие.

Мы с ним не то чтобы дружили, но были добрыми знакомыми, что мне даже льстило. Иногда встречались, говорили о разном, в том числе и об уходе в партизаны.

И вдруг Борис исчез. В таких случаях версий бывало только две — или погиб, или ушел в партизаны. Впрочем, второе не исключало первого: по дороге в лес гибли трое из четырех. Появился он через месяц-полтора, похудевший, побледневший, но все такой же крепкий и независимый. Отошли в сторону, и я услышал рассказ.

Уходили они вчетвером — двое мужчин, две женщины. У Бориса в кармане был пистолет на боевом взводе. Уходили ночью в сторону Старого Села. Сначала все шло нормально, и через пару часов они уже были километрах в шести от гетто, где-то в районе нынешнего универсама «Таллин» (тогда это был глубокий загород).

Казалось, самое страшное осталось позади, а впереди — жизнь и свобода, но вдруг ночную тишину раскололи автоматные очереди.

Трое были убиты наповал, а Борис, раненный в руку и в живот, упал лицом вниз, успев выхватить из кармана и спрятать под собой пистолет.

Из темноты вышли двое полицаев и стали обыскивать убитых (такие обыски были для этих мародеров доходной статьей, поскольку уходя из гетто, люди брали с собой все самое ценное).

Дошла очередь до Бориса. Один из них поддел его ногой и рывком перевернул на спину. Борис ждал этого момента и тремя выстрелами уложил обоих.

Потом чем-то перетянул раны и, где ковыляя, где ползком, к утру добрался до гетто, а там заполз в инфекционную больницу на ул. Сухой.

Персонал, рискуя жизнью (об огнестрельном ранении следовало немедленно заявить), спрятал его на чердаке и как-то выходил. Помог и могучий организм Бориса.

После этой перестрелки поднялся шум, была поголовная проверка, и исполнявший в то время обязанности начальника местной полиции Н.Эпштейн, inspectируя больницу, залез на чердак, увидел Бориса, но сделал вид, что ничего не заметил.

Кстати, Эпштейн, о котором говорили много плохого, и мне помог уйти с Широкой. Выходит, что человек — существо многоликое и судить о нем надо осторожно.

Сам Наум Эпштейн — относительно молодой, благообразный и очень толковый польский еврей — погиб в 1943 году, вероятно, в последнем погроме. Бог ему судья.

Борис попал на Широкую в один день со мной, когда всех мужчин забирали прямо с работы, где-то в июле или начале августа 1943 года. Это уже был предпоследний акт трагедии Минского гетто. С Широкой путь был один: в душегубках — в Малый Тростенец. В лагере мы держались рядом, что помогло выжить в совершенно невыносимых, даже по сравнению с гетто, условиях.

А когда дней через десять мне чудом удалось уйти из лагеря, я оглянулся и в первых рядах запрудившей лагерный двор серой толпы увидел его белобрысую голову, возвышавшуюся над остальными. Таким его и запомнил. Геройский был парень. Жаль, забыл его фамилию. Столько лет прошло...

«Двойная бухгалтерия» (о еврейской полиции)

Совсем недавно по каналу НТВ прошла передача из цикла «Тайны разведки». Речь шла о диверсионных группах НКВД, которые забрасывались в тыл врага для разведки, связи и помощи местным партизанским отрядам.

В конце передачи меня удивил один пассаж. Точных формулировок не помню, но смысл такой: в 1943 году командованию стало известно, что фашисты собираются

уничтожить узников Минского гетто, и в Минск для их спасения была направлена женщина с еврейской фамилией (фамилию не запомнил).

Женщина попала в руки еврейской полиции, которая, по оценке авторов передачи, была «позорной страницей в истории оккупации», однако полицейские ее не сдали немцам, а успокоили, заверив, что те ничего плохого против евреев не замышляют. Потом вывели к партизанам, откуда те переправили ее на Большую землю, где она, как и следовало ожидать, сгинула в ГУЛАГе. Из всего этого правдоподобно только последнее (т.е. ГУЛАГ), остальное — «бред сивой кобылы».

Во-первых, непонятно, как эта женщина, будь она хоть трижды Мата Хари, могла бы спасти тысячи узников гетто, то есть сделать то, чего не могла, да и не очень хотела сделать вся мощная структура партизанского движения Беларуси, руководимая густой сетью подпольных обкомов и райкомов.

Во-вторых, судьба евреев Беларуси, включая и Минск, определилась задолго до 1943 года — к этому времени подавляющее большинство из почти двухсот гетто было полностью уничтожено, а в Минске оставалось не более 9 тысяч узников, то есть менее 10 процентов от первоначального количества. Не поздно ли собрались спасать?

Ну, и насчет «позорной страницы». Давайте разберемся.

Мне приходилось сталкиваться с еврейской полицией и даже около года прожить в «полицейской квартире» на ул.Республиканской. В правой боковой комнате жил рядовой полицейский Шульман с женой и двумя детьми, в шестиметровой проходной — мы с мамой и сестрой, а в последней, проходя через нашу, — сам начальник полиции Фимка Розенблат с очень милой и уютной женой Эммой. Фимка был высокий, смуглый человек лет тридцати пяти, как говорили, бывший варшавский вор, угрюмый и неразговорчивый. Конец у обоих полицейских был печальный.

В июльском погроме 42-го года Шульман, по слухам, стоял в оцеплении Юбилейной площади, когда его жену и детей, среди других несчастных, грузили в душегубки. Его самого убили в 43-м.

Ну, а Розенבלата однажды ночью увели настоящие (русские) полицаи, с которыми он иногда ночами пил в своей комнате. Видно, чего-то не поделили. Через несколько дней пропала и Эмма, которая пошла выяснить его судьбу. Возможно, много знала. Ее мне было искренне жаль.

Это соседство позволило мне поближе познакомиться с геттовской полицией.

Занимались «наши» полицейские наблюдением за порядком в гетто, сбором контрибуции в первый период, когда от этого зависела жизнь заложников, вывозом трупов после погромов, иногда облавами и т.д. «Стучали»? Возможно. Ведь жизнь прожили в стране, где это было популярным занятием. Правда, знаю, что «стучали» не все.

Были среди них и подпольщики, например, Зяма Серебрянский (казнен), Арон Фитерсон (ушел в партизаны) и другие.

Первоначально полицейских было около сотни, потом много меньше. Оружия им не давали.

Между прочим, ни Розенблат, ни Шульман не выдали «малину» в нашем доме, о которой они не могли не знать. Не выдал Шульман и меня, когда я после побега с Широкой скрывался в гетто до ухода в партизаны.

Многие из этих людей оказались в полиции по принуждению, иные, чтобы не помереть с голоду, кое-кто — по заданию подпольной организации. Почти все они погибли, за исключением единиц, бежавших в партизаны. Некоторые после освобождения от оккупации отсидели срок. Впрочем, в те годы это отнюдь не говорило о вине. Естественно, я не собираюсь их защищать. Но истина превыше всего, и если говорить о позорных страницах истории, то ведь история — книга толстая, там много страниц. Есть и такая: по данным книги М.Костюка «Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі», в Белоруссии в годы оккупации было 120 тысяч вооруженных коллаборационистов, то есть предателей из местной полиции, украинских батальонов, прибалтийских карательных отрядов, РОА («Русской освободительной армии» генерал-лейтенанта А.А.Власова). По другим данным, до 160 тысяч. Эти активно участвовали в массовых расстрелах евреев, карательных акциях против партизан, в сожжении деревень (иногда вместе с жителями), причем, зачастую делали это добровольно.

Как быть с этой страницей, о которой в передаче ни слова?

Я понимаю авторов передачи. Ведь сотни тысяч предателей — общеизвестный факт, которому кое-кто даже и оправдание находит. А вот еврей-пособник фашизма — это уже сенсация. Ну как упустить такую «удачу»?

Краткая историческая справка.

Концлагерь СС на ул.Широкой в Минске существовал с 5 июля 1941г. по 30 июня 1944г. Ул.Широкая находилась там, где теперь ул.Варвадени. Лагерь размещался в бывших кавалерийских казармах, на том самом месте, где теперь военный госпиталь. С августа 1943г. из этого лагеря регулярно курсировали четыре душегубки в лагерь уничтожения «Малый Тростенец». По дороге люди умирали от поступавшего из выхлопной трубы газа. Трупы сжигали в Тростенце. Всего с августа 1943г. по июнь 1944г. в лагере на ул.Широкой было уничтожено около 20 тысяч человек (в основном это были узники Минского гетто — М.Т.).

Пересылка на тот свет

Они появились неожиданно и сразу заполнили просторный двор фабрики, как по старинке называли базу ремонта BBC (подробно о ней — в предыдущей публикации).

Четыре тяжелых открытых грузовика. У переднего борта каждого — по четыре солдата в серовой, не совсем привычной форме и серых же касках с белой надписью РОА (русская освободительная армия, власовцы, то есть). Автоматы на животах. Серьезные мужики. Стоят, не шелохнувшись, как на посту у мавзолея. Ясно, что по нашу душу. Настал, значит, и наш черед.

Длительное нахождение в экстремальной ситуации вырабатывает молниеносную реакцию и быстроту принятия решений. Одно из них сразу и пришло: надо смыться, пока ничего не объявили и пока вертухаи (группа полицаев) стоят в сторонке. Внешне спокойно — вроде бы по делу, выхожу из цеха и с трудом сдерживая желание рвануть бегом, медленно иду к углу двора, где стоит знакомый ДОТ, через который я не раз перелезал на «Розочку», мою довоенную улицу. Главное — добраться до этого ДОТа, а там видно будет. Прошел полсотни метров и уже начал снимать латы, как вдруг сзади скрипучий голос гроссмайстера Розе:

— Michel, wohin? (Михаил, куда?) — И пальцем показывает на цех.

Боже, никогда его морда не казалась мне такой отвратной. Но делать нечего — повернул назад.

Там уже суматоха: приказ — всем евреям (мужчинам) из всех цехов грузиться на машины. Срок — 15 минут. В случае уклонения... Словом, понятно что. Мера наказания одна. Причем на месте.

Взял банку с недоеденной баландой и, пока еще не понимая зачем, стал пробираться к задней машине, а там — к заднему борту. И только сидя на дне кузова, понял, что подсознательно пришло новое решение: с этой позиции удобнее прыгать. А потом уже додумал и остальное: если с бывшей Советской повернут направо — значит, в Тростенец. Тогда надо прыгать. Шанс, правда, почти нулевой, но лучше получить пулю «при побеге», чем по очереди ложиться в траншею.

Ну, а если налево, то, значит, на Широкую. Там на месте не расстреливают. Это просто пересылка на тот свет — сборный пункт для отправки узников на уничтожение все в тот же Тростенец или в концлагеря Германии и других стран Европы. В этом случае возможны варианты, а главное, еще будет какое-то время.

Повернули налево. Хоть радость и невелика, но немного полегчало, как всегда, когда судьба избавляет от необходимости принятия трудных решений.

Приехали.

Высоченный забор, поверху колючка, по углам вышки с прожекторами и пулеметами. Огромные ворота, на которых впору было бы написать из Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Внутри, прямо за воротами, огромный асфальтированный плац, за ним — бывшие кавалерийские конюшни с трехэтажными нарами, слева навес со штабелями кирпича, а где-то справа — большая рабочая зона с мастерскими, кухней и бараками. Там обитает

постоянный контингент заключенных. По сравнению с нами, кандидатами в расход, — аристократия. Их, в отличие от нас, если и убьют, то не сразу (до июля 1944г. убили всех).

Дни, проведенные в лагере, прошли, как в страшном сне. Всех постригли наголо какими-то овечьими машинками. Днем несколько тысяч человек стояли, сидели или лежали на асфальте. Один раз в день — черпак тухлой баланды. Огромная очередь к котлу в глубине рабочей зоны. Людей гнали почти бегом и многие, кто не успевал подставить свою банку, проскакивали мимо котла, так и не получив свой черпак.

Ночью загоняли в конюшни, перед которыми устанавливали пулеметы и выпускали собак. Нар хватало лишь на одну треть. Остальные стояли, ожидая своей очереди, чтобы поспать пару часов лежа. Впрочем, спали и стоя — при такой тесноте не упадешь.

Когда у кого-то из гамбургских украли кусок хлеба, было объявлено, что при повторении виновного искать не будут. Расстреляют каждого десятого. Воровство прекратилось.

Иногда днем в толпе, запрудившей плац, возникали какие-то локальные волнения и поднимался шум. Тогда комендант — высокий тощий немец со змеиной физиономией, вынимал парабеллум и, не целясь, выпускал в толпу всю обойму. Толпа отшатывалась к конюшням, а на асфальте оставалось несколько убитых и раненых. Раненых достреливали, трупы убирали. И опять все спокойненько...

За счет убитых и умерших от истощения возник некоторый отсев. (Чуть позже поймете, почему я об этом упоминаю.)

Мы с Борисом, о котором я писал выше, и еще с несколькими ребятами держались кучкой, что помогало выживать в этом аду. Страшное напряжение. Пока никого никуда не вывозят. Видно, еще не готовы траншеи в Тростенце. И вдруг...

Список Эпштейна

В лагерь, в сопровождении четырех еврейских полицейских, приехал самый влиятельный человек гетто, начальник биржи труда Наум Эпштейн. Через несколько минут по «лагерному телеграфу» стало известно, что будут отбирать тридцать шесть особо ценных специалистов по заявкам немецких предприятий, утвержденным генеральным комиссаром. Тридцать шесть человек, без которых немцы не могут обойтись даже временно, несмотря на жесткий график «окончательного решения». Нетрудно догадаться, каковы были мои шансы попасть в эту группу.

И вот картина. В центре плаца, у небольшого столика — Эпштейн со своими полицейскими. В руках у него список. Толпа заключенных насаждает, стремясь пробиться поближе, чтобы хоть что-то услышать. Их, с помощью прикладов и собак, оттесняют охранники лагеря. Между толпой и столиком, брезгливо морщась, ходит комендант лагеря с парабеллумом в одной руке и с бамбуковой палкой — в другой.

Наконец наступает тишина, совершенно неестественная для такого количества людей. Даже собаки заткнулись, будто чувствуя ответственность момента.

Миг звенящей тишины между жизнью и смертью.

Звучат имена и фамилии, и вслед за каждой почти мгновенный выкрик:

— Есть! — и толпа неохотно исторгает из себя очередного счастливца, который бежит к столу.

Звучит очередная фамилия:

— Наум Розин!

Над плацем повисла бесконечная тишина аж на целых полсекунды, то есть на мгновение дольше, чем надо, чтобы этому самому Розину откликнуться, если он жив. Но он молчит, и, прежде чем истекла эта вечность, звучит чей-то хриплый голос:

— Есть!

Оказывается, это мой голос, и я, будто во сне, проталкиваюсь к столику. Эпштейн, знавший меня и, вероятно, этого Розина, удивленно взглянул, но промолчал. Ну а я приткнулся к группе «счастливцев», чувствуя себя среди этих аксакалов абсолютно инородным телом. Но все же стою...

Группа собрана и построена в колонну по двое. Комендант делает последний обход, видит тощего шестнадцатилетнего «особо ценного специалиста» и, ничего не говоря, бьет его бамбуковой палкой по стриженной голове и палкой же указывает на толпу. Эпштейн и на это смотрит молча. А что ему еще оставалось делать?

Кожа черепа рассечена, кровь заливает глаза. Пробираюсь к крану, смываю кровь, достаю из кармана и напяливаю свой драный «кемель» (шапкой и не назовешь) и, заметив, что комендант отошел в дальний угол плаца разбираться с толпой, делаю последнюю попытку: за штабелями кирпича опять пробираюсь к группе, уже готовой к выходу. Вижу тревожный взгляд Эпштейна, понимаю, что он мне сочувствует. Понимаю и то, что очередной подход коменданта будет для меня последним. Но думать уже поздно. Я пошел ва-банк. Становлюсь в хвост колонны. Комендант, судя по звукам его парабеллума, наводит порядок где-то на правом крыле плаца. Ему пока не до нас. И я, бросив последний взгляд на знакомые лица в толпе, выхожу с группой из этой преисподней.

Итак, не доживший до этого дня Наум Розин, которого я никогда не знал, и Наум Эпштейн подарили мне кусок жизни, составившей для всех «счастливых» около двух месяцев (до октября сорок третьего), а для меня, волею судьбы, растянувшейся на 65 лет. Когда встретимся с ними на том свете, низко поклонюсь обоим.

(Если вы заметили, я пишу, что из лагеря не «бежал», а «ушел». Так оно и было. Бежать из лагеря СС на ул. Широкой было невозможно.)

Опять в гетто

Далее события развивались уж совсем сумасшедшим образом. Почти на входе в гетто нашу группу догнала машина с очень высокими военными чинами, которые обругали, а затем и избили Эпштейна. Оказалось, что выпустили людей по одному списку, а у этих чинов на руках был другой, тоже утвержденный и тоже на 36 человек. Часть уже освобожденных состояла и в этом, втором списке, а часть — нет. При этом, общее число 36 не должно быть превышено.

Поэтому Эпштейн получает новый приказ: всех освобожденных посадить на ночь в КПЗ при геттовской бирже труда (была такая камера, куда помещали пойманных при облавах). На завтра разобраться и тех, кто входил в оба списка, выпустить, остальных вернуть на Широкую и вместо них освободить специалистов по новому списку, которые не были учтены в старом. (Надеюсь, я вас еще не совсем запутал?)

Поскольку Наум Розин, царство ему небесное, входил в оба списка (видно, был, действительно, ценный специалист), я под его именем, с благословения Эпштейна, утром был выпущен на свободу, то есть в гетто. До сих пор не понимаю причину его хорошего отношения ко мне.

Вернулся домой, стараясь не засвечиваться, так как в гетто уже был списан в расход (разумеется, как Михаил Трейстер).

Мать меня не сразу узнала — так изменили меня дни, проведенные в этом аду. Один из моих соседей, начальник полиции Розенблат, как я писал, был уже ликвидирован, а другой полицейский, Шульман, сделал вид, что меня не знает и не видит.

Старое Село

Недельку отсиделся и стал решать, что делать дальше: куда и с кем уходить. Маршрут определился сразу — Старое Село. Это была почти партизанская зона — опорная база диверсионных групп.

Один кандидат в спутники был под рукой — в другом конце нашего двухэтажного дома по Республиканской жила шестнадцатилетняя очаровательная блондинка Вера Розенберг (теперь Смирнова), с которой мы неоднократно обсуждали тему побега. С ней договорился быстро. К нам присоединился наш сверстник, тоже Михаил. Итак, нас трое.

Говорят «голому собраться — только подпоясаться». Соответствующая одежда была ранее подготовлена, кой-какую еду мать собрала. Из оружия — только финка, заточенная по-сапожному, как бритва.

Попрощались с родными, у кого они еще были, и, сняв латы, ранним утром на улице Опанского нырнули под колючую проволоку в неизвестность.

Дорога — около 20 километров — прошла относительно спокойно. Где-то на полпути повернул назад наш спутник Михаил. О причинах гадать не буду, так как «о мертвых либо хорошо, либо ничего».

Вера дошла со мной почти до самого Старого Села и вернулась назад — разведала дорогу, чтобы потом вывести родных. (Дальнейшая ее судьба сложилась трагично: уход в партизаны — приход в Минск для связи — арест на конспиративной квартире — тюрьма —

Освенцим... Прошла все круги ада. Слава Богу, выжила и теперь состоит в нашей организации.)

Я остался один. Эти пару недель прошли, как в тумане. Съел все, что было, и стал побираться по хатам. Не очень охотно, но подавали.

Как-то холодной ночью, лежа у погасшего костра, во сне потянулся к теплу и накатился на еще горячие уголья. Проснулся лишь когда прогорела куртка, верхняя и нижняя рубахи...

Сердобольная бабка зашила дыру размером в полпуза каким-то белым рядом, после чего вид у меня стал совершенно «героическим».

Встреча с партизанами

Потом встретил партизан, как оказалось, из диверсионной группы отряда им.Пономаренко. Знакомство началось с того, что меня заподозрили в шпионаже. Достал из кармана спичечный коробок, где под слоем спичек лежал туго сложенный мой «явочный листок», выданный юденратом, или, как там написано «жидовским комитетом», где было сказано, кто я и откуда. Похвалили за изобретательность и предложили обменять отличные сапоги, специально сшитые мною для ухода в партизаны, на какие-то драные опорки. Это было предложение, от которого я не смог отказаться. Пришлось отдать. Потом, когда помог кое-кому из них отремонтировать обувь и когда оказалось, что среди них был один еврей, познакомились поближе и я был принят на временное довольствие.

Разок сходили на «железку», где я стоял на шухере, пока минировали дорогу на участке Минск-Столбцы. Пару раз брали на шоссе, где поручали более квалифицированную работу — спиливание телеграфных столбов и закладку зарядов, иногда со стрельбой.

Когда группа возвращалась на свою базу, меня взяли с собой. Прошли километров восемьдесят и в Налибокской пуще передали меня в еврейский национальный отряд Шолома Зорина.

Здесь слегка подкормили, отмыли и, узнав, что я сапожник, сразу определили в мастерскую, которой руководил мастер Янкель из Червеня. Там началась моя борьба за перевод в боевую группу и за направление, в качестве проводника, в Минское гетто, которое доживало свои последние недели и в котором оставались моя мама и сестра Нюта.

Это и определило ход дальнейших событий моей жизни.

Лесной сапожник

Итак, я пришел в отряд воевать и, конечно, совершать героические подвиги, а сижу в партизанской сапожной мастерской. Вместо идеального порядка немецкого цеха, где все разложено по полочкам и все под рукой, здесь — старые голенища (по-сапожному — халявы), куски сыромятной кожи и подошвы, выкроенные из старых автомобильных шин (чтобы их вырезать, требуется недюжинная сила и такое же терпение). Вдобавок самому нужно колоть из березовых чурбаков деревянные гвозди. А тут еще мастер Янкель, с которым мы друг друга сразу возненавидели. Он меня за то, что могу работать, но делаю это без особого рвения, я его — за стремление все время демонстрировать свою крохотную власть надо мной с чисто местечковой настырностью.

Кругом лес, свобода, люди с оружием, а я сижу горбом над сапожной лапой. Да плюс ко всему одуряющий запах свежего хлеба из пекарни, расположенной в той же землянке и отделенной от мастерской только перегородкой из тонких жердей. Ну кто все это может выдержать? Я не смог.

Я — проводник

Поскольку в гетто оставались мои родные, стал ходить по начальству и добиваться, чтобы направили туда проводником.

И добился.

Моя задача — привести фармацевта, мыловара, оружейника. Можно с родными. Разрешили вывести своих, но с условием: общее число не должно превышать 10 человек. Большие группы, как правило, обречены на гибель. Кроме того, добыть аккумулятор,

радиодетали, медикаменты и, если можно, оружие. Группу доставить в Старое Село, откуда сводную команду поведет другой проводник.

Все четко и понятно, как обычно бывает в теории.

Путь из пуши до Минска почему-то выпал из памяти. Возможно потому, что прошел без ЧП. Стоял сентябрь 1943г.

И опять гетто

Гетто в сильно урезанном виде доживало последние недели, а может быть, и дни.

Медлить было нельзя. Стал искать нужных специалистов. Хоть и сидел инкогнито, стали ко мне заходить разные люди. Да не с пустыми руками. Запомнил двух визитеров. Один — с парабеллумом в новенькой кобуре и тремя обоймами патронов (сказал, что с ним пять человек). Другой протянул завернутый в газету круглый столбик длиной сантиметров десять, который поразил меня несоответствием объема и веса. Оказалось, в столбике уж не помню сколько штук золотых десятков. А довеском к ним — шесть человек. Но приказ есть приказ, а конспирация — конспирацией: я никуда не уходил и никуда не собираюсь. Даже близким моим знакомым Люсе и Розе Цукерман сказал то же самое (к счастью, они остались живы, и это позволило мне после войны перед ними извиниться). Надеюсь, Люся и Роза как бывшие партизанки, а теперь заслуженные члены нашей организации, поняли, что я выполнял приказ. (Их дядя, мой коллега по цеху, весельчак Борис Цукерман, находясь в партизанах, в разведке был взят карателями живым и четвертован. Вообще, для партизана плен означал мучения, которые трудно даже описать: надевали на голову раскаленный докрасна котелок, голым привязывали к муравейнику, разрывали надвое лошадьми или двумя березами и т.д. Избавить от мучений могли только пистолет или граната, если успеть ими воспользоваться.)

Котельная

Группа подобрана. Сбор — в котельной геттовской инфекционной больницы по ул. Сухой. Выход в два часа ночи.

И тут началось то, чего я не мог предвидеть. В котельной, как выяснилось, ютилось много разного люда: чудом уцелевшие от погромов, лишившиеся жилья, словом, по-нынешнему — бомжи. К ним присоединились узники, прослышавшие, что сколачивается группа.

Тут я увидел и сына своего коллеги по цеху Шолома Каплана, и знакомую молодую женщину Клару с дочкой. Взял с собой и их. Короче, набралось человек 25-30.

С одной стороны, я понимал, что с такой компанией шансы выйти из города равны нулю, а с другой — знал, что изменить ничего не могу, даже время выхода.

Сделал единственное, что мог: приказал обвязать обувь любым тряпьем, чтобы пройти по ночному городу потише.

Итак, ровно в два часа ночи режем проволоку по ул. Опанского и выходим навстречу судьбе.

Дожить до рассвета

Совершенно немыслимым образом нам удалось выйти за пределы города, который тогда кончался где-то за Кальварийским кладбищем. Уже одно это до сих пор считаю чудом.

Осложнения начались потом. Перейдя шоссе, мы оказались на большом картофельном поле в треугольнике дорог. Предстояло пересечь следующую из них.

И вдруг на той, которую собирались перейти, — взрыв. Залегли в мокрую ботву, слава Богу, достаточно высокую. По всем трем дорогам — машины, сирены, прожектора, гортанные звуки команд. Уж не знаю, что там у них стряслось, но можно представить наше состояние, тем более, что рассвет для нас в этом месте был бы равносильен смерти.

Наконец, слегка утихло, и мы почти по-пластунски пересекли дорогу, но не ту, которую наметили (там еще было шумно), а другую, где почти не было движения. Это сбило с намеченного курса на Старое Село.

Стало ясно, что этой ночью до цели нам не добраться. Рассвет застал вблизи большого кустарника, в котором мы и укрылись.

Трагедия

В кустарнике передохнули. А потом началась дискуссия.

Я был за то, чтобы днем разведать дорогу, а движение продолжить ночью.

Взрослые возражали: идти надо днем — недавно в кустарник заглянул пастушок, его чем-то задобрили и взяли обещание никому о нас не рассказывать. Но все понимали, чего стоит это обещание. Победили взрослые. Трое молодых разведали дорогу, и мы разбили всех на три группы. Эти группы во главе с разведчиками должны были двигаться в нужном направлении с интервалом в 20 минут. Моя — последняя.

Вышла первая группа, за ней — вторая. Пришло мое время. Я — впереди, за мной метрах в пятидесяти остальные. Рельеф сложный: подъем, перевал, глубокая впадина и опять подъем на лесистую гору — где-то за ней Раковское шоссе.

На подходе к перевалу вдруг услышал в низине какую-то сухую трескотню, растворенную в широком осеннем пространстве. Это меня даже не напугало, а как-то озадачило. Махнул своим, чтобы залегли, а сам пополз к перевалу, глянул вниз и увидел картину, которая до сих пор стоит перед глазами.

В низине, слева от тропы — сруб, возле сруба немцы в упор расстреливают вторую группу, полицаи палят из винтовок вдогонку первой, которая бегом поднимается на лесистую гору и уже частично скрылась в редколесье. Вижу, как и там падают люди. (Позднее, при встрече подвели итог: вторая группа уничтожена полностью, в первой убито около половины.)

Я вернулся к своим, приказал быстро спуститься к кустарнику и только внизу рассказал о том, что случилось. Произошло очередное чудо: каратели не пришли. Видно, решили, что больше никого нет. Можно представить, в каком состоянии мы дождались ночи.

Финал

До сих пор не могу сказать, кто был прав в нашем споре. Если нас выдал пастушок, то — взрослые, а если нет, то — я. (В этом случае, досидев в кустарнике до темноты, мы могли бы сохранить группу.) Но история, как известно, не имеет сослагательного наклонения. Случилось то, что случилось. Не мне судить, есть ли моя вина во всем этом, тем более, что главные сторонники дневного перехода погибли и спорить уже не с кем.

До Старого Села шли в обход две ночи, но добрались в полном составе: фармацевт Смолянский с дочерью, Клара с ребенком, Шолом Каплан, мама, сестра Нюта, я и еще два-три человека, имен которых теперь не помню.

До Налибокской пуши — места дислокации отряда 106 — объединенную команду вел уже другой проводник: девушка по имени Катя.

За сутки прошли около 80 километров. Ноги были сбиты в кровь — в конце пути многим пришлось срезать сапоги.

Все же дошли без потерь.

Место трагедии

После войны я никак не мог найти это трагическое место, но однажды, году в шестидесятом, во время лыжной прогулки я забрался на лесистую Монастырскую гору (сейчас она скрыта на карьеры) и вдруг увидел и тот кустарник, и перевал, и плавный лесистый подъем с юга на север. Кустарник находился тогда недалеко от нынешнего пересечения улиц Шаранговича и Горецкого, люди погибли приблизительно там, где сегодня стоит СТО «Фольксваген», напротив предприятия НПО «Центр». (Недавно в Исторической мастерской один их ученых заявил, что в сентябре 1943 года группа гамбургских евреев, вывезенная на работу в зону Монастырской горы, была расстреляна при попытке к бегству. Это неправда. Гамбургские евреи никуда не бежали. Им бежать было некуда. Скорее всего, слухи имеют отношение к истории нашей группы. По крайней мере, место и время совпадают.) Я довольно часто проезжаю по этой трассе и каждый раз передо мной встает последний акт той давней трагедии.

106

И вот мы в партизанском отряде. О нем написано немало, надеюсь, будет написано еще. Мне же газетные рамки позволяют лишь пунктиром пройти по этой уникальной

теме. Отряд № 106 (командир Шолом Зорин, комиссар Хаим Фейгельман, начальник штаба Анатолий Вертгейм) был создан весной 1943г. приказом командующего Барановичским партизанским соединением Василия Чернышева. В него к моменту освобождения входило около 600 человек, в том числе примерно 140 — боевая группа, остальные 450 — семейная.

В отряде сапожная, портняжная, оружейная мастерские, мельница, пекарня, коптильня, баня, отличная медицинская часть — от хирургии до гинекологии. Все это работало на нас и на другие отряды и бригады Ивенецкой зоны.

В нашем отряде находилось примерно 150 детей-сирот, многие из них учились в партизанской школе, где на занятиях писали углем по березовой коре.

Структура отряда: боевая и хозяйственная роты, подготовительный взвод, полевая и строительная бригады. Первая убирала урожай с полей сожженных деревень, вторая — обустроивала лагерь. Было и стадо коров, отбитых у полицаев.

Кроме боевых операций, в задачу отряда входило сохранение стариков, женщин, детей, чудом спасшихся из гетто, что в суровых условиях партизанской войны было нелегким делом. Зоринцы с этим справились блестяще.

9 июля 1944 года отряд соединился с частями Красной Армии.

Первая винтовка

Итак, я опять в сапожной мастерской.

Поскольку основным условием перехода в боевую группу было наличие оружия, решил обеспечить себя самостоятельно. Где-то достал старый ствол и за несколько ночей довел его до зеркального блеска. На немецкие часы-штамповку выменял затвор и тоже вылизал его до полной кондиции. Оставался приклад с ложем, но с ними — особая история.

В отряде столярничал симпатичный парень Исаак Гринберг, на год-два старше меня. Заключили договор: я ему черт знает из чего пошил приличные сапоги, а он мне выстругал приклад и ложе винтовки, которые, по всеобщему убеждению, получились гораздо лучше фабричных. Раздобыл, по случаю, полтора десятка «маслят» (патронов).

Итак, я «вооружен и очень опасен», особенно для Янкеля.

Судьба человека

Кстати, интересна судьба Исаака Гринберга. После освобождения я потерял его из виду и был уверен, что он погиб на фронте. Но лет семь назад он вдруг приехал в Минск из Питера с группой бывших узников. И мы встретились. Оказалось, что столяр стал капитаном II ранга, который создал и много лет командовал учебным центром ВМС, где подводников учили покидать аварийную подлодку. Вспоминали наш тогдашний «гешефт» и его удивительную девушку Риту, с которой они составляли самую обаятельную в отряде пару.

Опять под конвоем

Но вернемся к Янкелю и финалу нашего конфликта.

— Завтра на работу не выхожу, — сказал я после изнурительного рабочего дня и очередной стычки с мастером

— Посмотрим, — ответил он «со значением».

Назавтра, проводив на службу ребят из нашей землянки «Гоп со смыком» (все они были такими же, как и я, «романтиками»), я укрылся кожухом и улегся поудобнее, чтобы добрать время, затраченное на долгий ночной треп (Юлик Дворецкий пересказывал все читанные до войны романы Дюма. В эту ночь на очереди был «Черный тюльпан»).

Вдруг раскрывается дверь. Лязг затвора и — команда:

— Одевайся! Выходи! Руки назад! Шагом марш!

Янкель, загнав патрон в патронник, через весь лагерь провел меня под конвоем к мастерской, вызывая веселое удивление встречных.

Освобождение

Однако работать я не стал. Дело дошло до командира, и меня с моей самодельной винтовкой наконец перевели в подготовительный взвод. Там кое-чему подучили, в том

числе: строевой подготовке, караульной службе, умению ползать по-пластунски, запрягать коня, экономить патроны.

Конечно, не сахар, но все же подальше от подметок и от Янкеля. (Впрочем, теперь я понимаю, что был он честный работяга. И не его вина, что со времен гетто у меня осталась аллергия на сапожную профессию.)

Наваждение (особая глава)

В войну и позднее — в горах, которым я посвятил много лет, у меня были ситуации, когда моя (и не только моя) жизнь висела на волоске.

Однако был один момент, при воспоминании о котором до сих пор волосы встают дыбом и пересыхает в горле. Об этой истории я рассказываю нечасто, возможно, потому, что выглядит она не очень правдоподобно, хотя это чистая правда от начала и до конца.

Случилась она 6 июля 1944 года, после последнего боя, в котором наших погибло шесть человек и трое, включая командира, получили тяжелые ранения. Так вот... В том последнем бою, увидев, что силы далеко не равны, наши стали отходить, а потом и побежали. Побежал и я, причем так резво, что минут через 10 отклонился от своих, полностью потеряв ориентировку.

Стою и думаю, куда бы двинуть. И вдруг где-то невдалеке началась стрельба — не залпами, не очередями, а так, одиночные, но частые выстрелы.

В тот момент мое воображение охотно принимало желаемое за действительное: видно, наши вернулись и продолжили бой. Значит, мне туда. И я пошел на эти выстрелы, как на единственный ориентир.

Вскоре пальба смолкла, но направление я засек. Выхожу на опушку, в глаза бьет яркое солнце, о волнении уже и не говорю. И вот в таком ослепленном состоянии вижу метрах в ста, тоже на границе леса, но в тени, контуры людей. Как будто узнаю своих и от радости машу им рукой. Вдруг один поднимает винтовку и бьет по мне. Пуля свистнула рядом, значит, не моя, но возникает ощущение нереальности происходящего.

Наверное, не узнали. Кричу:

— Свой! Свой!!!

Заметив, что опять берут на мушку, залег, да так неудобно, что голова на песчаном пригорке оказалась ниже ног. Еще два выстрела. Пули легли в полуметре от головы и фонтанчики песка ударили по глазам. Ну неужели еще не узнали? Смотрю, жестами приказывают встать, поднять руки вверх, подойти. Встал, поднял, пошел, уже ясно понимая: происходит что-то не то. От одной этой догадки прошиб холодный пот.

Сделал несколько шагов, попал в зону тени и, о Боже, все понял — немцы! Впереди двое, которых принял за своих, с бляхами фельджандармерии, за ними еще человек шесть, остальные вываливают из леса. И все гогочут. Уже слышу голоса:

— Пагтызан, ком сюды!

Остается метров пятьдесят. Все бы сейчас отдал за гранату...

Уже вижу ухмыляющиеся лица. Передние «бляхи» даже автоматы опустили: ведь вот он я, иду, как кролик на удава. Чего беспокоиться?

Жаль, думаю, что не попали в лоб, но ведь это специально, чтоб взять живьем. Мало времени остается на жизнь, еще меньше — на решение. Но оно уже принято. Не отрываясь, смотрю на них, киваю головой: иду, мол, иду, порядок. При этом, будто невзначай, незаметно смещаюсь к лесу. «Бляхи» на это реагируют: поднимают автоматы.

До кромки леса метра три, до «блях» — 30-40. И вот наступает момент истины: или — или.

Прыжок в сторону, к лесу и — напролом, только ветер в ушах. Сзади сплошной треск. По лицу хлещут ветки и щепки, отколотые пулями. Не знаю, сколько пробежал, но свалился в полной уверенности, что убит. Ощупался — цел! Кроме ссадин, ушибов и царапин — ничего! Значит, еще поживем!

Через часа полтора вышел на дорогу и догнал повозку с раненым командиром. Среди своих, как говорится, и смерть не страшна.

Мои партизанские университеты

Во избежание кривотолков честно признаюсь: никаких героических подвигов я так и не совершил, хотя в отряде кое-чему научился. Например, валить лес, строить шалаши и

землянки, ездить верхом на лошади (даже скакать галопом без седла, падая всегда, как кот на лапы).

Кроме того, за время пребывания в отряде я:

вступил в комсомол, откуда, уже будучи секретарем факультетской комсомольской организации политехникума, в 1948 году был исключен за «инакомыслие»;

впервые обнаружил, что человечество состоит из мужчин и женщин, и стал проявлять к этому открытию большой интерес;

в землянке под громким названием «Красный уголок» получил от девчонок первые уроки танцев с музыкальным сопровождением «под язык»;

побил рекорд по сидению на гауптвахте, причем, самое любопытное, все за дело;

впервые в жизни увидел молящегося еврея и еврея, соблюдающего кашрут даже в тех совершенно немыслимых условиях, что заставило о многом задуматься;

обрел настоящих друзей, многие из которых, пройдя испытание временем, состоят в этом качестве по сей день;

понял, что человеческая жизнь бесценна, но есть кое-что и поважнее.

Июль, 1944

Всё позади: гетто, концлагерь, дорога в лес, потом обратно и опять туда, месяц в диверсионной группе, год в еврейском партизанском отряде, сапожная мастерская, дозоры, бомбежки — немецкие, косившие лес десятками гектаров, и наши, так называемые «хозяйственные операции» (их тоже называли «бомбежками») по обеспечению отряда продуктами питания; последний бой с его трагическим финалом. Всё позади... Впереди жизнь и свобода.

Войска II Белорусского фронта мощно катят на запад, преследуя противника, сменившего стремительный «дранг» на восток не менее стремительным «дрангом» в обратном направлении.

Наших раненых передали в полевые госпитали, кто-то из призывного возраста сразу ушел на фронт, остальной отряд растянувшимся табором идет по лесным дорогам на юг, к озеру Кромель, откуда намечена отправка людей в Минск.

Говорят, голому собраться — только подпоясаться, так что сборы были недолгими. Насколько помню, даже в свою землянку не успел забежать.

Лес пахнет не только травами и хвоей, но еще чем-то зловещим. Это — запах войны. Порой страшно вато отойти вглубь по малой надобности — можно наткнуться на трупы в немецкой униформе. Иногда с полным набором оружия, включая «шмайсеры» и гранаты на поясах. Своих погибших прибрали наши похоронные команды, а эти ожидают очереди.

Судя по всему, бои здесь прошли два-три дня назад.

Между прочим, моя любовь к оружию и, чего греха таить, некоторая склонность к форсу едва не сыграли со мной злую шутку. Подобрал пару немецких гранат, похожих на наши Ф-1, только с гладким корпусом, без рифления, и подвесил их за рычажки на пояс. Дергаешь за кольцо, выскакивает чека — и поскорее бросай. На одном из привалов сел у сосны и, не успев вынуть кусок хлеба, сразу заснул. Видно, во сне неудачно повернулся: на одной из гранат разогнулись усики чеки, и ручка уже начала отходить; еще движение — чека выскочит, после чего мне и тем, кто сидел и лежал рядом, жить осталось бы ровно четыре секунды. Конечно, прошибло холодным потом. Незаметно загнул концы чеки и выбросил гранаты в болото.

Странные тени встречаются на дороге. Вдруг под слоем пыли проглядывают две черные полосы, потом длинное и широкое зеленоватое пятно, увенчанное круглым размытым контуром неопределенного цвета диаметром более полуметра. Рядом — сплюснутая каска. Вся эта инсталляция раскатана по дороге метра на три.

Что-то зловещее есть во всей этой картине. Только отойдя на пару шагов в сторону, понимаешь — это бывший солдат (сапоги, мундир, голова), по которому прошли сотни машин, танков, орудийных лафетов. Его, пришедшего за жизненным пространством, ждут где-то на родине в уютном доме, а он тут, совершенно бестелесный, раскатанный до абсолютной плоскости, почти неразличимый в дорожной пыли лежит, накрыв собой 2-3 квадратных метра дороги.

Люди, занятые своими мыслями, ступают по этому пятну, даже не замечая, кто лежит у них под ногами. А сколько таких бестелесных теней раскатаны на пыльных дорогах войны...

Пленные

Первые дни немцы, попавшие в окружение целыми группами и подразделениями, искали, кому бы сдаться в плен, всячески избегая при этом встреч с партизанами. Помнили о недавних «правилах игры»: в плен не брали ни те — этих, ни эти — тех.

Хотя многие подробности первых дней свободы частично стерлись в памяти, некоторые эпизоды высвечиваются особенно ярко.

Два дня провели на озере Кромель рядом с какой-то артиллерийской частью, стоящей там на коротком отдыхе.

Над нашей поляной появляется «кукурузник», делает пару кругов и, обратив на себя внимание, снизившись, сбрасывает патрон от ракетницы с привязанной к нему запиской: «В километре от вас, в лесу, около сотни немцев. Видно, хотят в плен. Над ними покачаю крыльями».

Улетел и покачал. Записку передали нашим военным. Те выделили взвод и через час привели колонну с полным комплектом оружия, только без гранат и рожков от «шмайсеров». Все это несли в вещмешках наши солдаты.

Еще эпизод. Недалеко от нас — временный пункт сбора пленных. Солдаты и нижние чины сидят на траве, расположившись огромным, почти геометрически точным кругом. Внутри его — свободный круг диаметром в 10-15 метров, в центре которого, тоже на траве, абсолютно отстраненно сидит генерал с крестами, но без сапог, в серых шерстяных носках.

Так я тогда и не понял, то ли он поручил кому-то из бывших подчиненных их почистить, то ли кто-то из наших не устоял перед искушением щегольнуть в генеральских сапогах с «бутылочными» голенищами, или — по-нашему, по-сапожному — халявами. Я ему посочувствовал — с меня тоже когда-то сняли сапоги при первом знакомстве с партизанами.

И еще одно воспоминание, связанное с пленными, но относящееся уже к 1946 году. Я студент политехникума. Рядом с ним огороженная колючей проволокой стройплощадка. На ней работают пленные. Кругом деревья с огромным количеством ворон, которых тогда почему-то было принято отстреливать. Даже члены охотничьих союзов по уставу обязаны были, кроме взносов, сдавать какое-то количество вороных лап, кажется, правых (очень похоже на борьбу китайцев с воробьями). Видно, считалось, что вороны объедают и без того голодный народ, хотя этим занимались совсем другие «животные».

Ну так вот, я, имея доступ к мелкокалиберному оружию, вышел пострелять и «снял» несколько птиц, одна из которых упала по ту сторону ограды. К ней сразу бросились несколько пленных. Тот, кому она досталась, на мой вопрос, зачем ему ворона, объяснил: Супре (суп). Тогда я перекинул через ограду остальную «дичь». Видать, не сладко им приходилось. Правда, потом, бывая в колхозах, я встречал и других пленных, которые, живя почти на вольном поселении и помогая хозяйствам и одиноким бабам (во всем), жили и выглядели совсем по-иному. Да и народ к ним относился вполне доброжелательно — не как к бывшим оккупантам, а как на селе издавна относятся к хорошему кузнецу или столяру. А работать они умели.

И в заключение несколько цифр для полного обзора темы.

По данным советских и немецких историков, общее число пленных из военнослужащих вермахта составляло около 3,7 млн. человек, в том числе немцев — около 2,4 млн. и около 1,3 млн. австрийцев, венгров, румын, итальянцев, финнов, словаков, чехов, бельгийцев, испанцев и проч. По тем же данным, число советских военнопленных колеблется от 5,2 до 5,7 млн. человек.

По материалам германской выставки «Преступления вермахта», которая проходила в 2002 г. в г. Билефельде, в немецком плену погибло 60% (3,5 млн.) наших солдат, в советском — 37% (1,4 млн.) военнослужащих вермахта, в том числе около 1 млн. немцев.

Последние германские военнопленные были возвращены из СССР на родину в 1950 году.

Песни на войне

Главным впечатлением, я бы даже сказал — потрясением от встречи с Красной Армией, если не считать обретенной надежды, стали песни. Они обрушились на нас настоящей лавиной.

Между прочим, в отряде по вечерам тоже пели, причем, как ни странно, преобладал сибирско-казачий репертуар, вроде: «Бродяга Байкал переехал», «Ты гуляй, гуляй, мой конь» и т.д. Пели «Катюшу» и «Землянку», иногда и «Свадьбу Шнейерсона».

Новых военных песен почти не знали, а тут в первый же вечер у огромного костра мы слышали десятки ранее совершенно неизвестных, созданных в период войны. Это и «Вечер на рейде», и «Темная ночь», и «Случайный вальс», и «Шаланды», и «Соловьи», и «Смуглянка». Перечислять бесполезно, сейчас их знают все, а в тот вечер они были для нас полным открытием. И все это под гитару и аккордеон. А как пели! И ребята какие! Молодые, крепкие, пропахшие порохом и пылью военных дорог. Ясно было, что до Берлина их уже никто не остановит. А если потребуется, то, как писал К. Симонов, дойдут и до Мадрида.

Это была гигантская пружина, которая сжималась от границы до Москвы и Сталинграда, а сейчас, распрямившись, сметает все на своем пути. Именно такое ощущение я испытал в ту ночь, слушая эти песни под треск костра и шум ночного леса.

Можно лишь представить, какими глазами смотрели на этих ребят наши девушки.

Через день-два мы с колонной армейских машин были отправлены домой, в Минск.

Возвращение

Эйфория первых дней свободы быстро прошла. Возвращение в Минск было грустным, а для большинства — трагическим. Очень многим возвращаться было некуда, да и не к кому. Это больше походило на посещение кладбища.

Мы с мамой и сестрой являлись редким исключением — втроем остались в оккупации, втроем ушли в лес, втроем вернулись. Правда, оказались мы бездомными. Поскольку вселиться в свою квартиру не могли: дом был разрушен бомбой 24 июня 1941 года. Таким образом мы, будучи голыми, босыми и голодными, оказались к тому же и бездомными... Огромной радостью стало получение первых писем от старшего брата из Самарканда и среднего — с фронта. Значит, вся наша семья была жива.

С крышей нас выручили родители одноклассницы моей сестры, предложив проходную комнатку в своей квартире по улице Берсона. Полагаю, что одной из причин этого жеста было желание смягчить отношение к ним властей. Один их сын воевал в Красной Армии, другой — служил в полиции. По слухам, был водителем душегубки. В этой ситуации помощь, оказанная партизанской семье, являлась как бы смягчающим обстоятельством.

Комната представляла собой «распределительную коробку» площадью около 6 кв.метров с четырьмя дверями. Две из них были забиты, а проход с улицы на кухню завесили одеялом. Потом одеяло заменили фанерной перегородкой. Так и прожили около 10 лет.

В первые недели редко выпадали спокойные ночи. Начались бомбежки «второго поколения». Уходя, немцы бомбили город, пытаясь разрушить то немногое, что не успели. Запомнился человек с оторванными ногами под Западным мостом.

В одну из ночей бомба попала в железнодорожный состав с боеприпасами, после чего этот горящий эшелон сам до утра «обстреливал» город в радиусе 2-3 километров своими снарядами. Это была ночь сплошной канонады. До утра снаряды свистели над крышами домов и взрывались где-то вблизи.

В памяти осталась единственная ночь, проведенная в бомбоубежище под малой церковью Петра и Павла (на Немиге). Крики женщин, плач детей, мат мужиков, которые «приняли для храбрости», и полное отсутствие любого воздуха, уже не говоря о свежем. Можно добавить, что туалета не было, а если и был, то прямо тут же...

После этой ночи мы с хозяином квартиры Лявонтием, похожим на Тараса Бульбу, отрыли во дворе щель и залезали туда по сигналу тревоги. Вновь, как и 24 июня 41 года, я лежал, прижавшись щекой к влажной земле, ходившей ходуном, и казалось, каждая очередная бомба была нацелена не просто в меня, а конкретно в мой затылок. При этом сбрасываемые на парашютах огромные карбидные фонари нестерпимо ярким белым

светом бесконечно длящейся молнии освещали не местность и даже не лежащего рядом «Тараса Бульбу», а именно мой затылок.

Однажды во время бомбежки я, выглянув из своей щели, увидел парашют, опустившийся во двор бывшей 1 поликлиники, что была от нас через дорогу. Ну, конечно — это пилот сбитого немецкого самолета. Сообщил об этом военным. Мы короткими перебежками пробрались к забору и, перемахнув через него, увидели догорающий в траве парашют немецкого карбидного фонаря.

От суммы...

При первом побеге в партизаны мне уже приходилось ходить по хатам в поисках еды, ну а если говорить прямо — побираться. В первые дни в Минске, оставшись без всяких средств к существованию, я опять вспомнил: «от суммы не зарекайся». Кажется, район продуктовой «бомбежки» лежал где-то за Юбилейной площадью.

Оружие мы сдали только после партизанского парада 26 июля 1944 года, а пока оставить автомат было негде, поэтому ходил с ним. Картина, надо сказать, была живописной. Заходит пацан с автоматом и просит чего-нибудь поесть. Как правило, кормили. Иногда даже кое-что давали с собой.

Побирался недолго. Потом появились хлебные карточки и кое-какие побочные способы заработка. Пришлось вспомнить и о своей сапожной профессии.

Так проходили первые дни, недели и месяцы моей послеоккупационной жизни. Война еще продолжалась.

Сквозь слезы (Небольшое отступление от темы)

Улыбались ли когда-нибудь узники гетто — кому-то этот вопрос может показаться кощунственным, но все, что здесь написано, было увидено и услышано автором в реальной жизни, не признающей никаких регламентаций и запретов. Особенно задним числом.

Стихи, написанные в гетто, песни гетто... Все это было. Шедевры, созданные в тех совершенно нечеловеческих условиях, навсегда останутся памятниками великой трагедии и мужества народа.

А вот улыбались ли когда-нибудь узники гетто?

Я утверждаю — да, хоть и не часто, но иногда всё же улыбались. Улыбались ребенку, любимому человеку, улыбались, когда удавалось «закосить» лишний черпак баланды или кусок хлеба, улыбались, когда удавалось выскочить из облавы или в «малине» пересидеть погром. Тогда были свои критерии радости и удачи. Я, например, до сих пор помню радость, испытанную от найденной на дороге немецкой пачки, где оказались две целые сигареты. И нельзя оценивать эти критерии с позиций нынешнего сытого обывателя.

Если без воды человек может прожить 5 дней, без еды — месяц, то долго жить, ни разу не улыбнувшись, тоже невозможно. Это я утверждаю по опыту своего пребывания в гетто, концлагере СС и партизанском отряде. Несколько примеров.

Торг

Итак, время и место действия — 1943 год, сапожный цех базы ремонта Люфтваффе Восточного фронта, куда меня почти два года водили из гетто и обратно в колонне под конвоем.

Я давно задумывался о побеге в партизаны, а весной 1943-го окончательно понял: или сейчас, или никогда. Правда, потом посадка в концлагерь СС спутала все мои карты, но она только ускорила реализацию этого решения.

Итак, надо уходить в лес, для чего требуется соответствующая одежда, особенно сапоги, но их не купишь.

Значит, надо шить. Тем более, что найти нужный материал, по нашему, сапожному — «товар», для меня, работающего в сапожном цехе крупной немецкой базы, не проблема.

Весь набор — переда, задники, подклейка, подошвы, стельки, облямки — уже украден и припрятан в надежном месте. Нет только голенищ, по сапожному — «халяв», которые украсть невозможно, поскольку подходящего материала в цехе нет.

Слух о том, что мне нужны «халявы», немедленно распространился по цеху, конечно, без указания целевого назначения будущих сапог. В перерыве подходит ко мне один из польских евреев-сапожников и, заговорщицки подмигнув, да так, будто его перекосило, на ломаном польско-немецко-русско-еврейском намекает, что знает о моей проблеме и может помочь.

Затем вытаскивает из ящика своего верстака пару приличных хромовых «халяв». Запахло торгом, и вокруг немедленно собирается кучка совершенно не нужных мне свидетелей, но деваться некуда.

Продавец называет начальную цену — 25 марок (здесь и далее речь идет об оккупационных марках).

Я уже писал в «Проблесках памяти», что в цехе процветало воровство, причем и я не был исключением. Поэтому в карманах иногда собиралось немного денег. На этот раз у меня было 14 марок — весь мой ресурс. В долг обычно ничего не давали, поскольку должник в любой момент мог оказаться там, откуда долги не возвращают. Как и кредитор, впрочем.

Начался торг. Команда продавца — польские евреи, шумно набивают цену, моя — наши евреи и сочувствующие русские ребята — столь же азартно сбивают ее. Все-таки какое-никакое развлечение для всех. Каждая очередная ставка сопровождается ударом по верстаку. Идет торг.

Я предлагаю 12 марок, что он считает оскорбительным, но все же снижает запрос до двадцати. Я добавил еще марку, он снизил до восемнадцати и уперся. Я решаю пойти ва-банк и предложить все, что у меня было, то есть — 14, причем сделать это в более доступной и приятной ему форме — на родном для него идише. Поэтому я особенно громко ударил по верстаку, поднапрягся и выложил свой последний козырь:

— Вилст ду фарцен?

Весь состав «аукционной комиссии», включая продавца и русских ребят, немного понимавших идиш, буквально зашелся от смеха. На шум даже мастер Мюллер прибежал.

Оказывается, цифра 14 переводится как «фирцен», а слово «фарцен» означает, мягко говоря, «портить воздух», причем делать это со звуковым сопровождением. При этом вся фраза выражала вопрос, намерен ли продавец этим заниматься.

Он был настолько растроган моими лингвистическими познаниями, что вытер слезы от хохота и отдал «халявы» по цене, предложенной мною столь экстравагантным способом. А меня потом еще долго донимали вопросом, хочу ли я «фарцен»? Ну что ты возьмешь с этих сапожников...

Остается лишь добавить, что сапоги я все же пошил, берег их как зеницу ока, в них ушел в лес, где меня разудли первые же встреченные мною «бойцы невидимого фронта».

А вы говорите...

Случай на Сапожной улице

Сапожники — люди хорошие, но они не физики-теоретики и не психотерапевты. Поэтому и анекдоты у них сапожнические, такие, что не везде и расскажешь. Мне все же удалось вспомнить один анекдот, который можно рассказать на этих страницах.

Итак, слушайте.

Было одно местечко, и была в нем одна улица. То есть, она была не одна, были там еще и другие улицы, но эта отличалась от прочих тем, что жили на ней только сапожники. Отсюда и ее название.

А поскольку тогда еще не было цветных телевизоров (бесцветных тоже не было), то вся реклама каждого сапожника была написана на воротах его дома.

И вот появился новый сапожник и построил себе дом на самом краю этой Сапожной улицы. Стал думать, как ему что-то такое этакое написать на воротах, чтобы народ к нему валом повалил?

Прошелся по улице и видит на чужих воротах: «Лучший сапожник Москвы», «Лучший сапожник Нью-Йорка», «Лучший сапожник Лондона», «Лучший сапожник Парижа» и т.д. Все мировые столицы заняты, а без рекламы не проживешь. Тогда взял этот новый сапожник большую кисть и написал на своих воротах: «Лучший сапожник на этой улице». И всё.

Эту историю мне рассказал в гетто мой первый учитель сапожного дела, высокий профессионал и очень деликатный человек, родом из Узды — Мордух Каплан, погибший в концлагере СС на ул. Широкой в августе 1943 года.

Вечная ему память...

Лесной маньяк

Время и место действия — весна 1944 года, лагерь партизанского отряда №106.

Почти весь отряд переболел чесоткой. У некоторых она перешла в более сложную форму — коросту. Люди чесались, ругались и лечились. Для локализации эпидемии больных поселяли в карантинную землянку человек на 50, освободившуюся в связи с переходом части отряда в летние помещения — шалаши и палатки. Лечились самодельной мазью, которую готовили из несоленого жира, дегтя и дробленого тола (вместо серы).

Я держался, сколько мог, даже умывался регулярно, что в тех условиях было непросто. Ну, а когда всех вылечили, наконец заболел и я. Значит, надо мазаться, причем от головы до самых до окраин — целиком.

Собрав остатки лекарства, стал искать, куда бы пойти на «помазание». Ведь не на людях же этим заниматься. Вспомнил о пустующей карантинной землянке. Укромное место на краю леса. Лучше не придумаешь.

Длинная землянка с двухсторонними нарами. С одной стороны дверь, с другой — окно, в середине — печка. Все заброшено клочьями подстилочной соломы.

На фоне окна заметил какое-то мятущееся облачко. Решил, что комары — ведь болото рядом. Ничего, не съедят.

Разделся догола, вещи — на печку, достаю мазь и вдруг...

Вдруг в тело впиваются сотни, если не тысячи тончайших игл.

Оказалось, это были блохи, оголодавшие после выселения карантинных больных, которыми они прежде регулярно питались. И вот после долгой голодухи достался им подарок в моем лице, причем не только в лице, но и во всех остальных частях моего тела. Ешь, сколько хочешь.

Дальнейшие события развивались с понятной в таких случаях быстротой. Я, забыв об одежде, в чем мать родила, пулей вылетел из землянки, насмерть перепугав двух проходивших мимо новеньких девушек, которые с такой же скоростью рванули к лагерю.

Прикрыв руками нужные (блохам) места, я быстро вернулся, пробрался к печке, схватил одежду, еще быстрее выскочил на волю и ушел в лес, где намазался и оделся.

Вечером ребята из нашей землянки рассказали, что в лесу объявился какой-то голый маньяк-эксгибиционист (конечно, тогда этого слова никто не знал, пользовались простыми словами, покруче), который выскочил из землянки, бросился на наших девушек, но не смог их догнать.

Говорили, что этот человек очень опасен, и при встрече с ним надо стрелять на поражение.

Потом я рассказал ребятам все, как было, и мы полночи не могли уснуть от смеха, в деталях разбирая эту историю.

Так рождаются легенды.

Послесловие

Итак, закончен мой рассказ, отнявший много сил и времени, которых у меня и без того не густо.

Возникает вопрос: зачем я затеял эту историю, тем более, что не люблю вспоминать пережитое, рассматривать старые фотографии и вообще копаться в прошлом?

Ответа два:

Во-первых, меня подвигнул на это человек, которому я не мог отказать — мой друг Виктор Лясковский, редактор газеты «Авив», через которую первоначально прошли все публикации этой книги.

Во-вторых, в потоке литературы о Холокосте много публикаций, написанных людьми, которым не следовало бы этим заниматься.

И еще хочу, чтобы читатель, больше знакомый с «бухгалтерией» Холокоста, мог погрузиться и в атмосферу событий того времени, пока еще живы люди, которые могут об этом честно рассказать. Насколько мне это удалось, судить читателю.

ВИЗИТ В КГБ

Фарс из эпохи развитого антисемитизма

*Моим учителям и коллегам, первоклассным специалистам-электрикам, невинно пострадавшим в конце 60-х годов на очередной волне государственного антисемитизма, посвящается.
(Все события подлинные.)*

Часть I. КГБ

Осень 1968 года...

— Миша, — сказал Олег, глядя мимо меня, — тебя приглашают в КГБ.

Когда-то вместе учились, бывали в одних компаниях. С тех давних пор в междусобойном обиходе мы были Олег и Миша, ну а на планерках, техсоветах и вообще на людях он был Олег Васильевич, директор института «Энергосетьпроект», а я — Михаил Абрамович, главный специалист-электрик. Разговор происходил у него в кабинете.

— Зачем я им понадобился? — поинтересовался я, понимая, что звучу фальшиво.

— Возможно, по делу Леопольда. Тут у нас уже многих таскали.

— Да, я слышал. На когда вызывали?

— Сегодня на 14-00. Там тебя встретит следователь Горшков.

Оставалось сорок минут.

— Ну, так я пошел...

— Да, — и он впервые глянул на меня в упор, но это уже был взгляд не Олега, а директора, прошедшего райкомовскую школу, человека Системы.

Поднялся в отдел, сунул в карман книжку (к ней еще вернемся) и вышел.

Вы замечали, что моторы львовских автобусов обычно работают как после второго инфаркта? Именно таким оказался и мой №18, но под его стоны и всхлипывания хорошо думается, а подумать было о чем. Значит, добрались, родимые, и до меня, а я думал, пронесет...

Леопольд Соломонович Гринблат, старейший и самый опытный специалист с незапамятным стажем, слегка пуганный в 37-м, человек с симпатичной лошадиной физиономией, добрый, почти не имевший врагов, — вдруг исчез... Поползли слухи, один дичее другого. На собрании Олег Васильевич сообщил ошарашенным сотрудникам, что Леопольд Соломонович арестован «за преступления, находящиеся в компетенции органов госбезопасности». А посему коллективу, который в основном здоровый, необходимо срочно повысить бдительность, а заодно производительность труда и качество продукции. «В основном здоровый коллектив» ахнул и обещал немедленно повысить все, что положено.

Я, один из немногих, знал, в чем заключалось преступление, «находящееся в компетенции».

Выйдя на пенсию и растянув директивные два месяца подработки на весь год, Леопольд приходил консультировать раз в неделю, что устраивало дирекцию (редкий специалист) и его самого (возможность хоть иногда отдохнуть от жены). Под воздействием высвободившейся энергии и энтузиазма, рожденного Шестидневной войной [1], он вспомнил, что является не только электриком, но и евреем, и весь жар души отдал сбору всего, что связано с Израилем, книг, карт, фотографий, писем и т.д. Кое-что размножал и, как каждый истинный собиратель, старался поделиться этим с возможно большим количеством евреев — друзей, знакомых и сотрудников. Одни брали из интереса, другие — из вежливости, передавали друг другу. Естественно, кое-что побывало и у меня. А если учесть, что после войны 67-го года «жидовская морда» превратилась в «лицо агрессора», не дававшее покоя «всему прогрессивному человечеству», а концентрация стукачей в любом «здоровом» коллективе граничила с выпадением в осадок, то стоит ли удивляться, что добрейший Леопольд вскоре оказался в месте известном и вполне надежном — круглой внутренней тюрьме КГБ.

Обо всем этом я думал в инфарктном автобусе. Поднимаясь по парадной лестнице КГБ, вспомнил два анекдота о дверях этой конторы. Первый: «Дверь на ремонте. Просим стучать по телефону». Второй: «Наружная ручка двери стерта до основания, внутренняя — совсем новенькая». Нет, дверь была вполне исправна, так что стучать можно было старым способом, правда, стукачи обычно входили не с парадного входа, а с бокового (с ул. Комсомольской). «Гостей» же завозили в спецтранспорте с улицы Урицкого, прямо к нынешней обители Леопольда. Поэтому начищенные до блеска ручки имели одинаковый износ. Значит, в парадную дверь сколько народу входило, примерно столько и выходило, что меня слегка успокоило.

Пустой вестибюль. Прямо напротив входа — огромный бронзовый бюст железного Феликса. Тишина... Вдруг Феликс Эдмундович приятным баритоном произнес:

— Михаил Абрамович, поднимайтесь сюда, пожалуйста.

Я вздрогнул и уставился на рыцаря революции. Нет, он был молчалив и безучастен. Осторожно поднял глаза выше. Прямо над его макушкой, опершись на балюстраду второго этажа, стоял худощавый, со вкусом одетый человек немного за пятьдесят и, улыбаясь, показывал на правую от меня лестницу. Так я познакомился со следователем КГБ полковником Горшковым.

Встречаясь с этими людьми до и после описываемых событий, я заметил, что, вызывая человека, они стараются в первый момент наблюдать за ним из незаметной для него позиции. Видимо, это позволяет оценивать его состояние (тревога, страх) по внешним признакам поведения, что облегчает дальнейшую обработку. Что касается моего тогдашнего состояния, то, насколько я могу оценить его сейчас, я знал, что не расстреляют и, скорее всего, не посадят — не те времена. Но знал также и то, что эти ребята не для того раскручивают «дело», чтобы потом извиниться и прекратить его за отсутствием состава. Знал и то, по чьей команде оно раскручивается. Так что будут крутить до упора, и с работой, скорее всего, придется расстаться при всей смехотворности «преступления» (так оно потом и получилось, но об этом позже). Все это рождало досаду, а это чувство со страхом во мне как-то не уживается: или — или. Это отчасти объясняет некоторые нюансы моего последующего поведения.

А пока мы с ним идем по длинному пустому коридору. Долго идем.

— Вы у нас впервые?

— Нет, бывал в конце 47-го.

Вопросительный полуоборот: на предмет?

— Приглашали на работу, — и, увидев удивленно поднятую бровь, пояснил: — Занимался спортом, в комсомол вступил в партизанском отряде, ну и брат после фронта работал в вашей системе, так что, видно, подходил.

— Ну и?..

— Брат отсоветовал.

— Отчего?

— Возможно, предвидел последующие события.

— Вы это о чем?

— О сорок восьмом — пятьдесят третьем годах [2].

— Понятно...

Но мы уже пришли. Небольшой кабинет. Стол, диван. Он за столом. Я — на диване. На столе, справа от него, стопки книг, как потом оказалось, изъятый «компромат». Много книг. Потрудился Леопольд...

Трехчасовой допрос начался для меня несколько неожиданно.

— Михаил Абрамович, последнее время мне много приходится иметь дело с евреями и, по процедуре, я обязан задать вам вопрос: переводчик нам нужен?

— Простите, не понял.

— Ну, вы на каком языке желаете давать показания?

— А, вот вы о чем. Ну, если будете задавать вопросы на иврите или на идише, то потребуется: у меня с родным языком, увы, не очень, а если на русском, то обойдемся как-нибудь.

Думаю, мой ответ и вообще манера поведения оказались для него не совсем привычными. Вероятно, некоторые вели себя иначе. В этом я убедился позднее на суде. Как ни странно, это в основном относилось к друзьям Леопольда, очень пожилым пенсионерам, которым и терять-то было нечего. Видимо, сказывался синдром 37-го.

Если для экономии места вопросы и ответы первого часа спрессовать в блоки, то получится примерно следующее.

Вопросы: «Вы коммунист?», «Догадываетесь, зачем вас пригласили?», «Леопольда Соломоновича знаете?», «Что за человек?», «Чем занимался?», «Что-нибудь замечали?», «Знаете, за что он арестован?», «Что кому давал?», «А вам?», «Вы в этом уверены?», «Попытайтесь вспомнить», «А все-таки? Это очень важно. Вам это ничем не грозит. Ну читали и читали, подумаешь...» И т. д. и т. п.

Ответы: «Беспартийный», «Зачем пригласили, не знаю», «Леопольд — человек порядочный, специалист от Бога», «За что сидит, сообщали, но деталей не знаю», «Понимаю, что важно, раз посадили такого человека.» «Мне он ничего не давал», «Память у меня хорошая», «Ничего не замечал...» И т. д. и т. п.

На втором часу тон вопросов (да и ответов) изменился.

— «Дети есть?» «Не забывайте, где работаете. У вас ведь и допуск есть. Диссертацию пишете.» «Не забывайте, что мы многое можем...» И т.д.

— «Есть дочь. Четыре года.» «Где и кем работаю, знаю. Знаю и ваши возможности.» «Но вы меня не пугайте. Свою норму страха я уже съел лет 25 тому назад в концлагере СС.»

— «Нет-нет, я и не думал вас пугать. И о лагере мы знаем.» «Ведь все это в ваших же интересах.» «Кстати, не помните, что вам давал N (фамилию опускаю)?»

Значит, раскололся, козел, и мне ничего не сказал, хоть виделся сто раз в библиотеке, где он работал. Потом оказалось, что и другой (фамилию опускаю) тоже разговорился. Зря, значит, я играл в партизана на допросе. Пришлось «вспомнить» о двух книгах, переданных мне этими людьми.

Потом еще час перетягивали канат по поводу какой-то карты «Великого Израиля», которую я ни до, ни после в глаза не видел. Дошло до угроз немедленно выехать ко мне домой с обыском за этой картой. Далась им эта география...

Самое интересное было в конце, когда он сел писать протокол, а я сидел на диване и скучал, глядя на кучу «компроматных» книг на столе, пока не вспомнил о своей книжке. Достал из кармана и стал читать. Прошло минут десять — он скрипит пером, я читаю, и вдруг резкий вопрос, почти окрик:

— Что это вы там читаете?

Видно, решил, что я взял какую-нибудь «бляку» со стола.

— «Семеро среди пингвинов».

— Что-что?

— «Семеро среди пингвинов». Француза одного. Об антарктической экспедиции. Очень интересная вещь. Можете посмотреть.

— Так...

Удивление и досада на лице и в голосе: он, понимаешь, вкалывает, а разоблаченный пособник сионизма, видите ли, интересуется пингвинами. В 37-ом показали бы тебе пингвинов и французов заодно...

Протокол оказался грамотным и неожиданно объективным. После подписания и традиционного предупреждения о неразглашении, он проводил меня до железного Феликса, протянул руку и, глядя мне прямо в глаза, откровенно признался:

— Не нравитесь вы мне.

— А вы мне нравитесь.

И я не лукавил: нормальный мужик, неглупый и вполне интеллигентный. Не жлоб. Ну, а служба — она и есть служба. Через пару лет он умер, так и не успев покончить с сионизмом. Бог ему судья.

Часть II. Суд

Суд проходил в начале 1969 года. Зал заседаний городского суда был переполнен. Ведь преступление-то было «государственное» — группа евреев «читала и одобряла» литературу, изданную в Израиле и не проверенную нашими «нравоохранительными» органами. При этом надо учесть, что обстановка была накалена недавней Шестидневной войной на Ближнем Востоке и рукой «дружеской» помощи, протянутой Чехословакии.

Ну, то, что читали — понятно. Признались. А вот откуда взяли, что «одобряли», — это до сих пор остается для меня загадкой. Но именно с такой формулировкой сразу после суда «читателей»-коммунистов исключали из партии, преподавателей вузов и ведущих специалистов научно-исследовательских, проектных институтов и наладочных организаций увольняли с работы или понижали в должности.

Главным обвиняемым был Леопольд Соломонович Гринблат. Мы, рядовые «читатели», проходили как свидетели. Нас запускали по одному и после опроса оставляли в зале.

Подошла моя очередь. Сначала был зачитан протокол моего допроса в КГБ, потом я отвечал на вопросы членов суда и сторон. Точнее, одной стороны, поскольку защитников я там не заметил. А если они и присутствовали, то были настолько ошарашены «дерзостью преступления», что просто потеряли дар речи.

Я сказал, что Леопольд — человек уважаемый, специалист от Бога, а если и увлекся не той литературой, то это от избытка времени и энергии после ухода на пенсию. И что он больше не будет. Или что-то в этом роде.

Насколько помню, никто из свидетелей, опрошенных после меня, ничего плохого о Леопольде не говорил. Запомнился один весьма почтенного возраста пенсионер из «пикейных жилетов», у которого при обыске, кроме «запрещенной» литературы, нашли его собственные «антисоветские» стихи, которые и были зачитаны. Так вот, этот «поэт» заявил, что у него в активе есть немало и патриотических стихов и потребовал, чтобы ему дали возможность зачитать и их. Не дали. И правильно сделали, поскольку «антисоветские» были бредом сивой кобылы, а патриотические вряд ли могли быть лучше. Стихomania — болезнь неизлечимая. Было грустно и немного смешно, хотя нам тогда было далеко не до смеха.

В первых рядах сидели «литературоведы в штатском» и кадровики из организаций, инфицированных вирусом инакомыслия. После «дела врачей» я вновь почувствовал дыхание пропасти, разделяющей нас и всю эту «королевскую рать».

В последнем слове Леопольд осознал содеянное, признал вред, причиненный Родине, покался и попросил отпустить его с тем, чтобы он мог продолжить работу на благо семьи, своей организации и родного государства.

Зачитали приговор. Дали ему ровно столько, сколько он уже отсидел. В таких случаях у них бухгалтерия всегда сходилась без остатка в пользу сидельца. Система работала без сбоев. По всем «читателям» было вынесено частное определение с точным указанием места работы, занимаемой должности и степени участия. Среди соучастников трое — из нашей организации: два начальника отделов и я, главный специалист.

Часть III. Персона non grata

Назавтра, придя на работу, сразу ощутил, что атмосфера вокруг меня сгустилась до почти осязаемой плотности. Как и прежде, ко мне приходили на консультацию, но во всем чувствовалось, что я здесь уже не жилец.

Последний акт драмы начался с первого или так называемого спецотдела, которым руководила молодая и довольно милая женщина, жена полковника КГБ. За сроком давности могу признаться, что прежде она выказывала мне повышенные знаки внимания, хотя мы так и не перешли черту, отделяющую флирт от очередной стадии служебного романа. К сожалению. Так вот, пригласив меня в это «святилище государственных тайн», она, запинаясь и краснея, сообщила мне, что, к ее огромному сожалению, я лишен допуска к работе с секретными материалами. А поскольку часть моей работы (трассы ЛЭП) базировалась на топографических картах генштаба, а уже раскрученная диссертация — на закрытых статистических данных, то на всем этом был поставлен жирный крест.

Это был обычный для КГБ способ, позволяющий при отсутствии каких-либо правовых оснований «съесть» человека, лишив его допуска, то есть, по сути, объявив ему запрет на профессию. При этом человек не только не мог обжаловать это решение, но даже узнать причину.

А как назло, об ту пору я как раз находился на взлете своей карьеры: был замечен союзным Министерством энергетики и электрификации, и по его поручению в 1967 году три месяца провел на Дальнем Востоке, где выполнял правительственное задание — ТЭД (технико-экономический доклад) по ускорению электрификации Сахалина и Камчатки. Небывалая честь для периферийного специалиста с другого конца Союза. Кроме того, это частично совпадало с темой моей диссертации. Впереди, как говорится, было «небо в алмазах». И вдруг такая напасть...

На следующее утро состоялся разговор с директором, к которому я уже был психологически готов.

— Садись, Миша. Я очень сожалею, но вынужден поставить вопрос о твоём понижении в должности.

— До какой отметки?

— Ну не знаю... Наверное, до старшего инженера.

— Я понимаю, что не всё от тебя зависит, но ты ведь знаешь, что Москва заинтересована в моей диссертации, а для ее завершения мне нужны еще год-полтора... Я готов это время поработать руководителем группы.

— Хорошо, мы подумаем...

— Когда будете решать?

— Завтра. На партбюро. Нас поджимают.

Днем я узнал, что они подумали и все-таки решили: понижать до старшего, то есть сразу на две ступени. Узнал и о том, что на этом настоял один из главных руководителей института, мой сокурсник по энергофаку (фамилию опускаю). И обосновал толково: если понизить до «рука», а те, кто заказал музыку, сочтут, что этого мало и надо понижать дальше, то я как руководитель группы буду иметь право обратиться в суд, где даже с учетом нашего «позвоночного» права их аргументация окажется смехотворной. А главный специалист — должность административная и, чтобы его «съесть», достаточно простого решения «треугольника с тремя тупыми углами». Здесь я бесправен. Толково всё продумал мой институтский товарищ. Не зря после окончания института долго работал в каком-то техническом отделе КГБ. А ведь неплохой был мужик — в войну командовал пулеметным взводом. Видно, на гражданке нужен какой-то другой вид мужества. В этом я убеждался часто и продолжаю убеждаться ежедневно.

Аналогичные собеседования прошли с двумя другими «одобрителями», и в конце рабочего дня мы, не сговариваясь, подали заявления «по собственному желанию». Это формально. А фактически — по нежеланию участвовать в завтрашнем фарсе.

Итак, два ведущих отдела остались без начальников, третий — без главного специалиста. И все в один день.

Часть IV. Жизнь продолжается

Назавтра все трое пошли искать работу, а поскольку мы были достаточно известны в электротехническом мире, по городу поползли слухи: евреев-электриков выгоняют с работы. Не остались в стороне и остряки: «Не бывает дыма без огня. Наверное, что-то продали Израилю, возможно, закон Ома, а может быть, даже правило буравчика. Эти на всё способны».

Я начал поиск с организаций, где меня хорошо знали, работали по моим проектам, обращались за советами. Оказалось, что в одной из них нет вакансий, в другой — нужен допуск, в третьей — главный инженер (фамилию опускаю), мой бывший коллега по техникуму и боксу, готов «обеими руками», но директор боится, хотя всем было известно, что не директор, а именно он играл в этом институте первую скрипку. И этому не хватило пороха, а ведь на ринге не пасовал.

Нашлась все же организация, куда меня приняли на должность старшего инженера. Забегая вперед, скажу, что там я проработал 24 года, спустя полгода стал руководителем группы, еще через год — главным инженером проекта. Там я обрел надежных коллег и друзей. В их числе — один из главных друзей моей жизни, как ни странно, начальник первого отдела, парторг, бывший полковник разведки, незабвенный Георгий Леонидович Зотков. Лет через пять после описываемых событий я случайно (не от него) узнал, что, когда возник вопрос о моем выдвижении на главного, а партбюро вспомнило о моем «колпаке», он пошел в КГБ и добился там снятия всех запретов.

Этот уникальный человек погиб в 1988 году в автомобильной аварии. Сегодня его вдова Евгения Георгиевна — в числе моих ближайших друзей, которым я всегда готов оказать любую посильную помощь.

Однако вернемся в 1969-й.

Уже оформившись в новую организацию, я получил открытку: «Прошу зайти по интересующему Вас вопросу». Автор — заведующий отделом института ЦНИИМЭСХ, доктор технических наук Виталий Кузьмич Плюгачев. Он проталкивал в жизнь одну идею, позволявшую сэкономить по стране многие тысячи тонн алюминия, идущего на провода ЛЭП. Однако мне (и не только мне) было ясно, что недостатки предлагаемой системы сводили на нет все ее преимущества, и я на всех конференциях открыто выступал против его детища. При этом был уверен, что Виталий Кузьмич считает меня своим злейшим врагом. Так вот, он битый час уговаривал меня пойти к нему главным инженером лаборатории, обещая защиту диссертации в течение года: «Вы всю жизнь работали на них, поработайте пару лет на себя». Я понимал, что там мне предстоит отстаивать систему, против которой выступал все эти годы. Поэтому поблагодарил и отказался, но сохранил глубокое уважение к человеку, протянувшему руку помощи своему идейному противнику, к тому же сидящему «под колпаком».

Но самое интересное случилось потом. Дней через 8-10 после моего ухода меня пригласил заместитель главного инженера института, в котором меня «съели», партийный активист Николай Вячеславович Карпович. Это был человек умный, грамотный и глубоко

порядочный. Пользуясь этими его качествами, дирекция иногда использовала его в ситуациях, в которых ему не следовало бы оказываться. Думаю, что это и его самого тяготило.

Когда-то у костра, на рыбалке, он попытался преподать мне основы партийной морали, но я тогда ему сказал:

— Не надо, Коля. Если я не всегда говорю, что думаю, то, в отличие от тебя, могу себе позволить роскошь не говорить того, чего не думаю. Давай лучше выпьем.

Так вот, получив приглашение, прихожу и слышу:

— Мы решили предложить тебе вернуться назад руководителем группы.

— Что так?

— Приезжала Аня Халфен (аспирант московских докторов наук Левина и Эбина, заинтересованных в моей теме как в сырье для своих глобальных исследований)... Ну, мы подумали... И, вот... Решили...

— Аня и со мной встречалась. Я ей объяснил ситуацию. Но ты что-то темнишь. Чувствую, что дело не только в этом.

— Правильно чувствуешь. Но это строго между нами. Нас вздрючил горком: «Мы вам сказали их погугать, а вы — сразу к стенке. Теперь весь город гудит. Только этого нам не хватало».

— Перебдели, выходит?

— Выходит, что так...

— Горком, говоришь? А я думал, что КГБ.

— КГБ — только инструмент, вооруженный отряд КПСС.

— Понятно. Ну, что тебе сказать... Во-первых, Ане я уже сказал, что этой темой я больше заниматься не смогу, и объяснил почему. Во-вторых, я уже работаю, и новая работа меня устраивает. Ну, а в-третьих, я ведь предлагал компромисс. А теперь скажу тебе как другу: чем возвращаться к вам после всего, что было, лучше — в таксисты. К тебе у меня претензий нет, так что — до следующей рыбалки.

Так и закончилась моя эпопея, начавшаяся с визита в КГБ.

Могу лишь добавить, что после всего этого мои бывшие сотрудники 10 лет приходили в новую организацию на мои дни рождения с цветами и коньяком, вызывая удивление моих новых коллег. Похоже, это была несколько запоздалая форма пассивного протеста против произвола властей.

У других «государственных преступников» сложилось по-разному. Кто-то постепенно достиг прежнего уровня. Иные так и не смогли реализовать свой уникальный опыт и квалификацию. Кое-кто от морального потрясения и незаслуженной обиды преждевременно ушел из жизни. Имена некоторых из пострадавших приведены в эпилоге этого рассказа. В главном проигрыше, как всегда, оказались экономика и наука.

Часть V. Лев Рогов

Хотел бы привести здесь рассказ одного из «попавших под каток», бывшего фронтовика, вступившего в партию между двумя атаками, крупнейшего в республике уникального специалиста по релейной защите и автоматике энергосистем, человека прямого, честного и смелого — Льва Давидовича Рогова, пусть земля ему будет пухом. Так вот, исключили его из партии, уволили с работы и зарубили уже готовую диссертацию за чтение книги Леона Юриса «Эксокус» [3] (кстати, и меня «съели» за нее же и еще за книгу Бен-Гуриона [4] «До и после Синайской кампании» [5]). После этого Рогов обнаружил, что эта книга на английском языке свободно выдается в Московской центральной библиотеке. Подал апелляцию в Комиссию партийного контроля (КПК) своего райкома. Отказали. Потом — горком. Опять отказ. Так дошел до КПК ЦК КПБ. Пришел в назначенный час. В зале ожидания слоняется куча штрафников из низовой партийной элиты. Кто — за пьянку, кто — из-за баб, кто — на руку не чист. И он среди них, одинокий бедолага-«сионист».

Пришел его черед. Заходит. Длиннющий стол. На дальнем торце стола — Петр Миронович Машеров, по бокам вдоль стола — синклит, на другом торце, метрах в пятнадцати от Машерова — «сионист».

Секретарь зачитывает перечень злодеяний «сиониста», главные из которых — «чтение и одобрение».

Артистичный Петр Миронович недоуменно широко разводит руками:

— Коммунизм и сионизм?! — давая тем самым понять, что это вещи несовместные.

(Не мог предвидеть покойный Петр Миронович, что через пару десятков лет многие из еще недавно идейных коммунистов репатрируют в государство Израиль; самыми ревностными христианами, мусульманами и иудеями станут именно коммунисты, а телевидение будет показывать, как бывшие секретари обкомов и ЦК толпятся со свечками у алтарей и восстанавливают храмы, взорванные их предшественниками. Воистину неисповедимы пути Господни!)

Лева Рогов, глядя ему прямо в глаза, режет:

— Я имею такое же отношение к сионизму, как вы — к католицизму!

Немая сцена. Свита побледнела.

Петр Миронович, сохраняя выдержку:

— Кто «за»? Против? Воздержался? Никого! Единогласно. Вам в восстановлении отказано. За вами оставлено право вступать вновь на общих основаниях.

— Я в партию вступал на фронте и вторично вступать не собираюсь.

— Это ваше дело. Вы свободны.

Вот так Лева Рогов, фронтовик, человек абсолютно интернациональной закваски, честный коммунист, навсегда расстался с родной КПСС.

Вместо эпилога

(О судьбах некоторых пострадавших)

ГРИНБЛАТ Леопольд Соломонович — старейший инженер-электрик республики (умер).

МИНКОВСКИЙ Даниил Игнатьевич — кандидат технических наук, доцент БПИ. Был уволен из института (умер).

СЛЕПЯН Яков Юльевич — кандидат технических наук, доцент БПИ, участник войны. Был исключен из партии и уволен из института (умер).

РОГОВ Лев Давидович — крупнейший специалист по релейной защите и автоматике энергосистем, участник войны. Был исключен из партии, уволен из НИИ и лишен возможности защитить готовую диссертацию (умер).

ДЕЙЧ Семен Моисеевич — начальник технического отдела института «Энергосетьпроект», известный специалист в области ЛЭП высокого и сверхвысокого напряжения, бывший узник фашизма. Был вынужден уволиться (живет в США).

ДРЕЕР Семен Геронимович — начальник отдела релейной защиты и автоматики института «Энергосетьпроект». Отличный специалист и организатор. Был вынужден уволиться (живет в Израиле).

ГРАЙФЕР Иосиф Овсеевич — начальник участка треста «Белпромналадка», крупнейший специалист, бывший узник гетто. Был уволен (живет в Минске, работает главным энергетиком завода).

О судьбе остальных мне не известно.

Примечания:

1. *Шестидневная война* — третья война между Государством Израиль и арабскими странами (Египет, Сирия, Иордания, Ирак), продолжавшаяся с 5 по 10 июня 1967 года и закончившаяся поражением арабов.

2. 1948-1953 годы — период становления политики государственного антисемитизма в СССР, начавшийся с убийства в Минске нар. арт. СССР Соломона Михоэлса, массовой «борьбы с безродными космополитами», уничтожения Еврейского Антифашистского комитета и расстрела его членов, «Дела врачей».

3. «Экзодус» («Исход») — роман американского писателя Леона Юриса, вышедший в 1958 году и принесший ему мировую известность (общий тираж книги превысил 7 млн. экз.). Как писал автор, это роман о «людях, которые не просят прощения за то, что они родились евреями, и за то, что они хотят жить достойно». Первый перевод «Экзодуса» на русский язык ходил по СССР в конце 1960-х гг. в списках. В 1969 году советская пресса называла Л. Юриса писателем «низкопробным»,

испытывающим «зоологическую ненависть к СССР и, в частности — к русским». В современной России, начиная с 1994 года, «Экзодус» выдержал несколько изданий.

4. Давид Бен-Гурион (р. 1886, Плоньск, Польша, Российская имп. — ум. 1973, Тель-Авив, Израиль) — еврейский государственный деятель и политический лидер сионизма, в 1948—1953, 1955—1963 — премьер-министр и министр обороны Израиля.

5. Синайская кампания — операция израильской армии против вооруженных сил Египта в Синае и в секторе Газы, осуществленная 29 октября — 5 ноября 1956 г. (вторая арабо-израильская война).

ОБЛОЖКА ПАРТБИЛЕТА

Отец и сын Соколенко: синусоида судьбы

*В основу очерка положены рассказы моего друга Соколенко-младшего, его сестры Милы, общих знакомых, выписки из судебного решения и реабилитационного дела, статьи из сибирских газет и журналов, письма и другие материалы.
(Все события подлинные.)*

Соколенко, отец

Москва. 17 мая 1938 года. Ночью в дверь постучали. За последний год дом работников Наркомата тяжелой промышленности привык к ночным стукам. Почти еженощно «черный ворон» увозил «врагов народа» — работников Наркомата, а зачастую и их жен.

На этот раз пришел черед начальника Главного управления промышленных предприятий Наркомата связи СССР Александра Соколенко — «врага народа, вредителя, предателя и ярого контрреволюционера», «пламенного большевика, самозабвенно преданного партии и революции, обладавшего огромной силой воли, выдержкой и бесстрашием в борьбе с врагами партии».

Нет, нет, это не бред шизофреника и не о разных людях. Всё это об одном и том же человеке — Александре Соколенко. Просто первая цитата взята из обвинительного заключения к смертному приговору военной коллегии Верховного суда СССР от 27 сентября 1938 года, вторая — из реабилитационного определения военной коллегии Верховного суда СССР от 19 мая 1956 года.

Этим определением Александр Соколенко был полностью реабилитирован. Одновременно он был восстановлен в партии посмертно, что, на мой взгляд, явилось последним изощренным оскорблением невинно убиенного человека. Ну как тут не вспомнить слова Александра Галича на смерть Пастернака: «Вот пробил час, и снова мародеры становятся в почетный караул».

Но вернемся к истинной биографии этого столь противоречиво оцененного человека.

Родился в 1897 году в Могилеве. Когда-то у него была другая фамилия и скорее всего другое имя, однако в 1917 году при вступлении в партию он принял эту партийную кличку, которая потом стала фамилией его, а также детей, внуков, правнуков.

Был он из тех большевиков-евреев, которые веками копившуюся в тесных местечках «черты оседлости» обиду на несправедливость и притеснения обратили на борьбу за счастье и светлое будущее всего человечества и, естественно, за немедленную мировую революцию.

Рабочий, слесарь, участник революции и гражданской войны, выпускник Московской промышленной академии, в разные годы — сотрудник ЧК (предтеча будущих ОГПУ, НКВД, МВД, КГБ), где боролся с настоящими врагами советской власти за выживание нового строя. Потом — соратник легендарного наркома Серго Орджоникидзе: уполномоченный Наркомтяжпрома СССР по БССР, директор крупного оборонного завода в Горьком. И наконец — член Коллегии и начальник Главка промышленных предприятий Наркомата связи СССР.

Одно время — в тридцатых годах — управляющий трестом «Белмашстанкопром», где главбухом работал мой отец. Тогда я впервые услышал фамилию Соколенко и увидел этого человека, который иногда бывал у нас в гостях.

Ну а потом пришло время, когда, по выражению одного из вождей жирондистов Пьера Верньо, казненного якобинцами, «революция стала пожирать своих детей».

Для Александра Соколенко этот момент обозначился стуком в дверь майской ночью 1938 года.

Вошли трое — один в форме НКВД, двое — в штатском. Предъявили ордера на арест и обыск. Перерыли весь дом, опечатали кабинет хозяина и велели ему собираться. Дали попрощаться с семьей и увели. Навсегда.

При этом случился эпизод, о котором мне рассказывал мой послевоенный друг, сын «врага народа» Вилли Соколенко, и который почему-то врезался в память.

Отдавая «гостям» документы, отец задержал в руке партбилет и стал снимать с него обложку, чем вызвал некоторое беспокойство «группы захвата». Снял и протянул обложку сыну со словами:

— Возьми, сынок, тебе пригодится.

Вот, оказывается, о чем думал «враг народа», прощаясь с семьей. И с жизнью. Кстати, как выяснилось впоследствии, сыну обложка пригодилась.

О таких, как Александр Соколенко, Анатолий Рыбаков в своем «Романе-воспоминании» писал:

«Это история поколения детей революции, переживших крушение ее идеалов и превращенных в лагерную пыль... Романтическое обманутое и погибшее поколение».

27 сентября 1938 года Александр Соколенко был судим военной коллегией Верховного суда СССР (тройкой), приговорен к высшей мере и в тот же день расстрелян. Шел ему сорок второй год. Семье сообщили, что он осужден на 10 лет без права переписки.

Семья

О расстреле семья узнала только в мае 1956 года, то есть через 18 лет. Тогда стало понятным, что означает приговор «10 лет без права переписки».

Можно сказать, что семье повезло. Жену Рахиль Моисеевну, скрипачку, не забрали в лагерь жен предателей народа, а детей (Милу 14-ти и Вилю 13-ти лет) не разбросали по спецдомам НКВД (после этого дети, как правило, оставались сиротами, а немногие родители, пережившие лагерь, навсегда лишались своих детей).

Начались хождения по мукам — многочасовые стояния в очередях на Лубянку и в Бутырскую тюрьму, отказы в приеме передач, путанные объяснения, где находится человек, и над всем этим, как заклинание, грозные и непонятные слова: «10 лет без права переписки». Но всё заглушают радостные песни о просторах родины чудесной, за счастье жить в которой всенародное спасибо родимому Сталину. А кому же еще?

Вскоре семью выселили из квартиры, вещи конфисковали. Кровати и кое-какую утварь выбросили во двор. Детей приютила сестра матери. Там они спали на полу 12-метровой комнаты вместе с двумя детьми хозяйки.

Мать каким-то чудом устроилась в оркестр детского театра на площади Маяковского и целыми днями слонялась со скрипкой по городу или сидела в метро в ожидании начала спектакля.

Впрочем, вскоре, узнав, что она жена врага народа, из театра ее уволили. Ночевала Рахиль Моисеевна поочередно у немногих знакомых, которые еще отваживались ее принимать. Иногда людей сажали даже за это.

В 1940 году мать отправила детей в Минск к бабушке и вскоре переехала туда сама. Ее не прописывали и на работу не брали. Как-то удалось через знакомых устроиться в оркестр еврейского театра. Детей определили в школу № 47, расположенную по ул. Свердлова возле Виленского базара.

Рассказывает наш с Вилли общий знакомый, который в 1940 году был переведен в ту же школу из другой:

«Прихожу в восьмой класс, нашел свободную парту, сажусь. Подходит староста класса, сразу видно, образцово-показательная девочка.

— Сюда не садись!

— Почему?

— Здесь сидят дети врагов народа.

Через пару минут появились «вражьи дети». Ими оказались Эдик Комиссаров и бывший москвич Виля Соколенко. А поскольку я тоже был вражьиим сыном, мы подружились. Дружба с Вилей протянулась через всю мою жизнь».

Рассказывает сестра Вилли Мила Александровна Соколенко:

«В мае 1941 года еврейский театр выехал на гастроли в Витебск. Когда началась война, оттуда еще можно было эвакуироваться, и местные власти успели посадить труппу в один из последних эшелонов. Уехали почти все, включая маму, так как были уверены, что их родные будут эвакуированы из Минска в организованном порядке.

Те, кто вернулись в Минск, погибли в гетто, как и все родственники матери.

После 25 июня, когда Минск был охвачен пожаром и безвластием, старшие ребята из 8-10 классов нашей школы организовали группу «самозащиты» в составе 13 человек.

Ушли из горящего города лесами в сторону Могилева. Почти у всех родители остались в Минске, но мы надеялись, что скоро придут наши, и мы вернемся домой. С возвратом домой случилась задержка на три года, но нам повезло. Мы не нарвались на немецкие десанты, которые забрасывались по всем основным направлениям отхода на восток.

В деревнях нам давали кое-что поесть. Конечно, делили на всех. Дней через десять добрались до Могилева. Там старшие ребята посадили нас, двух девочек и Вилю, как младшего, в товарный вагон одного из последних эшелонов, а сами пошли в сторону Москвы, чтобы попасть на фронт. Попали. Многие погибли, один стал Героем Советского Союза.

Наш эшелон бомбили, обстреливали на бредущем, но мы все же добрались до Мордовии.

В эвакуации удалось найти маму. Много работали, страшно голодали, но мама говорила: «Нам хорошо, мы теперь как все». Вероятно, имела в виду, что мы затерялись в потоке эвакуированных людей и избавились хотя бы на время от клейма «семья врага народа».

Соколенко, сын

Ну а теперь о главном герое рассказа — о моем послевоенном друге Вилли Соколенко и о судьбе обложки отцовского партбилета. (Кстати, полагаю, что отец-коммунист составил имя сына из инициалов вождя революции — ВИЛ. Когда-то это было модно.)

Из Могилева он попал в Мордовию. Беспризорничал, голодал, оказался в плохой компании, дошел до грани, за которой уже маячил конфликт с законом. Судя по его рассказам, такое продолжение было вполне вероятным. Но помогли хорошие люди — простые работяги. Вовремя остановили, обучили профессии, устроили в общежитие.

Всю войну отработал на военном заводе в г. Златоусте.

Стал бригадиром, комсоргом, передовиком. Спал по 3-4 часа в сутки, зачастую прямо в цеху, на патронных ящиках, под лозунгом «Что ты сделал для фронта?»

Он делал всё, что мог. На всю жизнь полюбил запах конопляного масла, на котором сверлили пулеметные стволы. После войны мать и сестра вернулись в Минск, куда вскоре для восстановления города отозвали и Вилли.

В письме учителям и товарищам по заводу от 18.08.1947 года он благодарит их за то, что помогли стать человеком. Сообщает, что учится на втором курсе БПИ и одновременно заведует инструментальным хозяйством механического цеха радиозавода им. Молотова.

Познакомились мы с ним где-то в году сорок пятом, а выяснив, что наши отцы до войны работали в одном тресте, подружился.

Был он невысок, круглолиц, с несколько удлинненным разрезом прищуренных глаз. Что-то в его облике напоминало рабочего-китайца или непальского шерпа. Выглядел крепко сбитым, основательным и надежным. Глаза светились живым интересом ко всему окружающему и готовностью немедленно разобраться в любой жизненной проблеме. Если добавить к этому густую копну черных вьющихся волос, то портрет будет полным. По характеру был он романтиком, но не мечты, а действия.

Такие люди часто попадают в передраги. Он не был исключением. Однажды, защищая женщину, схватился с группой отморожков, которые отделали его вполне профессионально. Встретив его через несколько дней, я увидел не лицо, а сплошную распухшую гематому, сквозь щелку которой едва просвечивал правый глаз. В нормальное состояние он приходил не менее месяца.

В 1952 году Вилля окончил факультет механизации сельского хозяйства, который тогда был в составе БПИ. На распределении, за два года до постановления о подъеме целины, он ткнул пальцем в какое-то место юго-западной Сибири, которое оказалось Алтайским краем. Туда и поехал с чемоданом книг, красавицей-женой и ее пятилетней дочерью. Поехал не для отработки двухлетнего «крепостного» срока, а с твердым намерением навсегда обосноваться в тех местах.

Когда в Москве брал билеты на Барнаул, кассирша спросила, где это. Туда два раза в неделю ходил прицепной вагон от Новосибирска. Там началось восхождение Соколенко-младшего по его главной жизненной тропе.

Вначале была Сычевская МТС, где он оказался первым дипломированным инженером не только в МТС, но и во всем районе. Отказался от предложенной ему должности главного инженера, так как в институте «не проходили» половину типов тамошних тракторов. Попросил должность контрольного мастера на ремонте. Освоив все премудрости, стал главным инженером. Тут и началась подковерная травля чужака.

В этот период он пишет матери о трудностях в работе, сибирских морозах, бурях в степи. Но все это преодолимо, а вот начальство... «Начальство ставит палки в колеса. Я не понимаю, откуда все исходит, мне не верилось, что могут травить из-за пятой графы. (Пятая графа в паспорте — национальность.) Причем все делается так, что не подкопаешься... Морально тяжело. Копаются в моей биографии, ищут чего-то».

Напомню, что это было вскоре после «дела врачей» и до XX съезда партии.

Потом несколько лет он работал директором Анисимовской МТС.

А затем началось главное дело его жизни — совхоз «Санниковский».

«Первым днем творенья» стало 3 апреля 1963 года: рождение нового совхоза. «Роды принимали» два человека — директор пока несуществующего хозяйства Вилли Соколенко и главный зоотехник Михаил Сирота, приехавшие на голое место, где их поздравили со вступлением в должность и благословили на самостоятельную жизнь.

Что было? Село Санниково, известное как «пьяная» деревня, и больше ничего — ни конторы, ни скота, ни машин, ни ферм, ни кирпича, ни даже бухгалтерских бланков. Ну буквально ничего.

Правда, под боком — Барнаул, предприятия которого хотели накормить своих рабочих и ради этого готовы были помочь новоселам. Конечно, хватало энергии, находчивости и энтузиазма первопроходцев.

Уже через 5 лет совхоз «Санниковский» стал одним из передовых предприятий края.

А в 1977 году Георгий Егоров в журнале «Сибирские огни» пишет: «Проезжая по автотрассе Новосибирск — Барнаул, непременно обратишь внимание на огромный животноводческий комплекс, красивые 5-этажные дома, школу, клуб, столовую. Вокруг роскошная березовая роща, сосновый бор. Все это — центральная усадьба совхоза «Санниковский». В тени рощ длинные животноводческие постройки. Летом кажется, что здесь коровы, особенно молодняк, живут на даче».

Журналист не упоминает консервный комбинат, комбикормовый завод, музыкальную школу, совхозный музей, духовой оркестр, народный хор, ставший академическим и объездивший все республики Союза, и...даже собственный Дом сельскохозяйственной науки.

Кстати, Вилли Соколенко явился родоначальником схемы «совхоз — магазин», что позволило накормить Барнаул свежими продуктами без посредников.

Мне неоднократно приходилось видеть его выступления на эту тему по телевидению.

В 1976 году «Санниковский» сдал в эксплуатацию 120 благоустроенных квартир. Каждая семья работников совхоза получила квартиру со всеми удобствами. За это, как за «излишества», он был подвергнут жесткой критике московской комиссии. А когда директор спросил у комиссии, как обстоит дело с «излишествами» в их московских квартирах, комиссия обиделась и уехала.

Вместе с совхозом рос директор и его квалифицированные кадры. Из «Санниковского» вышло 22 (!) директора совхозов и других крупных предприятий.

Для просившихся к нему на работу жителей края и других республик Союза были установлены очередь, конкурс и «курс молодого бойца». Из разных мест приходили письма зачастую с таким адресом: Алтайский край, село Санниково, совхоз Соколенковский. К нему домой приезжали секретари крайкома и бесчисленные делегации из разных республик Союза.

Вилли Соколенко никогда не ожидал в приемных самых высоких кабинетов.

Он собрал все награды Союза, включая орден Ленина. Его дважды выдвигали на звание Героя Социалистического Труда, но дважды «задвигали». О причинах судить не буду, чтобы не впасть в известный стереотип.

Естественно, все давалось нелегко. Спал по 4-5 часов в сутки. Всё бегом — от дома до машины, от машины до конторы или комплекса, по полю, если один. Бегом в буквальном смысле этого слова.

Совещания редкие, короткие и только по делу, без длинных речей и отчетов. Никаких пустых телефонных разговоров.

Конечно, начинал с искоренения пьянства. Пьяным работягам устраивал холодный душ, некоторым просто бил морду. Но и заботился о них как никто ни до, ни после. За 27 лет никого не выгнал, хотя сам был трезвенником.

Провел к селу настоящую дорогу, засадил село и фермы деревьями, вменив в обязанность жителей ежедневно поливать их. Разбил газоны, высадил цветы. Так среди бескрайних полей и степей возник зеленый оазис.

С разгильдяями боролся подчас весьма экстравагантными способами. Всего лишь один пример. Обнаружив, что водители ставят машины где попало, в том числе и на тщательно ухоженных газонах, а приказы не помогают, раздал пацанам шилья и приказал им прокалывать нарушителям шины. За пару дней был наведен порядок.

Думаю, что своей неукротимой энергией и методами достижения цели Соколенко напоминал Нагибинского председателя колхоза и его прототипа Кирилла Орловского.

Потом началась перестройка, а с ней крушение всего, чему он посвятил жизнь. Стали вырубать деревья, которые уже некому было поливать. Начали всё нажитое общим трудом растаскивать, проедать и пропивать. Этого убежденный коммунист Соколенко вынести не мог и в 1990 году из совхоза ушел.

Несколько лет он отработал в организационных структурах сельского хозяйства края, но не его делом это было. Душа рвалась в поля и на фермы.

Зимой 1996 года вновь пробил его звездный час. На 71 году жизни его позвали возглавить завалившийся совхоз «Косихинский». В совхозе почти не осталось скота. Отключены электричество и связь. Кончился уголь для котельной. Соколенко вновь ринулся в бой. Он (все-таки имя!) подключил все это, авансом выбил уголь. Наладил ремонт техники. Закрутились шестеренки производства. Поставил торговые точки на Бийской трассе. Потекла живая копейка. Запахло очередным «Соколенковским чудом».

Но к этому времени стало окончательно заваливаться его родное дитя — «Санниковский», и к нему пришли за помощью. Не выдержал и, прервав свой звездный час в «Косихинском», вернулся.

Вероятно, сделал ошибку, забыв, что в одну реку нельзя войти дважды. Изменились времена и нравы, а он остался прежним неукротимым коммунистом и «железным» директором. Взялся за дисциплину жестко и, видно, где-то пережал. Но иначе он не мог. Через год коллектив выбрал себе другого директора. (Это был короткий период выборных руководителей.)

Однако опыт его был востребован, и почти до 80 лет он проработал в «Алтайагропроде».

Теперь он на пенсии. Чего только не говорилось о нем в годы его могущества. Что у него дом в Германии, что у него израильский паспорт, что у него счет в Швейцарском банке и что, если прижмет, он тут же слиняет за «бугор». Только один вопрос оставался открытым: на рейсовом или на собственном самолете.

А он живет все в том же Санниково, в половине дома, куда в свое время запретил проводить горячую воду — считал нескромным. К рукам директора огромного совхоза, гремевшего на весь Советский Союз, ничего не прилипло. Отказался от «доли», предложенной ему приватизаторами совхозного имущества. У человека, ворочавшего большими миллионами, сегодня нет денег, чтобы построить себе баню. Была у него машина, которую украли. Есть старенький телевизор, скромная мебель.

Живут они вдвоем с больной, ослепшей женой, которую он более полувека назад увез из Минского оперного театра. Маргарита Николаевна всю жизнь положила на подъем культуры этой сибирской глубинки.

Корреспондент газеты «Вечерний Барнаул», бравший у него интервью в 2004 году, пишет, что трое из четырех встреченных жителей Санниково не могли сказать, где живет бывший директор совхоза. И заключает: «На роду ему было написано увидеть, как воплощается его мечта в реальность и как она же рассыпается в прах».

Послесловие

Я давно не встречался с другом юности Вилли Соколенко и не уверен, что, встретившись сегодня, мы бы полностью поняли друг друга.

Он был и остался убежденным коммунистом. Я без особой симпатии отношусь к коммунистической идее, особенно в нашем советском (а также китайском, корейском, кубинском) варианте ее реализации. Других я не знаю.

Вместе с тем я не считаю возможным с позиций сегодняшнего дня судить о людях, всю свою жизнь посвятивших служению этой высокой цели. Или великой химере. Как кому нравится.

Более того, изнывая от бесцелья нашей сегодняшней жизни, иногда даже завидую им. Как и любым искренне верующим людям. Ибо блажен, кто верует

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

(к повести «Проблески памяти»)

Распоряжение полевой комендатуры о создании гетто в г. Минске

г. Минск, 19 июля 1941 г.

1. С изданием настоящего распоряжения в г. Минске выделяется специальная часть города исключительно для расселения евреев.

2. Все еврейское население города Минска в течение 5 суток после оглашения настоящего распоряжения обязано переселиться в еврейский район. Если кто из евреев после истечения этого срока будет обнаружен вне еврейского района, то будет арестован и строго наказан.

3. Переселяемым разрешается брать с собой свое личное имущество. Лица, пойманные при вывозе или хищении чужого имущества, будут расстреливаться на месте.

4. Еврейский район ограничивается следующими улицами: Колхозный переулок, ул. Колхозная, река Свислочь, ул. Немига, исключая православную церковь, ул. Республиканская, ул. Шорная, ул. Коллекторная, Мебельный переулок, ул. Перекопская, ул. Низовая, Еврейское кладбище, ул. Обувная, 2-й Опанский переулок, ул. Заславльская до Колхозного переулка.

5. После окончания переселения еврейский жилой район должен быть обнесен каменной стеной и огражден от остальной части города. Стена должна быть воздвигнута жителями еврейского района. Для этого используется кирпич из нежилых и разрушаемых зданий.

6. Пребывание вне еврейского района мобилизованным в рабочие команды евреям запрещается. Рабочие команды покидают еврейский район только со специальным направлением к месту работы, выдаваемым Минской городской управой. За нарушение настоящего распоряжения — расстрел.

7. Вход и выход евреям в еврейский район разрешается только по улицам Опанского и Островского. Перелезать через стену запрещается. Немецкой охране и вспомогательной полиции отдан приказ стрелять в нарушителей.

8. В еврейский жилой район разрешается доступ лишь евреям и по служебным делам военнослужащим немецких воинских формирований и сотрудникам Минской городской управы.

9. На еврейский совет наложен заем в 30.000 червонцев на компенсацию расходов связанных с переселением. Указанная сумма, процентный взнос которой будет урегулирован позднее, в течение 12 часов после оглашения настоящего распоряжения должна быть внесена в городскую кассу управы по ул. Карла Маркса, 28.

10. Еврейский совет немедленно предоставляет жилищному отделу сведения обо всех оставленных евреями квартирах вне еврейского района, которые еще не заняты арийским (нееврейским) населением.

11. Порядок в еврейском жилом районе поддерживают специальные еврейские дружины порядка, приказ о создании которых будет издан в свое время.

12. За окончательное переселение еврейского населения в отведенный район несет ответственность еврейский совет города Минска. Всякое нарушение настоящего распоряжения строгойше наказывается.

Комендант полевой комендатуры г. Минска

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 937, л. 6-7; ф. 359, оп. 1, д. 8, л. 1-2.

Из сообщения № 20 оперативной группы «Б» о положении в Минске

г. Минск, 12 июля 1941 г.

Минск — столица Белорусской советской социалистической республики. В 1926 году насчитывал 131.803 чел. жителей, в 1939 г. — 237.772 жителя.

Минск обладает значительной индустрией. Центр города в результате воздушных налетов и пожаров полностью уничтожен (разрушен). Частично уцелели здания университета, Дома Красной Армии, оперный театр и Дом правительства.

Менее разрушенными оказались предместья города, где в основном размещаются промышленные предприятия.

Город остался без света и воды. Руководящие политические и государственные работники сбежали.

Настроение среди населения очень подавленное, так как многие остались без крова, а продовольственное положение все время ухудшается. По распоряжению коменданта полевой комендатуры для обеспечения безопасности тыловых коммуникаций и предотвращения актов саботажа все мужское население города в возрасте от 18 до 45 лет арестовано. Гражданские пленные в настоящее время подвергаются проверке.

По последнему сообщению оперативной группы «Б», деревянные дома в западной части города подожжены.

Дома, очевидно, подожжены евреями, так как они должны были освободить дома для возвращающихся белорусских беженцев. Население готово начать погромы. Ярость населения уже вызвала некоторые акции против евреев. За поджог ликвидирована некоторая часть евреев.

Порядок в еврейском жилом районе будет поддерживаться еврейской службой охраны порядка (специальное положение о ней следует дополнительно).

Еврейский совет гор. Минска полностью отвечает за осуществление приказа о переселении евреев. Лица, не подчиняющиеся этому приказу, будут строжайше наказаны.

Полевой комендант

НАРБ, ф. 4683, оп. 3. д. 948, л. 80-81; МКФ, арх. № 175, к. 722186-90. Перевод с немецкого.

Из сообщения № 31 полиции безопасности и СД о создании еврейского совета (юденрата)

г. Минск, 23 июля 1941 г.

Решение еврейского вопроса во время войны на этой территории кажется неосуществимо, так как при огромном количестве евреев решить его можно только путем переселения евреев. Однако чтобы создать на ближайшее время сносную базу, айнзатц-группой «Б» везде, где она до сих пор осуществляла свою деятельность, приняты следующие меры.

В каждом городе был назначен временный председатель еврейского совета, которому поручено создать еврейский совет в количестве от 3 до 10 человек. Еврейский совет полностью несет ответственность за поведение еврейского населения. Кроме того, он незамедлительно должен начать регистрацию всех евреев, проживающих в населенном пункте. Более того, еврейский совет должен создать трудовые группы из числа евреев в возрасте от 15 до 55 лет, которые должны трудиться на разборке развалин города и на других работах для немецких учреждений и воинских частей. В таких же возрастах создаются и еврейские женские группы.

Так как немецкий солдат не всегда безошибочно может отличить евреев от нееврейского местного населения, в некоторых случаях возникали недоразумения, то повсюду отдано распоряжение, чтобы евреи — мужчины и женщины в возрасте от 10 лет и старше немедленно нашили на грудь и на спину одежды желтые нашивки.

Еврейский совет подчиняется временным городским комиссарам. На должности городских комиссаров были назначены надежные белорусы, подобранные и предложенные айнзатцкомандами.

Первоочередной и трудноразрешимой проблемой, в связи с огромным количеством евреев, является размещение их в гетто. Эта работа уже проводится. Совместно с полевыми и местными комендатурами уже подобраны пригодные для этих целей городские кварталы.

Хозяйственная жизнь с разрушениями и разграблениями на первых порах была парализована. Некоторые предприятия в Минске и в Борисове уже вводятся в строй. Сельское производство в связи с реквизициями и хищениями затруднено, отчего сильно страдает продовольственное снабжение населения. Деньги здесь пока не имеют значения, оплата производится хлебом.

С командующим тылом группы армий достигнута полная договоренность и единодушие в части обращения с партизанами и бывшими солдатами в гражданской одежде.

Начаты крупные операции с участием полиции безопасности и СД. Они будут проводиться беспощадно.

14.07.1941 г. уже сообщалось об уничтожении 4.234 человек. На 19.07.1941 г. число ликвидированных увеличилось еще на 3.386 человек.

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 943, л. 88—89. Перевод с немецкого.

Из сводки полиции безопасности и СД № 31

23 июля 1941 г.

Секретно

Первоочередной и трудноразрешимой проблемой, в связи с огромным количеством евреев, является размещение их в гетто. Эта работа уже проводится. Совместно с полевыми и местными комендатурами уже подобраны пригодные для этих целей городские кварталы.

Отдано распоряжение о роспуске коммунистической партии и коммунистических союзов и организаций. Изъятие ценных документов, ценностей и т. д. обеспечены. Оперативная группа регулярно получает информацию о проведенных конфискациях и т. д.

*НАРБ, ф. 510, оп. 1, д. 71, л. 56; МКФ, арх. № 131. К. 721618, 721626, 721627.
Перевод с немецкого.*

Из административно-хозяйственного распоряжения № 5 командующего тылом группы армий «Центр» о запрещении евреям свободы передвижения и торговли

г. Минск, 21 августа 1941 г.

IX. Для облегчения строгого контроля за деятельностью евреев постановляется:

1. Евреям запрещается покидать район своего местожительства. Исключение составляют евреи, имеющие письменное разрешение от местной комендатуры, выданное в виде исключения в интересах германского вермахта.

2. Евреям запрещается торговля (закупка и продажа) с местным арийским населением. Запрет не касается евреев, которые работают по разрешению немецких учреждений совместно с коммерческими и промышленными предприятиями.

3. Нарушения наказываются со всей строгостью.

Командующий тылом группы армий «Центр» фон Шенкендорф, генерал от инфантерии

НАРБ, ф. 412, оп. 1, д. 19, л. 118, 120. Перевод с немецкого.

Из оперативной сводки № 92 полиции безопасности и СД о проведении истребительной акции в Минском гетто

23 сентября 1941 г.

...С привлечением полиции службы порядка и при помощи полевой жандармерии в гетто проведена крупная акция. Было арестовано около 2.500 евреев, в том числе женщин. Из них в течение 3-х дней всего подвергнуто экзекуции 2.278 чел. Речь идет исключительно о саботажниках и еврейских активистах. Среди них, между прочим, находилось очень много тех, кто не носил на одежде предписанные отличительные знаки.

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 1065, л. 190; МКФ. арх. № 175, к. 72379–72380. Перевод с немецкого.

Из дневника боевых действий 322-го полицейского батальона об истребительных акциях в Минском гетто

30 сентября 1941 г.

...30 августа 1941 г. Батальон без 8-й роты занимается военной подготовкой:

В 16.30 предварительное совещание командира батальона с обергруппенфюрером Кохом из СД в присутствии командиров рот по вопросу проведения карательной акции против евреев 31 августа и 1-го сентября 1941 г. в еврейском гетто Минска. Срок проведения антиеврейской акции 31 августа 1941 года, начало 15.00. Для проведения акции батальон выделяет 2 роты.

Капитан охранной полиции (шуцполиции) Июрке докладывает о перегрузке 7-й роты.

31 августа 1941 г. 7-я и 9-я роты проводят акцию против евреев в Минске.

Во время этой акции было арестовано и заключено в тюрьму в Минске около 70 евреев, в том числе 64 женщины.

1 сентября 1941 г. 9-я рота вместе с СД и НСАК (национал-социалистский автомобильный корпус) за Минском участвует в расстреле 914 евреев, в том числе 64 евреек. В их числе около 700 евреев и евреек, арестованных вчера. 7-й и 9-й ротами во время акции в Минском гетто. Расстрелы произведены без особых эксцессов. Попыток к бегству благодаря удачно выбранной местности и четкому руководству не было. Отчеты об особой деятельности и проведенных акциях 8-й ротой 28–29 и 30 августа 1941 г. см. в приложениях 105–107. Еврейки были расстреляны за то, что во время проведения акции в гетто Минска оказались без еврейских отличительных знаков.

НАРБ, ф. 4683, п. 3, д. 936, л. 43–45; МКФ. арх. № 454, к. 610–611. Перевод с немецкого.

Из приказа Государственного комиссара Остланда Х. Лозе

г. Рига, сентябрь, 1941 г.

§ 3. Для евреев местный окружной комиссар в зависимости от условий устанавливает особый комендантский час.

Государственный архив Минской области, ф. 623, оп. 1, д. 1, л. 146. Перевод с немецкого.

Постановление рейхскомиссара Остланда об обращении с еврейским имуществом в рейхскомиссариате Остланд

г. Рига, 13 октября 1941 г.

§1

Все движимое и недвижимое имущество еврейского населения на управляемой рейхскомиссаром Остланда территории подлежит конфискации, комиссарскому управлению и учету в соответствии со следующими предписаниями:

§2

Имуществом являются движимые и недвижимые вещи наряду со всеми принадлежностями, долговыми обязательствами, долевыми участиями, правами и интересами различного рода.

§3

1. Конфискация осуществляется рейхскомиссаром Остланда или через назначенные им учреждения. Конфискация проводится с помощью распоряжения относительно отдельных лиц или общего призыва через объявление и может быть ограничена единичными предметами имущества.

2. Конфискации не подлежат:

а) часть предметов домашнего обихода, необходимая для обычного жизненного обеспечения личности;

б) наличные деньги, банковские, сберегательные и ценные документы стоимостью до 100 нем. марок.

§4

1. В результате конфискации прежние владельцы теряют право распоряжения конфискованным имуществом.

2. Кто обладает конфискованным имуществом или сохраняет таковое, должен и в дальнейшем им распоряжаться. Изменения относительно распоряжения имуществом или доходами от него допускаются только в рамках ведения хозяйства. На все выходящие за эти рамки мероприятия требуется согласие рейхскомиссара Остланда или уполномоченных им учреждений.

§5

1. Над подлежащим конфискации имуществом может быть установлено комиссарское управление, если этого требует ведение хозяйства.

2. Введение комиссарского управления считается одновременно как конфискация.

3. Рейхскомиссар Остланда принимает распоряжения о создании и осуществлении комиссарского управления.

§6

1. Конфискованное имущество может быть изъято рейхскомиссаром Остланда или назначенными им учреждениями.

2. Распоряжение изымаемым имуществом предоставляется полномочным на это учреждениям.

3. Последние окончательно решают урегулирование принадлежащих к конфискованному имуществу долгов административным путем. Ответственность ограничивается размером стоимости продажи изъятого имущества.

§7

Уполномоченные на это власти могут призвать население к регистрации подлежащего конфискации имущества.

§8

Компетентные учреждения могут для проведения своих задач потребовать информации от каждого человека.

§9

1. Тюремным заключением и денежным штрафом или одной из этих мер будет наказан тот:

а) кто утаит от немецких гражданских учреждений или от их уполномоченных подлежащие конфискации вещи или каким-либо другим образом будет пытаться расстроить, помешать или препятствовать конфискации;

б) кто преднамеренно или по халатности порученное ему задание, согласно настоящему постановлению и инструкции о его исполнении, о регистрации имущества и его конфискации, не выполняет или выполняет не полностью.

2. В серьезных случаях в качестве наказания применяется тюремное заключение. Если виновный действует из-за упрямства или имеет место еще более серьезный случай, то может быть вынесен смертный приговор.

§ 10

Рейхскомиссар Остланда издает необходимые предписания для выполнения этого постановления.

§ 11

Постановление вступает в силу со дня его опубликования.

Рейхскомиссар Остланда Лозе

НАРБ, ф. 370, оп. 5, д. 2, л. 15. Перевод с немецкого.

Приказ № 24 коменданта Белоруссии об уничтожении евреев и цыган

г. Минск, 24 ноября 1941 г.

...Евреи и цыгане: приказы № 9 от 28.9.1941, п. 6; № 11 от 4.10.1941 г. п. 2. в, № 13 от 10.10.41 г., п. 18. Как указано в приказах — евреи должны исчезнуть с лица земли, также и цыгане должны быть уничтожены. Проведение операций против евреев в более крупных масштабах не являются задачей частей дивизии. Операции проводятся гражданскими и полицейскими частями по приказу коменданта Белоруссии, если в ведение его будут переданы спецчасти... Небольшие группы евреев можно уничтожать или передавать в гетто, где затем они будут переданы гражданскому управлению или СД.

Барон фон Бехтольсхайм

НАРБ, ф. 378, оп. 1, д. 698, л. 32. Перевод с немецкого.

Письмо генерального комиссара Белоруссии В. Кубе рейхскомиссару Остланда Х. Лозе о депортации евреев из Германии в Белоруссию

г. Минск, 16 декабря 1941 г.

Мой дорогой Генрих! Я прошу тебя лично дать официальную директиву о позиции гражданских властей относительно евреев, депортированных из Германии в Белоруссию. Среди этих евреев есть люди, которые воевали на фронте (в Первую мировую войну) и награждены Железным крестом первой и второй степени, инвалиды войны, наполовину и даже на три четверти арийцы. На сегодняшний день прибыли лишь 6000—7000 евреев из ожидаемых 25.000, о которых нам было сообщено. Я не знаю, что с остальными. Во время нескольких официальных визитов в гетто я отметил, что среди этих евреев, отличающихся от русских евреев и своей чистоплотностью, есть квалифицированные рабочие, способные сделать за день в пять раз больше, чем русские евреи.

Эти евреи, вероятно, погибнут от холода или голода в ближайшие недели. Для нас они представляют страшную угрозу как распространители болезней, ибо они, как и мы, немцы, подвержены 22 эпидемическим заболеваниям, распространенным в Белоруссии.

На свою ответственность я не дам СД никаких указаний относительно обращения с этими людьми, хотя некоторые подразделения вермахта и полиции уже наложили руки на имущество евреев, депортированных из рейха. Так, СД забрало у них 400 матрасов, а

также конфисковало и другие вещи. Я, безусловно, тверд в своем мнении и желаю содействовать решению еврейского вопроса, но эти люди, которые принадлежат к нашей культуре, отличаются от тупого стада местных. Может быть, возложить массовые расстрелы на литовцев и латышей, которые чужды и местному населению. Я не могу этого сделать. Прошу тебя дать точные директивы, чтобы надлежащая акция была проведена наиболее гуманным образом.

С сердечным приветом, Хайль Гитлер! Твой Вильгельм Кубе.
Перевод с немецкого.

«Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944). Сборник документов и материалов.» Иерусалим, 1991. С.178—179.

Из приложения № 1 к отчету о деятельности группы ГФП-723 об отношении местного населения к истребительным акциям против евреев

г. Минск, декабрь 1941г.

...Интересной является и позиция русских по отношению к евреям и проводимым в отношении их мерам немецких оккупационных властей. Широкие массы русских не знают, что такое расовая проблема, и она чужда им.

...Русские воспринимают массовое уничтожение евреев как зверство со стороны немцев, которое, однако, не в убыток им. В различных местах имеют место случаи, когда массовое уничтожение евреев дает повод к злобной антинемецкой пропаганде, кульминационным пунктом которой являются заявления, что за евреями их судьбу разделят русские. Какого-либо заметного успеха подстрекатели не добились. В большинстве они были выявлены и расстреляны.

Комиссар полевой полиции и начальник группы Родбаде

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 962, л. 24. Перевод с немецкого.

Из отчета канцелярии Имперского министра иностранных дел относительно евреев

г. Берлин, 1941 г.

...В ходе восточного похода евреи проявили себя как саботажники, грабители, шпионы, террористы, морально неустойчивые, занимались коммунистической агитацией, оказывали пассивное сопротивление, распространяли пораженческие слухи, сеяли неверие в успешное наступление. Естественно, что такое поведение, проводимое по советской указке, повлекло бы за собой разобщение немецкого общества, оно не смогло бы действовать в полную силу. Евреи сумели замаскироваться как переводчики, пробраться в немецкие административно-хозяйственные организации руководителями предприятий, работающих на военные нужды, чтобы использовать свое положение для скрытой враждебной деятельности в своих личных интересах.

Такое поведение евреев вызвало необходимость провести предварительные чистки...

Всего было ликвидировано свыше 11 тысяч. Подробные данные обо всех уничтоженных евреях в трех гебитскомиссариатах можно почерпнуть из германской книги. Большую часть евреев ввиду опасности саботажа пришлось изолировать в особые лагеря. В больших лагерях были оборудованы гетто, в которые свозились евреи с различных мест района, области...

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 928, л. 45–46. Перевод с немецкого.

Из сообщения № 156 начальника полиции безопасности и СД об уничтожении евреев

16 января 1942 г.

...В Белоруссии очищение идет полным ходом. Число евреев в переданной до сих пор под гражданское управление части Белоруссии составляет в настоящее время 139 000 чел.

Оперативной группой «А» со дня ее деятельности в Белоруссии расстреляно 33 210 евреев.

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 91, л. 196; МКФ. Арх. № 175, к. 723979—723981. Перевод с немецкого.

Из протокола заседания начальников главных отделов Генерального комиссариата Белоруссии относительно местных и немецких евреев

г. Минск, 29 января 1942 г.

...Количество евреев не может быть определено, хотя в стране оно очень высокое. Еврейское население в стране терроризируется. Полная ликвидация евреев в настоящее время из-за морозов невозможна, т. к. земля сильно промерзла, чтобы можно было выкопать ямы, которые затем могут служить братскими могилами для евреев. Полное уничтожение евреев невозможно и потому, что среди евреев есть и рабочая сила.

Различают 2 категории евреев:

а) русские евреи; б) немецкие евреи. Русские евреи — натуры упрямые и работают с неохотой. Немецкие евреи проявляют старание в работе, благодаря чему становится понятно, что они верят, что после победоносного окончания войны снова будут возвращены в старую империю. Речь идет, таким образом, о борьбе за существование. Необходимо поддержать их веру в возвращение в Германию и, таким образом, добиться высокой производительности труда.

Весна, все-таки, начнется снова сильными экзекуциями. Ранее должны были проводить испытания латыши, прикомандированные во вспомогательную полицию.

В минском гетто размещение евреев плохое. К тому же там процветает спекуляция. Из-за тесных жилищных условий в гетто надзор будет осложнен.

ГАРФ. ф. 7021, оп. 1, д. 53, л. 164.

Из отчета о деятельности в Белоруссии оперативной группы 4 «А» полиции безопасности и СД за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

...Вопрос решительной и полной ликвидации евреев на территории Белоруссии после прихода немцев наталкивается на известные трудности. Как раз здесь евреи составляют чрезвычайно высокий процент специалистов, которые в области, вследствие отсутствия других резервов, являются необходимыми. Кроме того, оперативная группа «А» приняла эту территорию лишь с наступлением сильных морозов, которые очень затрудняли проведение массовых экзекуций.

Дальнейшая трудность заключается в том, что евреи живут разбросанно по всей территории; учитывая большие расстояния, плохое состояние дорог, недостаток автотранспорта, бензина и незначительные силы полиции безопасности СД, проведение расстрелов возможно только при максимальном напряжении всех сил. Несмотря на это, расстреляна уже 41 тысяча евреев. В это число не вошли расстрелянные прежними оперативными командами...

Командиру полиции по Белоруссии, несмотря на тяжелое положение, даны указания как можно быстрее ликвидировать еврейский вопрос. Но все же для этого потребуется около двух месяцев времени в зависимости от погоды.

Размещение оставшихся евреев в существующих гетто и лагерях Белоруссии подходит к концу...

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т.1. М., 1954. С.849.

Из отчета коменданта Белоруссии о деятельности оперативных групп по состоянию на 1 февраля 1942 г.

...Количество еврейского населения, уничтоженного оперативной группой «А» в ходе операции против евреев:

Минск — 41 828 чел.

Примерное количество еще оставшихся евреев составляет 128 000 чел

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 945. л. 35. Перевод с немецкого.

Из сообщения № 178 полиции безопасности и СД об антиеврейской акции в г. Минске

г. Минск, 9 марта 1942 г.

Командир Гофман приказал с 1 по 3 марта провести в Минске и Койданове большую акцию против русских евреев обоего пола. Для сохранения в тайне намеченного мероприятия юденрату было сообщено, что 5000 евреев из гетто будут «переселены», они должны быть отобраны юденратом и собраны для отправки, каждый из евреев мог взять с собой багаж весом в 5 кг. Подлинная задача, стоявшая перед начальником полиции безопасности и СД, была сохранена в тайне. Когда утром 1 марта 1942 г. гетто было окружено, ни один еврей не был представлен юденратом к отправке. Поэтому были введены в действие команды для освобождения от евреев части гетто. Только после этого евреи были собраны и длинной колонной направлены на ст. Минск-Товарная. Многие не оставляли добровольно свои жилища либо постарались избежать отправки. По отношению к ним была применена сила, а некоторые из них были расстреляны на месте. После очистки гетто в домах и на улицах лежало много трупов, позже они были убраны. На станции люди были погружены в вагоны, которые затем были соединены в длинный состав, который был направлен в Койданово, местечко в 30 км юго-западнее Минска, на железной дороге Минск — Барановичи — Брест-Литовск.

На следующий день, 2 марта 1942 г., все подразделения полиции безопасности и СД направлялись для расстрела пассажиров поезда. Для акции вблизи Койданово было подготовлено много траншей. Вначале евреев выгрузили из вагонов, затем разделили на небольшие группы, и под охраной литовцев они были доставлены к траншеям. При этом применялась сила. Здесь им было приказано снять пальто и верхнее платье. Это было сделано для облегчения стрельбы. Затем евреям было приказано идти вдоль траншей, около которых стояли стрелки, вооруженные пистолетами. Команда стрелков насчитывала 10—20 человек. Каждый стрелок периодически выбирал себе жертву — при этом он приказывал человеку остановиться или останавливал его рукой. Если жертва находилась в удобной позиции, солдат стрелял ей в затылок. Если после выстрела человек не падал в траншею, его толкали в нее или вбрасывали туда.

Траншеи были столь широки, длинные и глубоки, что они, по меньшей мере, могли вместить многие сотни трупов.

Группы евреев, находившиеся вдали от траншей, слышали выстрелы и могли понять, что уже началась массовая экзекуция, жертвами которой должны были стать и они. Позже, когда они увидели траншеи и лежавшие в них трупы, по крайней мере взрослым, становилось ясно, что им предстоит. Многие бежали, кричали и плакали, большинство

покорились судьбе без воплей и причитаний. Врача, который должен был констатировать смерть, не было. Однако обращалось внимание на то, чтобы пристреливать тех, кто еще шевелился, или, если возникало подозрение, что кто-то еще не был убит.

В этот день не удалось расстрелять всех людей. Поэтому экзекуция была продолжена 3 марта 1942 г. Всего было убито не менее 3 тысяч человек. Сколько из них было расстреляно 2-го марта и сколько 3-го марта — не было установлено, однако ясно, что было расстреляно не менее 1000 человек.

Согласно сообщению № 178 от 9 марта 1942 г. во время акции, проведенной в Минске – Койданово 2–3 марта 1942 г., было расстреляно 3412 евреев.

...Проведенная 3.3.1942 г. в Минске акция против евреев дала повод городскому населению предполагать, что в последующие недели будут проведены еще более крупные акции против евреев по всей Белоруссии.

Федеральный архив Кобленца 9кс/62. Дела юстиции и нацистских преступлений. Т. 19. Текущий № 552. Перевод с немецкого.

Из отчета о деятельности оперативной группы унтершарфюрера СС Арльта

г. Минск, 17 мая 1942 г.

...Боевая деятельность взвода (один унтер-офицер, 10 солдат) состояла после вашего отъезда в том, чтобы руководить наблюдением за рытьем траншей в 22 километрах от Минска.

Работы продолжались 8 дней и закончились 30.5.42 (30.4.42 — авт.) когда весь взвод принял участие в акции разгрузки тюрем.

4.5.42. Мы вновь направились на прежнее место, чтобы самим вырыть новые траншеи. Эта работа заняла 4 дня.

4.5.42. Прибыл поезд с евреями из Вены (1000 человек). Прямо с вокзала евреи были доставлены к траншеям. Для этого поезд был подогнан к ним...

13.5.42. 8 солдат наблюдали за выемкой новых траншей, так как в ближайшие дни должен был прибыть еще один транспорт с евреями из рейха.

Арльт, унтершарфюрер СС

Из отчета о деятельности оперативной группы унтершарфюрера СС Арльта

г. Минск, 16—18 июня 1942 г.

21.05. Чистка оружия и обмундирования.

26.05. Прибыл в Минск эшелон с 1000 евреев из рейха. Он сразу был доставлен к вышеуказанным траншеям. Эсэсовцы были использованы на работах у траншей.

25 и 19.05. Были вырыты новые траншеи.

30.05. Рейхсминистр Розенберг посетил Минск. Его безопасность обеспечивали эсэсовцы.

1.06. Прибыл еще один эшелон с евреями...

9.06. Чистка оружия и обмундирования.

15.06. Прибыл эшелон с 1000 евреями из Вены... В последующие дни эшелоны с евреями прибывали и были нами обслужены.

18 и 19.06. Мы вновь были заняты рытьем траншей...

26.06. Прибыл ожидавшийся эшелон с евреями из рейха. В последующие дни мы занимались чисткой оружия, обмундирования.

2.07. Мы получили указание подготовиться к приему эшелона с евреями и к выемке траншей...

17.07. Прибыл эшелон с евреями...

21, 22 и 23.07. Были отрыты новые траншеи...

24.07. Прибыл еще один эшелон с евреями из рейха...

25–27.07. Были открыты новые траншеи...

28.07. Большая акция в русском гетто. 6000 евреев были доставлены к траншеям.

В последующие дни проходила чистка оружия, обмундирования...

Арльт, унтершарфюрер СС

Kolh Paul. Ich wundere mich, daß ich noch lebe. Gutersloh, 1990. S. 227—228. Перевод с немецкого.

Распоряжение комиссара Минского округа о запрете контактов с евреями

г. Минск, 16 июля 1942 г.

Усім служачым установы сурова забаронены зносіны з жыдамі. Асабліва недапушчальна весці размовы з рабочымі жыдамі, якія працуюць у службовым будынку.

Падпісаў д-р Кайзэр

НАРБ, ф. 393, оп. 1, д. 138, л. 7.

Из доклада генерального комиссара Белоруссии В. Кубе имперскому министру финансов о положении в занятых восточных областях

4 сентября 1942 г.

...В настоящее время в Минске находится 9 000 еврейских рабочих, из которых 6 000 составляют русские евреи и 3 000 немецких евреев. Он считает, что решение еврейского вопроса по отношению к родственникам немецких евреев не совсем правильно. Среди уничтоженных немецких евреев оказалось 140 фронтовиков первой мировой войны, часть из которых награждены военными наградами.

Решение еврейского вопроса в Белоруссии в последнее время затруднено тем, что организация Тодта и строительные батальоны авиационных частей генерал-губернаторства привозят в генеральный округ Белоруссии евреев, которых затем собирают и уничтожают СД. В связи с этими мероприятиями и с учетом того, что транспорты с евреями продолжают прибывать из Германии в Белоруссию, генеральный комиссар Белоруссии не в состоянии решить еврейский вопрос до сентября сего года...

НАРБ, ф. 4683, оп. 3, д. 974. л. 137—138. Перевод с немецкого.

Из обзора комиссара криминальной полиции оберштурмфюрера Буркхардта о положении немецких евреев в минском гетто

г. Минск, 1942 г.

Особое место при решении еврейской проблемы занимают 7000 немецких евреев, доставленных в минское гетто. Эти евреи размещены в различных частях гетто и по желанию генерального комиссариата отгорожены от районов, где проживают русские евреи, колючей проволокой. И на сегодняшний день получилось, что немецкие евреи не только окружены проволочным ограждением, но отгорожены от русских, а, в целом, гетто еще не окружено проволокой.

Хотя среди немецких евреев меньше специалистов, но учитывая их знание языка и более культурный уровень, к ним нужно относиться мягче, чем к русским евреям. Интересны следующие данные, которые отражают картину живой жизни в немецком гетто:

в гетто немецких евреев насчитывается 7000 евреев. Среди них 1800 человек работоспособных. Из них около 900 человек в настоящее время не могут быть использованы на работе из-за болезней, связанных с недоеданием. Болезни, в основном, следующие:

- 370 — дизентерия
- 102 — обмороживание
- 135 — гнойные раны
- 210 — конъюнктивное воспаление глаз
- 25 — воспаление легких
- 63 — грипп и ревматические болезни
- 30 — болезни мочевого пузыря

Эти данные по состоянию на 31 декабря 1941 года. Аналогичные вышеприведенным заболевания и в гетто для русских евреев, с той разницей, что здесь процент заболеваний, по общему признанию, еще более высок.

Немецкие евреи в Минске особенно благодарны заботе, которую оказывает им господин главный комиссар гауляйтер Кубе. При посещении Кубе ... в ноябре 1941 года гетто он узнал, что родственники некоторых из евреев сражаются на фронте. Заинтересовавшись этим, он обещал, что доложит об этом фюреру.

Гауляйтер Кубе обратил внимание на внешность двух еврейских девушек, которые похожи на ариек. Он распорядился политическому руководителю установить личность девушек и выписать из гетто. Одна из них работала затем в генеральном комиссариате, совмещая работу стенографистки и парикмахера, при этом ей было разрешено ходить без «звезды», чтобы не оскорблять чувства немцев, которые брились у нее и не раздражать их зрелищем еврейской «звезды».

Старейшина еврейского гетто был принят генеральным комиссаром и ему была предоставлена широкая возможность изложить свои жалобы. Перед этим его заместитель жаловался, что один из старых членов партии угрожал избить его, а то и пустить пулю в лоб. Многочисленные жалобы также поступали со стороны еврейского совета на гауптштурмфюрера штаба СС и руководителей полиции, что они избивают евреев за неудовлетворительную работу.

Принимая во внимание неоднократные заявления еврейского совета о чрезвычайно плохом питании обитателей гетто, обсуждался вопрос о передаче снабжения и содержания вермахту, руководитель финансового отдела вермахта заявил при этом, что на фоне тех поставок продовольствия, которые имеет вермахт, содержание 7000 евреев не представляет никаких трудностей.

Большинство немецких евреев после прибытия в Минск полагали, что ехали сюда с целью колонизации восточных пространств. Но после того как их согнали в гетто, где они длительное время подвергались плохому обращению, распространились слухи, что их переселение явление временное и после окончания войны им разрешат вернуться в Германию. Этой версии, которая облегчает им преодолевать повседневные трудности, придерживаются большинство евреев, лишь незначительная часть ясно представляет свое будущее, но не осмеливается говорить об этом вслух.

И в этой обстановке проявилась поразительная, свойственная евреям способность приспосабливаться, которую они пытаются направить на то, чтобы несколько облегчить себе жизнь.

Так, например, брюнеры в условиях, насколько было возможно, организовывали еврейское варьете, куда собрались относительно хорошие силы.

Из разговоров самих евреев можно заключить, что в гетто продолжается половая жизнь. Трудно сказать является ли это самоцелью или заботой о жизнестойком потомстве.

Большая скученность евреев в гетто на небольшом пространстве естественно создает благоприятную обстановку для распространения заразных болезней.

С наступлением ранней весны, это необходимо учесть, так как гетто является очагом заразных заболеваний, откуда заболевания могут перебраться не только на белорусское население, но и на немецких граждан и армию.

Проведенная в январе 1942 года внутри немецкого гетто кампания шерстяных изделий дала следующие результаты:

- Пальто — 329
- Жакеты — 159

Изделия из меха — 128
 Муфты — 300
 Меховые воротники — 2146
 Меховые шапки — 100
 Боа (воротники) — 440.

Уничтожение евреев в больших масштабах, если бы это и позволяли интересы экономики, в настоящее время из-за климатических условий невозможно: сильно промерзшая земля затрудняет рытье могил и их погребение.

Буркхард, оберштурмфюрер СС и уголовный комиссар

НАРБ, ф. 1216, оп. 1, д. 3, л. 253—261. Перевод с немецкого.

Показания Г. Хойзера о расстреле евреев в ур. Благовщина Минского района в 1942 г.

...Я поехал к траншее. Каждый водитель знал, где находится место экзекуции. Там Буркхард проводил экзекуцию по распоряжению отдела IV. Меня обогнал грузовик с евреями, который остановился у невысокого лесочка. Мы поехали к левой стороне, где стояло много грузовиков. Я вышел, достал пистолет, сбросил пальто, подошел к началу траншеи, в которой лежали расстрелянные евреи. Траншея была около 20 метров длины, ее глубина была не менее 2-х метров. Позднее траншеи были более глубокими. Когда я подошел к траншее, я снял пистолет с предохранителя, другие охранники уже стреляли. Я тоже стал стрелять. Вначале стрелял в лежавших в траншее евреев, которые были еще живы. Затем, как и охранники, я стал стрелять в затылки стоявших евреев... В предобеденное время я и Штраух поехали в деревню, где стояли грузовики с еврейским багажом... Число доставленных евреев не известно. В каждом эшелоне была тысяча евреев.

Назавтра утром, около 8 часов я поехал к месту экзекуции. Число расстрелянных мною евреев я не знаю, я стрелял. Здесь были еврейки, детей не было, их убили во время акции в гетто...

В это время прибыло два эшелона с Запада. Мы направили евреев на станцию Минск-Товарная, а оттуда направили в гетто. Там не было места для них, но в то время это не учитывалось (позднее эти евреи были ликвидированы). Я был в Минске во время большой еврейской акции в июле 1942 г.

С сентября я нес свою прежнюю службу.

В сентябре и октябре 1942 г. я участвовал в трех акциях, связанных с прибытием с Запада эшелонов. Два из них прибыли в сентябре. Во время одной акции я был начальником на месте экзекуций у одной из траншей. При этом я стрелял. Во время второй акции в сентябре 1942 г. я был вначале у места разгрузки евреев, а затем стрелял у траншеи...

Во время третьей акции (октябрь 1942 г.) снова прибыл эшелон с евреями рейха. Я снова стрелял...

Kolh Paul. Ich wundere mich, daß ich noch lebe. Gutersloh, 1990. S. 221. Перевод с немецкого.

Письмо начальника полиции безопасности Остланда гауптштурмфюрера Трюгеса в Главное имперское управление безопасности о дополнительном выделении газовых автомобилей

1942 г.

Транспорты с евреями, которые должны быть подвергнуты особому способу обращения, прибывают еженедельно в управление начальника полиции безопасности и

службы безопасности Белоруссии. Три газовых автомобиля, которые имеются там, недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для автомашин, которыми мы располагаем (две — Диамонд, одна — Заурер), так как имеющиеся трубы уже пропускают газ.

«Нюрнбергский процесс. Сборник материалов». М., 1954. Т. 1. С. 833.

Из отчета унтерштурмфюрера СС доктора Беккера о состоянии газовых автомашин

16 мая 1942 г.

...Осмотр газовых автомобилей группы «Д» и «С» окончен. В то время как газовые автомобили первой серии могут использоваться и в плохую погоду, автомобили второй серии «Заурер» совершенно выходят из строя в дождливую погоду. Например, если они пробыли под дождем в течение получаса, то их нельзя использовать потому, что они буксуют. Эти автомобили можно использовать только при абсолютно сухой погоде. Вопрос заключается теперь в том, можно ли использовать газовый автомобиль тогда, когда он стоит на месте казни. Во-первых, его следует доставить к этому месту, что возможно только при хорошей погоде. Во-вторых, место казни обычно находится в 10—15 километрах от шоссе и к нему трудно добираться. В грязь или сырую погоду к нему вообще нельзя проехать. Если лиц, подлежащих уничтожению, перевозят или ведут к этому месту, то они быстро начинают сомневаться, что происходит, и начинают беспокоиться, чего следует избегать, насколько это возможно. Остается один только способ грузить их на автомашины в одном пункте, а затем перевозить к месту казни.

Я приказал замаскировать автомашины «Д» под прицепы под жилье, приделав по одной паре оконных ставен с каждой стороны малого газового автомобиля и по две пары ставен на каждой стороне больших автомобилей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно видеть в сельской местности. Эти машины стали настолько хорошо известными, что не только власти, но и гражданское население называют эти автомобили «душегубками»...

...Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее шофер нажимает акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. Больше не приходится наблюдать искаженные лица и испражнения, как это было прежде.

Сегодня я продолжу мою инспекционную поездку и посетю группу «Б», где я смогу получить дальнейшие сведения.

«Нюрнбергский процесс». В 8 томах. Т. 5. М., 1991. С. 646—648.

Объявление жилищного отдела Минского городского комиссариата о переселении жителей Минска в собственные дома на бывшей территории гетто

10 сентября 1942 г.

Все собственники домов, которые при создании еврейского гетто вынуждены были покинуть свои дома и переселиться в еврейские (в порядке обмена) обязуются в течение 10-ти дней обратиться в жилищный отдел Городского Комиссариата (кабинет № 42) для получения разрешения на занятие своего дома на бывшей территории гетто.

Переселение в собственные дома должно быть проведено в срок, определенный Жилищным отделом.

В случае незанятия своих домов в назначенный срок хозяин дома будет переселен в принудительном порядке.

При получении разрешения хозяин должен иметь с собой документы на собственность дома и обменную справку.

Жилищный отдел Минского городского комиссариата

«Беларуская газэта». 10 верасня 1942 г.

Служебная записка городского инспектора Лоебеля о состоянии Минского гетто после истребительной акции в августе 1942 г.

г. Минск, 16 ноября 1942 г.

В конце июля и в начале августа 1942 года была проведена акция в гетто. Сразу же после этой акции со всей настойчивостью были организованы охрана и вывоз оставшегося движимого имущества евреев. Трудность сохранения этого имущества состояла в том, что, во-первых, не было достаточного количества автотранспорта, а во-вторых, бензина. В связи с этим обеспечение сохранности движимого имущества затянулось.

Затем, чтобы избежать длинных путей транспортировки, в самом гетто был создан склад для хранения этого имущества. По договоренности с начальником шуцполиции последний усилил полицейский участок гетто служащими немецкой и белорусской полиции, однако, и имевшихся в распоряжении сил оказалось недостаточно, чтобы предотвратить попытки разграбления имущества местным населением. Таким образом, после того, как часть гетто была освобождена от движимого имущества необходимо было сразу же заселить ее. Согласно пожеланиям гауляйтера, в лучшие дома должны быть поселены в первую очередь «фольксдойче» и белорусские полицейские. Большая часть «фольксдойче» отказалась переселиться в освободившиеся квартиры гетто, так как они в других местах были устроены лучше. После чего по согласованию с генеральным комиссаром отказались от дальнейшего переселения «фольксдойче». Местные жители, которые были поселены в освободившиеся квартиры в гетто, сразу же начали благоустраивать их, так как последние в большинстве случаев вследствие акции серьезно пострадали, а с другой стороны, пришли в упадок вследствие длительного проживания в них русских евреев, за счет других домов. Этого нельзя было избежать, так как отсутствует строительный материал. В особенности в домах отсутствовали оконные и дверные рамы и т. д.

Вскоре, после приема имущественных ценностей земледельческим обществом с ограниченными полномочиями, 1 августа 1942 года работником жилищного отдела было указано земледельческому обществу с ограниченными полномочиями на то, что управление недвижимым имуществом входит в обязанности этого общества и что избежать разрушения домов или отдельных частей можно, если будет создано управление освободившимися в гетто домами. 4 октября 1942 года, т. е. спустя месяц после очищения части гетто, земледельческим обществом с ограниченными полномочиями создано такое управление домами — «управление 31», так что в этот промежуток времени земледельческое общество с ограниченными полномочиями фактически не осуществляло никакого контроля над имущественными ценностями этой части гетто. В связи с очищением указанной части гетто освободилось примерно 1896 комнат с площадью примерно в 15000 кв. м, а не 17000 кв. м, как это указывает земледельческое общество, для заселения местного населения. Из этой жилой площади были непригодны примерно 150 комнат. За это время было заселено 1220 комнат, или ровно 8000 кв.м. Не заселенные до сих пор дома по изложенным выше причинам теперь нуждаются в капитальном ремонте, который сегодня, понятно, сделать значительно труднее, чем полный ремонт этих домов в то время.

НАРБ, ф. 370. оп. 1, д. 486, л. 21. Перевод с немецкого.

Замечания по оформлению статистического отчета «Об окончательном решении еврейского вопроса в Европе»

г. Берлин, 1943 г.

Секретный документ государственной важности!

Рейхсфюрер СС получил Ваш статистический отчет «Об окончательном разрешении еврейского вопроса в Европе». Ему угодно, чтобы нигде не говорилось об «особом обращении с евреями». На стр. 9 должно быть написано следующее:

«Транспортировка евреев из восточных провинций на русский восток: Были перевезены партиями... Через лагеря генерал-губернаторства... Через лагеря в области Варты...»

Другой формулировки употреблять не следует. Я возвращаю экземпляр отчета с пометками Рейхсфюрера СС с просьбой изменить соответствующим образом страницу 9 и прислать его обратно.

Оберштурмбанфюрер

«СС в действии. Документы о преступлениях СС.» М., 1960. С. 156.

Протокол осмотра местности массовых захоронений в районе еврейского кладбища г. Минска

24 июля 1944 г.

Мною, врачом Мельниковой Евгенией Ивановной, в присутствии инженера-землеустроителя Минского облЗО Шафранского и местного жителя Иоффе произведен осмотр вышеуказанного места и обнаружено нижеследующее:

С южной и юго-западной стороны еврейского кладбища обнаружены 4 массовые могилы, расположенные при дороге, ведущей из центра г. Минска на урочище Тучинка, в 2-х метрах от дороги. Причем, три из них расположены параллельно дороге с юго-западной стороны и четвертая под углом к ним с южной стороны.

При обмере могилы оказались следующими:

первая могила длиной 18 метров и шириной 5 метров

вторая могила длиной 14 метров и шириной 5,5 м

третья могила длиной 15 метров и шириной 5,5 м

четвертая могила длиной 18 метров и шириной 6 метров.

При обследовании ближайшей местности обнаружить другие могилы не представляется возможным, в виду застройки этой территории специальным сооружением. Наличие же других ям несомненно подтверждают свидетели стройки, которые обнаруживали трупы в массовом количестве.

Государственный архив Минской области. ф. 7021, оп. 87, д. 123, л. 85.

Публикации Михаила Трейстера, использованные в книге:

Визит в КГБ // Авив. № 1–2, 2003, № 8–9, 2005.

Проблески памяти // Мінскае гета 1941–1943 гг. Трагедыя. Гераізм. Памяць. Мн., 2003.

Обложка партбилета // Авив № 7–9, 2007.

Interview vom 11.06.2000 // *"Existiert das Ghetto noch?"*, Projektgruppe Belarus. Berlin, Hamburg, Göttingen, 2003.

Проблески памяти // Авив. № 10, 2003; № 1–4, 6–9, 2004, № 4, 10, 2008.

Проблески памяти // Вести. Израиль. № 3102, 3107, 3112, 2005.

Минское гетто. Проблески памяти // *Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации*. Мн., 2005.

Встали мы плечом к плечу // Советская Белоруссия. 1 августа 2006.

Прикосновение к правде // Вести. Израиль. № 3158, 2006, (в соавторстве).

Холокост и Сопротивление евреев в Беларуси // Сборник докладов на конференции «15 лет Движения евреев – бывших узников фашизма». Москва, 2006. С.Петербург, 2007.

Statement auf dem international Symposium Claims Conference am 13 und 14 November 2002. Berlin.